

Г.А.АЛЕКСАНДРОВ

**ЧУВАШСКИЕ
ИНТЕЛЛИГЕНТЫ**

БИОГРАФИИ И СУДЬБЫ

Чебоксары 2002

УДК 94 (470.344) + 37
ББК 63.3 (2 Рос. Чув) + 74.03
А 46

Александров Г.А.

А 46 ЧУВАШСКИЕ ИНТЕЛЛИГЕНТЫ. Биографии и судьбы. — Чебоксары, 2002. — 216 с.

В книге рассказывается о жизни и деятельности чувашских интеллигентов конца XIX—XX веков, оставивших яркий след в истории родного народа.

ББК 63.3. (2 Рос.Чув) + 74.03

© Александров Г.А., 2003

ПРЕДИСЛОВИЕ

Перед Вами — нужная и давно ожидаемая книга историко-биографического плана. В ней читатели познакомятся с жизнью и деятельностью чувашских интеллигентов конца XIX—XX веков, оставивших заметный след в просвещении чувашского народа, в научной и общественной жизни России. Публикуемые в книге очерки — плод долголетней и кропотливой работы известного чувашского историка Г.А.Александрова, всю свою жизнь посвятившего восстановлению истории духовного развития своего народа, анализу истоков народной культуры и роли дореволюционной чувашской интеллигенции в просвещении и культурной жизни страны.

Читатель сразу обратит внимание на то, что одни главы этой книги подробны и обстоятельны, а другие — кратки и беглы, напоминая собою скорее газетные статьи, чем обстоятельные исследования. Объясняется это скудостью нашей источниковой базы. Г.А.Александрову пришлось порою буквально по крохам добывать нужные ему сведения и факты. Он много и плодотворно работал в архивах и библиотеках, обращался зачастую и к потомкам тем деятелей, жизнь которых он изучал и описывал, и находил в семейных архивах столь необходимые ему сведения. И как хорошо, что в книге рассказано не только о первых чувашских просветителях, но и об их детях и внуках!

Опытный и знающий читатель (а именно ему и предназначена эта книга!), возможно, заметит, что в ней нет специального очерка, посвященного одному из самых замечатель-

ных деятелей чувашской культуры И.Я.Яковлеву. Это тем более бросается в глаза, что автор книги является признанным специалистом, известным исследователем жизни и трудов выдающегося чувашского просветителя. Но ведь имя И.Я.Яковлева все равно постоянно мелькает на страницах этой книги. Тем же, кто пожелает подробнее ознакомиться с жизнью и деятельностью этого человека, будет очень полезно прочитать одну из последних книг Г.А.Александрова «Иван Яковлевич Яковлев: фрагменты жизни» (1997).

Читая эту интересную и содержательную книгу, диву даешься: в каких же поистине нечеловеческих условиях жили чувашаи Российской империи, с каким трудом и с какой самоотверженностью стремились они к знаниям, к просвещению, как много помощи и поддержки получали они от Н.И.Ильминского, самоотверженно пестовавшего своих учеников и воспитанников! О стремлении чувашей к знаниям, к науке хорошо свидетельствуют данные об окончивших учебные заведения, приведенные в книге Г.А.Александрова «Чувашская интеллигенция: истоки» (1997).

Богатая духовная жизнь современного чувашского народа уходит своими корнями в глубокое прошлое. Как не вспомнить при этом пророческие слова И.Я.Яковлева: «...Чуваши Богом не обижены!».

Л.Н.Пушкарев, доктор исторических наук.
г. Москва

15 января 1883 г. Святейший Синод издал указ о разрешении богослужения в России на языках населявших ее народов. В нем говорилось: «Если с инородцами в церкви присутствуют русские, то полезно соединять пополам или в известных пропорциях богослужение на славянском и инородческом языках».

В то время в национальных приходах Среднего Поволжья служили одни русские священники, которые в большинстве своем не владели родным языком своих прихожан и, естественно, не могли проводить в жизнь данное указание Синода. Нужно было готовить кадры священнослужителей из представителей коренных национальностей. 24 сентября 1893 г. Синод разрешил симбирскому архиепископу принимать ежегодно в Симбирскую духовную семинарию троих учителей из чувашей, окончивших курс в Симбирской чувашской учительской школе и проработавших не менее двух лет, для получения ими богословского образования. С 1900 г. чувашей и других представителей поволжских народов стали принимать в Казанскую духовную семинарию.

Документы свидетельствуют, что к концу 1897 г. в Казанской епархии имелось всего 45 священников из «инородцев»: чувашей — 21, татар — 19, мариЙцев — 5.

Первым чувашским священником, проводившим бого-

служение на родном языке, стал Митрофан Дмитриевич Дмитриев. Он родился 2 июня 1847 г. в деревне Кушниково Ядринского уезда (ныне Ибресинского района) в крестьянской семье, крещен 4 июня.

По распоряжению Кошлоушского волостного начальства Митрофан был отдан в Абызовскую школу грамоты. Завершив в ней учебу, он продолжил обучение в Кошлоушском училище. После окончания по инициативе местного русского священника И.П.Оточева 15 октября 1867 г. в родительском доме открыл школу. Под руководством своего духовного отца Оточева, принявшего на себя законоучительскую обязанность, молодой учитель стал трудиться над просвещением своих земляков. Заметив в нем искреннее усердие и жажду к приобретению знаний, о.Оточев посоветовал юноше для продолжения образования поступить на педагогические курсы при Братстве святителя Гурия в Казани, где из лучших учеников нерусских школ готовили учителей и миссионеров для просвещения «инородцев».

В конце февраля 1868 г. священник И.П.Оточев направил Митрофана в Казань к инспектору чувашских школ Казанского учебного округа Н.И.Золотницкому. Николай Иванович оставил юношу при Братстве святителя Гурия. Митрофан изучал закон Божий, совершенствовался в пении и в объяснении молитв, в разыгрывании их на скрипке и в переводах книг Священного писания с русского на чувашский язык. Исправлял прежние переводы Золотницкого.

15 апреля совет Братства святителя Гурия решил оставить Митрофана в Казани для усовершенствования в школьном деле и назначил ему содержание — 3 рубля в месяц. Еще через месяц, 15 мая, он выехал с Н.И.Золотницким в губернию для обозрения чувашских школ. После нескольких удачно исполненных поручений совет Братства постановил оставить М.Дмитриева в Казани «как для усовершенствования в школьном деле, так и для командировок по школам с целью обучения учащихся церковному пению и назначить ему содержание до 5 рублей в месяц».

27 мая 1869 г. в селе Бичурино Чебоксарского уезда в присутствии архиепископа Казанского и Свияжского Антония и многочисленного духовенства М.Дмитриев с церковной кафедры произнес проповедь на родном языке.

Это был первый случай, когда в Казанской епархии с церковной кафедры за литургиею чувашин, в крестьянской одежде, на родном языке проповедовал своим соплеменникам. Владыка тогда же объявил его достойным облачения в стихарь. Другое поучение он говорил в церкви села Тюрлема. По постановлению совета Братства оба эти поучения были напечатаны отдельной брошюрой.

5 сентября 1869 г. М.Дмитриев завершил учебу в Казани и был определен учителем в Чурачикскую школу грамоты Цивильского уезда. До него здесь обучением детей занимался русский священник К.М.Каменский. Он объяснял уроки только по-русски. Дмитриев стал учить читать и петь молитвы по-чувашски. Он сразу расположил к себе не только учеников, но и взрослых. 20 ноября того же года председатель Казанского губернского училищного совета архиепископ Антоний заявил на заседании губернского училищного совета, что он «имевши случаи часто говорить с Митрофаном Дмитриевым», благословляет его преподавать закон Божий в школе вместо священника-законоучителя. 9 декабря Цивильский уездный училищный совет переместил М.Дмитриева в Шибыгинскую школу с правом давать уроки по закону Божию.

В качестве миссионера Дмитриев ходил по школам, селам и деревням в простом чувашском кафтане или в летнем белом балахоне, со скрипкою в руке, распевая в домах, в садах и на улицах молитвы на чувашском языке.

Вскоре М.Дмитриев был призван в армию для исполнения рекрутской повинности. Но по ходатайству совета Братства, по сношению обер-прокурора Св. Синода Д.А.Толстого с министром внутренних дел А.Е.Тимашевым и по докладу последнего император Александр II 19 декабря 1869 г. повелел освободить его от воинской повинности.

Министерство народного просвещения 18 марта 1870 г., вследствие ходатайства попечителя Казанского учебного округа П.Д.Шестакова, удостоило Дмитриева награды в 100 рублей серебром.

В декабре 1870 г. совет Братства, согласно приговору Абызовского волостного схода Ядринского уезда и по собственному желанию М.Дмитриева, определил перевести его во вновь открывшееся училище в селе Абызово. И здесь, как и

езде, он так хорошо вел школьное дело, что за первый же год земство выдало ему награду в 50 рублей.

9 ноября 1871 г. Свияжский училищный совет выдал М.Дмитриеву свидетельство на звание учителя.

По указанию совета Братства он открыл школы в деревнях Ачакасы и Янгличи (1873) и Новые Ачакасы (1875) Цивильского уезда, руководил ими и преподавал в них закон Божий.

1 июня 1873 г. Дмитриев был определен сверхштатным псаломщиком к Троицкой церкви села Абызово, а 8 июля посвящен в стихарь. 10 ноября 1874 г. рукоположен в сан диакона сверх штата к той же церкви; 16 сентября 1876 г., будучи диаконом, был назначен на должность штатного псаломщика.

В конце января 1878 г. в совете Братства святителя Гурия был заслушан доклад Н.И.Золотницкого о М.Д.Дмитриеве. Было решено ходатайствовать перед Владыкой о посвящении диакона Дмитриева в священники на должность помощника настоятеля. В мае он был рукоположен в сан священника к Успенской церкви села Подгорные Тимяши (ныне с.Янтиково одноименного района) Цивильского уезда. (В это время даже окончившие курс в духовной семинарии определялись сначала лишь в псаломщики.) Отец Дмитриев стал служить помощником настоятеля, читал проповеди на родном языке. В братской школе преподавал закон Божий и церковное пение.

В феврале 1881 г. М.Дмитриев был перемещен на должность священника в село Малые Яуши Ядринского уезда (ныне Вурнарского района). Здесь наряду с церковной службой он вел уроки закона Божия в Малояушской земской школе (с марта 1881 г.), Вурманкасинской братской школе, Малояушской женской школе грамоты (с января 1887 г.) и Кюмель-Ямашской церковноприходской школе (с октября 1894 г.).

За отличную, усердную службу его наградили набедренником, скуфьею и серебряной медалью.

Стараниями отца Митрофана рядом с убогим деревянным домом был воздвигнут величественный каменный храм. На его построение и украшение прихожане ассигновали свыше 30000 рублей. «Чтобы убедить чуваш, скупых вообще на пожертвование, ассигновать такую большую сумму,

нужно было иметь большой ораторский талант и христианское терпение», — писал священник К.Г.Карчевский, хорошо знавший М.Д.Дмитриева.

К концу жизни отца Митрофана совершение богослужения на родном языке и назидательная проповедь сделались обыкновенным явлением и не вызывали уже никакого удивления.

Скончался М.Д.Дмитриев 25 августа 1906 г.

М.Дмитриев вырастил пятерых детей. Ко времени его смерти дочери Елизавета и Мария были замужем за инспекторами начальных школ Казанского уезда Д.Ф.Богдановым и Повенецкого уезда Олонецкой губернии П.П.Николаевским. Дочь Анна окончила Казанское женское училище духовного ведомства и работала в Малояушской женской школе грамоты.

Сын Иван поступил в Казанскую духовную семинарию, но выбыл в 1901 г. по прошению из 1 класса. Экстерном закончил Казанскую учительскую семинарию (май 1902 г.). Затем год работал в Кюмель-Ямашевской церковноприходской школе. В 1903 г. поступил в регентские классы Придворной капеллы в Петербурге, где обучался на средства отца. В мае 1906 г. завершил учебу со званием регента и стал работать учителем пения в Симбирской чувашской учительской школе, получая в год 500 рублей жалованья. В сентябре 1908 г. женился на дочери крестьянина села Шихазаны Цивильского уезда. Умер 7 июля 1911 г. Инспектор Симбирской чувашской учительской школы И.Я.Яковлев написал попечителю Казанского учебного округа: «За время своей службы в школе Дмитриев проявил необыкновенное усердие к своему делу, относился к нему с любовью и преданностью и достигал отличных успехов с учениками». Вдове И.М.Дмитриева дали 100 рублей на похороны мужа.

Второй сын М.Д.Дмитриева Николай окончил 4 класса Казанской духовной семинарии, в мае и августе 1906 г. подвергся испытанию зрелости в Казанской второй гимназии и получил аттестат зрелости. Был зачислен в Казанский университет на отделение математики. В июне 1907 г. уволен за невзнос платы за весеннее полугодие. В августе того же года вновь был принят в университет на естественное отделение, где слушал лекции до лета 1909 г. В январе 1910 г. его опять уволили (с 3 курса) за невзнос платы, выдав свидетельство

с указанием, что зачтено четыре полугодия. Дальнейшая судьба его неизвестна.

Литература и источники

Священник М.Д.Дмитриев (Некролог) //Известия по Казанской епархии за 1906 г. № 45. С. 1441—1451.

Доклад Н.И.Золотницкого от 31 января 1878 г. //НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 195. Инв. № 5546. Л. 421—431.

Послужной список М.Д.Дмитриева //Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 997. Личное дело № 36277. Л. 14—15, 30.

В 60-е годы XIX в. самодержавие было вынуждено провести ряд буржуазных реформ. 26 марта 1870 г. правительство утвердило правила «О мерах к образованию населения России инородцев». В основу их легли идеи известного казанского профессора Н.И.Ильминского, автора системы образования и воспитания нерусских народов Поволжья и Востока России. Система была нацелена на сближение «инородцев» с русским населением путем просвещения. Первоначальное обучение Н.И.Ильминский предусматривал вести на инородческом языке. Учителями могли работать «инородцы» или русские, но владеющие национальным языком. Разрешалось издавать учебники на нерусских языках. Родной язык допускался в церковное богослужение.

Деятельность Н.И.Ильминского по претворению в жизнь системы народного просвещения мало чем отличалась от предшествующей русификаторской политики царского правительства, вовсе не заинтересованного в подъеме национального самосознания подвластных ему «инородцев», или «пасынков истории» (по шутливому выражению Н.И.Ильминского). Идеология самодержавного государства зиждилась на стремлении последнего обрусить и христианизировать население России, что в дальнейшей перспективе должно было предотвратить то и дело вспыхивавшие в стране попытки сепаратизма.

В системе Ильминского изучение православия стави — лось на первое место, оно являлось как бы проводником, ве — дущим звеном к обрусению. «Коль скоро инородец усвоил себе православие сознательно и убежденно, умом и сердцем, он уже обрусел», — утверждал Н.И.Ильминский¹. Порядок изучения был таков: сначала учащиеся обучались чтению и письму на родном языке, затем переходили к религиозному чтению и пению на русском языке.

Несмотря на несомненно присутствовавший в про — светительской деятельности Н.И.Ильминского фактор руси — фикации нерусских народов, нельзя не признать того, что разработанная им система образования и воспитания «ино — родцев» путем христианского просвещения сыграла свою положительную роль в формировании национальной интел — лигенции, в подготовке кадров учителей и священнослужи — телей из числа представителей тех или иных народностей многонациональной России. К 70-м годам XIX в. относится и появление первого поколения чувашской интеллигенции², видным представителем которого по праву можно назвать Даниила Филимоновича Филимонова. Он проявил себя и как педагог, и как священник, и как христианский просвети — тель, переводчик и общественный деятель. Его отличали широ — кая образованность, страстная любовь к культуре и языку родного народа, редкая целеустремленность. Имя Д.Ф.Фили — монова было хорошо известно в Поволжье: о нем писали в журналах и газетах, в них печатались его статьи.

Жизнь и деятельность Д.Ф.Филимонова еще не полу — чили обстоятельного описания. Опубликованы лишь крат — кие биографические сведения в газетах³. Литературовед Ю.М.Артемьев в статье «Мятежный дух» чувашского Авва — кума⁴ рассмотрел отдельные стороны его жизни и дея — тельности. А между тем она многогранна. В данной работе автор, опираясь на впервые привлекаемые архивные источ — ники, предпринял попытку дать наиболее полное освещение жизни и деятельности этой незаурядной личности.

НА НИВЕ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Д.Ф.Филимонов родился 10 (22) декабря 1855 г. в деревне

Первое Степаново Чурачикской волости Цивильского уезда Казанской губернии в семье государственных крестьян. В семье Филимона Афанасьевича и Гликерии Максимовны он был вторым ребенком. На другой день после рождения младенца окрестил приходский села Чурачики священник Г.И.Базилевский. Накануне этого события он выбрал ребенку имя Спиридон, видимо, выпавшее на этот день в святцах. Но оно не понравилось родителям малыша. Тогда, с их согласия, священник дал мальчику имя Даниил, вероятно, по случаю поминаемого 11 декабря Даниила Столпника¹.

В начале ноября 1867 г. отец отвез Даниила в Чурачикское земское училище. Здесь было около 15 учеников. Обучением детей занимался русский священник К.М.Каменский. Он вел уроки только на русском языке, запрещал ученикам в школе разговаривать и читать по-чувашски. На втором году они заучивали наизусть катехизис и священную историю, совершенно не понимая их смысла. Осенью 1869 г. в училище стал преподавать чуваш М.Д.Дмитриев, окончивший педагогические курсы при Братстве св. Гурия в Казани². Он учил детей читать и петь молитвы по-чувашски и тем сразу расположил к себе не только своих учеников, но и взрослых чувашей. Через месяц количество учащихся увеличилось до 40, чего прежде никогда не было. «Занятия М.Д.Дмитриева, — вспоминал Даниил Филимонович, — произвели во мне переворот: до него я веровал по-домашнему — по-язычески, а после него стал веровать по-христиански, да еще как?! Не пропускал ни одной церковной службы, ни одного поста»³. М.Д.Дмитриев в Чурачиках прослужил не более двух месяцев.

В 1871/72 учебном году Даниил отправился к любимому учителю М.Д.Дмитриеву в село Абызово Ядринского уезда, в 60 верстах от родной деревни. В сентябре 1872 г. по рекомендации учителя Филимонов первым из чувашей поступил в незадолго до этого открывшуюся Казанскую инородческую учительскую семинарию, директором которой был Н.И.Ильминский (1872—1891 гг.). Здесь Даниил познакомился со студентом университета И.Я.Яковлевым, часто приходившим в дом к Ильминским, где нередко происходили их беседы о просвещении «инородцев».

В июне 1875 г. Д.Ф.Филимонов закончил семинарию и

с 1 августа по приглашению И.Я.Яковлева стал учительствовать в Симбирской центральной чувашской школе, первоначально в двух младших классах в объеме курса сельских двухклассных училищ обучал всем предметам, в том числе и закону Божию под наблюдением законоучителя И.В.Богоявленского, а потом четыре года преподавал историю и географию в старших классах. Одновременно в 1877—1881 гг. являлся заведующим школой, о чем позднее вспоминал: «Собственно я заведовал фактически только хозяйством школы. Эта должность для меня была очень тяжелой — неблагодарной. Я был занят с утра до ночи. И.Я.Яковлев приходил в школу всегда рано и, если заметит какой-либо беспорядок, начнет кричать на весь двор: «Даниил Филимонович!»¹

В 1875—1877 гг. Д.Ф.Филимонов обучал воспитанников церковному пению, организовал из них хор, который пел при богослужении в Никольской церкви. Все эти обязанности выполнялись им безвозмездно.

Под его руководством в 1877 г. был произведен ремонт купленного для школы здания. И.Я.Яковлев писал: «Оба мы — я и Филимонов — были тогда еще неопытны в таких вопросах и наделали ошибок. Вся работа по ремонту и постройке пала на него — и с этой нелегкой задачей он справился, в общем, хорошо»⁵.

Д.Ф.Филимонов в сентябре 1881 г. сдал экзамен испытательной комиссии при Симбирской гимназии на звание учителя истории и географии уездного училища. Ему было выдано свидетельство от Казанского учебного округа.

Зимой 1882 г. Д.Ф.Филимонов получил от Н.И.Ильминского письмо с предложением принять сан священника. «Принятие священнического сана, — вспоминал он, — казалось мне делом очень важным, высоким и даже страшным. Как по происхождению своему, так и по образованию я считал себя недостойным кандидатом в священники. Между тем, Иван Яковлевич советовал мне поторопиться с ответом. Наконец, я написал ответ о своем согласии и начал готовиться: читать и участвовать в богослужениях и пением и чтением»⁶.

В марте 1882 г. Д.Ф.Филимонов обратился к архиепископу Казанскому и Свияжскому Сергию с прошением назначить

на место помощника настоятеля церкви села Ковали Цивильского уезда⁷. В то же время он послал на родину заявление с просьбой уволить его из крестьянского сословия, что позволило бы ему получить духовное звание. Владыка Сергей согласился принять его на службу в священническом сане, но предварительно велел сдать экзамены.

И.Я.Яковлев выдал Д.Ф.Филимонову свидетельство, в котором написал: «Филимонов исполнял как обязанности преподавателя, так и заведующего школой при отличном поведении, с усердием и старанием, и полезною деятельностью обратил на себя внимание высшего учебного начальства»⁸.

Отныне карьера Д.Ф.Филимонова пошла в направлении служения церкви и Богу.

В конце апреля Д.Ф.Филимонов отправился в Казань держать экзамен на священника. Н.И.Ильминский представил его архиепископу Сергию. Духовная консистория направила Д.Ф.Филимонова к законоучителю университета протоиерею Н.К.Миловидову — настоятелю церкви женского Богородицкого монастыря, которому Филимонов с 1 по 10 мая успешно сдал экзамены по всем предметам.

20 июня его посвятили в духовное звание. 27 июня рукоположили в сан диакона в Спасском монастыре, а через два дня — в сан священника в кафедральном соборе с назначением на место помощника настоятеля церкви села Ковали Цивильского уезда.

14 июля Д.Ф.Филимонов прибыл на место службы. Через три месяца, 14 октября, он переехал в приходское село Мусирмы, где была выстроена новая церковь и предполагалось открытие самостоятельного прихода. 18 октября храм освятил местный благочинный в присутствии священников из соседних приходов. 29 октября в Мусирме открыли самостоятельный приход, который объединил четыре селения. В Мусирме в должности священника Д.Ф.Филимонов прослужил около 12 лет, получая от 700 до 800 рублей в год.

Благодаря его ходатайствам в Мусирминском приходе, начиная с 1883 г., открывались школы. Первая школа грамоты в Мусирме была открыта 7 января 1882 г. еще до приезда Д.Ф.Филимонова, преобразованная в 1883 г. по его инициативе в земское одноклассное училище. Учителем назначили выпускника Симбирской чувашской школы С.А.Лазарева, уро-

женца деревни Первое Степаново Цивильского уезда, а законоучителем — Д.Ф.Филимонова (до 11 января 1894 г.). В училище применялась система Н.И.Ильминского. Мусирминцы в 1886 г. общими силами построили для школы новое удобное здание с квартирой для учителя.

Д.Ф.Филимоновым были открыты в приходе частная школа грамоты в деревне Кудеснеры (8 января 1883 г.); школа Братства св. Гурия в деревне Дальние Мусирмы (1 октября 1884 г.), в которой он был законоучителем с 29 ноября 1884 г. по 11 января 1894 г.; частная женская школа грамоты в селе Мусирмы (15 ноября 1888 г.).

По его же инициативе открыты были братские школы в других приходах: в деревне Первое Степаново Чурачикского прихода (22 ноября 1884 г.); в деревне Старые Арабоси Ново-ишеевского прихода и в деревне Хоруй Буртасинского прихода (позднее была переведена в деревню Карак-Сирмы); в деревне Тенеево Гришинского прихода (26 января 1887 г.), руководителем в ней был сам Д.Ф.Филимонов в 1887—1894 гг.⁹ О состоянии дел во всех открытых им школах он неоднократно представлял доклады в совет Братства св. Гурия¹⁰.

Первыми учителями в этих школах работали его же ученики, например, в деревне Первое Степаново уроженец деревни Дальние Мусирмы Д.Т.Тарасов. В 1884 г. он окончил Мусирминское земское училище, затем Бичуринское двухклассное училище. В Кудеснерской школе учителем работал Я.Г.Гаврилов.

Д.Т.Тарасов и Я.Г.Гаврилов, желая получить звание учителя сельского начального чувашского училища, поехали в Казань в учительскую семинарию для сдачи экстерном экзаменов. Д.Ф.Филимонов написал Н.И.Ильминскому: «По знаниям они, конечно, не богаты и развитием не далеки, но в школах своих занимались до сих пор весьма усердно и успешно; церковное пение оба знают хорошо и это давно у них поставлено отлично. Д.Т. в прошлом году экзамен на учителя держал в Цивильском уездном училище, но провалился по арифметике». Оба, выдержав экзамены, получили свидетельство, о чем 6 сентября 1889 г. Д.Ф.Филимонов сообщил в Цивильскую уездную земскую управу¹¹.

В рапорте о состоянии Мусирминского прихода за 1889 г. он отметил: «В среде сельской русской интеллигенции нахо-

дилься люди, отрицавшие полезность их (школ в чувашских деревнях. — Г.А.) и говорившие: «Зачем учить чуваш грамоте? Ведь из свиньи не сделаешь бобра» и т.п. Мало того, некоторые даже высокообразованные лица готовы отвергать пользу инородческих школ, в которых начальное преподавание производится преимущественно на чувашском языке, затем постепенно вводится русский язык. Многие находят вовсе ненужным употреблять чувашский язык для преподавания. Чуваш, говорят они, надо учить по-русски, чтобы они скорее обрусели»¹².

Д.Ф.Филимонов являлся руководителем на кратковременных учительских курсах в Цивильске в июне 1883 г., в Казани при крещено-татарской школе — в августе 1893 г.

В феврале 1894 г. Д.Ф.Филимонов был перемещен в село Ишаки Козьмодемьянского уезда на должность второго штатного священника.

Самым важным и полезным своим делом Д.Ф.Филимонов считал открытие в Ишаках 4 октября 1894 г. двухклассной миссионерской школы Братства св. Гурия со вторым при ней учительским классом. В ней он был заведующим и законоучителем. Она готовила учителей для сельских чувашских братских школ и школ грамоты и состояла в ведении совета Братства св. Гурия, содержалась на средства Православного миссионерского общества, местной церкви и Козьмодемьянского уездного земства.

Для размещения школы летом 1894 г. Д.Ф.Филимонов построил двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте. В нижнем этаже располагались две учительские квартиры, в верхнем — классы. Через год были выстроены для ученического общежития одноэтажное деревянное здание с кухней и баня. Школа строилась на средства церкви села Ишаки.

Курс обучения в школе был шестилетний: в 1 классе учение продолжалось четыре года, во 2 — два. Изучались закон Божий, краткие сведения по школоведению, русский язык и славянское чтение, арифметика, чтение чувашских переводов, русская история и география, церковное пение¹³. Школа имела огород площадью 800 кв. сажен земли, продукты с него служили некоторым подспорьем для содержания учащихся.

Учащихся в школе было около 80 человек, в том числе 30 — в учительском классе.

В октябре 1895 г. для желающих и способных учеников при ней открылся класс иконописи — единственный во всей Казанской губернии. Для него Братство св. Гурия выделило 100 рублей и направило мастера-иконописца М.Т.Тимофеева.

В 1896 г. состоялся первый выпуск 35 воспитанников, окончивших курс в учительском классе. Из них 23 ученика в середине мая в Казани выдержали экзамены на звание учителя начального сельского чувашского училища. Им были предоставлены учительские должности в разных уездах Казанской губернии.

В том же 1896 г. по командировке совета Братства св. Гурия Д.Ф.Филимонов с 19 выпускниками 2-го учительского класса Ишакской школы совершил поездку в Нижний Новгород для осмотра Всероссийской выставки. 19 июля они представлялись императору Николаю II и императрице Александре Федоровне. Ишакские ученики вместе с учениками Симбирской чувашской учительской школы на открытом месте пропели молитву «Спаси, Господи, люди твоя» на чувашском языке в то время, когда мимо проходил государь с государыней. В Нижнем Новгороде они пробыли шесть дней. Посещение выставки для них было бесплатным. В Нижегородской Воскресенской церкви Д.Ф.Филимонов отслужил две обедни: 20 июля с хором Славянского и 22-го с хором учеников Ишакской школы.

В 1898 г. состоялся второй выпуск 38 воспитанников — из 2 учительского класса. 20—24 мая 34 ученика держали экзамены в Казанской инородческой учительской семинарии. 21 мая попечитель Казанского учебного округа В.А.Попов испытывал их по всем предметам и обнаруженными успехами остался очень доволен¹⁴.

Ишакская школа, руководимая Д.Ф.Филимоновым, имела добрую славу среди чувашского населения. Число желающих поступить в нее доходило до 300 человек, а принимали в учительский класс не более 30. Сюда приезжали чувашаи даже из Саратовской и Самарской губерний. Уроженец деревни Первое Чемерчеево Цивильского уезда П.Васильев писал 10 октября 1908 г.: «Когда я учился в Ишаках, сильнее

всего из учителей любил священника Д.Ф.Филимонова, потому что он учил нас любить чувашей, сам он очень любил чувашей. После окончания школы я стал душой болеть за чувашей, желание сделать им добро привело меня на учебу на Казанские миссионерские курсы»¹⁵.

В Ишакском приходе Д.Ф.Филимоновым были открыты еще школы грамоты: 15 октября 1895 г. в деревне Хорасирма и 23 октября 1896 г. в деревнях Ырашпулых и Сятракасы¹⁶. К исполнению обязанностей учителя первой был допущен сын Д.Ф.Филимонова Александр, выдержавший в Казанской инородческой учительской семинарии экзамен на звание учителя. 25 ноября того же года Д.Ф.Филимонов рапортовал по поводу трудоустройства сына благочинному А.П.Добросмыслову: «Александр Филимонов занимается в школе безвозмездно, так как на наем школьной квартиры и на покупку учебных пособий никаких определенных средств не назначено»¹⁷. Через некоторое время школу приняло в свое ведение Козьмодемьянское уездное отделение Казанского епархиального училищного совета и назначило на ее содержание 30 рублей в год, из которых 15 рублей употреблялось на наем квартиры и на дрова, другие 15 рублей — на вознаграждение учителю за труды по обучению. Учителями в двух последних работали окончившие курс в Ишакской школе.

Как приходский священник Д.Ф.Филимонов посещал школу грамоты в деревне Большие Кшауши. В 1894/95 учебном году он три раза побывал в ней. На содержание школы Козьмодемьянское земство отпускало в год всего 25 рублей. Из этих денег учитель тратил 15 рублей на наем квартиры и 5 рублей на покупку учебных пособий, ему в качестве оплаты труда оставалось не более 5 рублей. 28 сентября 1895 г. Д.Ф.Филимонов обратился к очередному Козьмодемьянскому уездному земскому собранию с просьбой увеличить содержание этой школы до 50 рублей в год¹⁸.

В сентябре 1895 г. Д.Ф.Филимонов руководил двухнедельными учительскими курсами в деревне Молькеево Цивильского уезда, организованными для учителей братских чувашских школ Казанской епархии. В следующем году подобные же курсы под его наблюдением были устроены в Ишаках.

1 октября 1896 г. и 5 августа 1898 г. Д.Ф.Филимонов обратился с докладом к чиновнику особых поручений при обер-прокуроре Святейшего Синода И.А.Износкову, наблюдателю инородческих церковноприходских школ и школ грамоты Волжско-Камского края. В нем он писал, что среди чувашей имеется лишь три женские школы. По его мнению, в чувашских деревнях нужно открывать недорогие домашние школы для обучения девочек грамоте и христианской вере: «Языческие суеверия и искренняя преданность языческим богам более всего и глубже всего коренятся в женщинах, которые в своей привязанности к язычеству оказываются очень твердыми и почти вовсе не поддаются русско-христианскому влиянию»¹⁹.

Д.Ф.Филимонов считал необходимым для подобных элементарных учебных заведений готовить учительниц в особой инородческой женской школе со вторым при ней учительским классом, хотя бы одну на губернию, например, в Ишаках. Он рекомендовал дополнить правила о церковноприходских школах грамоты, изданные в 1884 г., параграфом, обязывающим преподавать закон Божий первые два года обучения на родном языке.

И.А.Износков ответил, что доложил о докладе Д.Ф.Филимонова обер-прокурору Св. Синода²⁰. Неизвестно, каков был результат.

В октябре 1899 г. Д.Ф.Филимонов вынужден был покинуть Ишаки (о причине выезда см. в разделе «Священник-миссионер») и уехал в село Пролейка Самарского уезда Самарской губернии. На второй день после его отъезда газета «Казанский телеграф» сообщила: «В понедельник, 11 октября, выехал из Казани к новому месту служения в Самарскую епархию... о. Даниил Филимонов, столь много потрудившийся для просвещения инородцев в нашем крае...

В 1894 г. покойный архиепископ Владимир поручил о.Филимонову устроить учительскую школу для чувашей в селе Ишаках. Почти без всяких средств Филимонов создал школу, которая по отчету бывшего епархиального наблюдателя о. Дружинина признана была лучшей в губернии. Число желающих поступить в Ишакскую школу считалось сотнями; приходили искать света в ней даже из соседних губерний.

Столь блестящая успехами школа всецело обязана была исключительным педагогическим талантам о.Филимонова и широкой известности его как писателя.

Мы уверены, что память об о.Филимонове сохранится в Казанской губернии на долгие годы».

* * *

В селе Пролейка Д.Ф.Филимонов прослужил 2,5 года. Здесь он построил деревянное здание церковноприходской школы на каменном фундаменте. В этой и в земской одноклассной школах он проводил уроки закона Божия²¹.

27 августа 1900 г. Д.Ф.Филимонов обратился к Самарскому епископу Гурию с предложением учредить для чувашей особую церковную второклассную учительскую школу в одном из двух пунктов: в чувашском селе или в городе Самаре²². Гурий разделял это мнение Д.Ф.Филимонова, и оно было рассмотрено на епархиальном училищном совете. Последний принял решение о том, что инородческая второклассная школа уже есть в селе Шентала Бугульминского уезда и нет нужды открывать ее в другом месте.

Владыка Гурий и епархиальный наблюдатель церковных школ священник А.М.Матюшенский предложили Д.Ф.Филимонову место старшего священника в селе Шентала с предоставлением должности заведующего второклассной учительской школой. Но Шенталинский приход — чисто мордовский, а языка Филимонов не знал, поэтому отказался от предложения.

Епископ Гурий, зная о трудностях большой семьи Филимоновых, 30 января 1902 г. перевел Д.Ф.Филимонова в более обширный и лучший в материальном отношении приход села Туарма Бугульминского уезда.

В Туарминском приходе Филимонов заведовал 10 школами. Первая церковная школа была открыта 31 октября 1879 г. в селе Туарма. В 1890—1892 гг. школы грамоты возникли в деревнях Аксаково, Баландаево, Новое и Старое Серезжино, Старое Афонькино, Нижняя Туарма, Тимяшево, Четырла и в селе Туарма. Обучение в первые два года велось на чувашском языке, в то же время одновременно изучался русский на разговорных уроках и чтения, затем два года —

на русском языке, но иногда приходилось прибегать к помощи чувашского.

2 августа 1902 г. Д.Ф.Филимонов написал священнику А.С.Иванову, наблюдателю церковноприходских школ Бугульминского уезда²³, что в 10 приходских школах обучаются преимущественно мальчики, девочек немного. Полагая, что «христианская культура и русская гражданственность скорее и прочнее прививаются к инородцам путем образования женской половины населения», Филимонов считал необходимым преобразовать Туарминскую школу грамоты в женскую, в которой девочки обучались бы и рукоделию²⁴.

24 ноября 1902 г. благочинный поручил Д.Ф.Филимонову ревизовать церковные школы в ряде приходов Бугульминского уезда. За 9 дней Филимонов посетил 28 школ и в отчете о ревизии указал: «Разговорные уроки по русскому языку ведутся не во всех инородческих школах умело, вследствие малого знакомства учителей со способами и приемами ведения этого дела. Желательно, чтобы в будущее время на учительских курсах для учителей инородческих церковных школ было обращено на этот недостаток особенное внимание»²⁵.

В декабре 1903 г. Д.Ф.Филимонов ревизовал 32 школы в 8 приходах, среди них были 1 русская, 20 чувашских, 1 чувашско-мордовская и 10 мордовских. В своем рапорте о ревизии он сетовал на то, что в мордовских школах обучается очень мало девочек, в чувашских же школах их встречается значительно больше²⁶.

В ходе этих двух командировок Д.Ф.Филимонов успел ревизовать в целом 60 школ. Такое количество обследованных им школ дало ему право с уверенностью сообщить в Петербург известной публицистке С.В.Чичериной, выступавшей в защиту образования нерусских народов Среднего Поволжья на родном языке: «Инородцы к обучению на своем языке относятся с любовью. Когда в школе учение начинается сразу по-русски, то оно идет туго, большинство учащихся бросает учение не по ненависти к русскому языку, а вследствие трудности и неестественности постановки учебного дела; в подобных случаях родители учеников ропщут на школу и на учителя. Инородцы питают доверие больше к учителям из своего племени, но были единичные случаи, что они с

полным уважением и доверием относились и к учителям из русских, если последние хорошо знали их язык, не гнушались ими и не надсмехались над особенностями их быта»²⁷.

Школу Д.Ф.Филимонов считал проводником идей христианского просвещения. Усваивая христианские идеалы, считал он, чуваша сближаются с русским народом. В процитированном выше письме сказано: «Школа с обучением на инородческом языке влияет на обрусение инородцев гораздо глубже и основательнее, чем школа общего типа; школа первого типа перерождает и обновляет инородца не только внешне, но и внутренне; она внедряет в сознание инородца русский дух, вливает самый сок русской духовной жизни, укореняет в инородцах русское православное мировоззрение и тем дает им новые духовные основы мышления; школа же второго типа дает инородцам только внешнюю русскую оболочку или жалкое обезьянство без внутреннего религиозно-нравственного перерождения»²⁸.

31 октября 1904 г. Туарминская церковноприходская школа, открытая Д.Ф.Филимоновым, отметила свое 25-летие. «Самарские епархиальные ведомости» опубликовали статью Филимонова об этом событии (1904, № 24)²⁹.

9 февраля 1905 г. он посетил Ойкинскую школу грамоты Новокувакского прихода и оценил ее в учебно-воспитательном отношении удовлетворительно³⁰.

Скоро Д.Ф.Филимонову стало известно, что директор Казанской инородческой учительской семинарии Н.А.Бобровников возбудил ходатайство об открытии в Туарме Центрального чувашского училища для обучения чувашских детей Самарской губернии, Чистопольского и Спасского уездов Казанской губернии. Предполагалось, что туда будут приниматься окончившие начальную школу, курс обучения 4-летний. В январе 1906 года в министерстве народного просвещения пообещали вопрос решить положительно. 23 октября 1906 г. собрание крестьян села Туарма из 150 человек, выслушав сообщение Д.Ф.Филимонова о том, что в министерстве народного просвещения не возражают против открытия Центрального чувашского училища в их селе, решило отвести под усадьбу здания землю в размере не менее одной десятины.

После этого Д.Ф.Филимонов вошел с ходатайством в Бугульминскую земскую управу о назначении денежного пособия на предполагаемое училище в Туарме. Бугульминское уездное земское собрание сессии 1906 г. высказалось за необходимость открытия училища и назначило денежное пособие на его содержание в размере 300 рублей в год. Д.Ф.Филимонов обратился с докладом к директору Казанской инородческой учительской семинарии А.А.Воскресенскому (Н.А.Бобровников в 1906 г. был назначен попечителем Оренбургского учебного округа и переехал в г.Уфу), в котором просил его возбудить ходатайство перед попечителем Казанского учебного округа об ускорении открытия Центрального чувашского училища в Туарме³¹.

К сожалению, хлопоты Д.Ф.Филимонова не увенчались успехом. Этому помешал министр А.Н.Шварц, не признававший системы Н.И.Ильминского.

13 июня 1905 г. Д.Ф.Филимонов представил рапорт священнику А.С.Иванову, в котором объяснял, почему так мало девочек обучается в инородческих школах и не все поступившие мальчики заканчивают полный курс обучения. Причин здесь, по его мнению, несколько: 1) трудность изучения русского языка; 2) нищенское положение инородческого населения, при котором помыслы большинства постоянно заняты добыванием хлеба насущного. Дети школьного возраста являются помощниками родителей в домашних и сельскохозяйственных работах; 3) инородцы, испытывая большую материальную нужду, не видят пользы в образовании и в большинстве своем считают вполне достаточным для своих детей лишь первоначальное обучение грамоте; 4) частая смена учителей в школах, неудовлетворительная подготовка персонала к делу преподавания³².

Незначительное число обучающихся девочек Д.Ф.Филимонов объяснял теми же причинами, к тому же большинство родителей считало, что женщинам необязательно учиться, так как их предназначение в другом.

В декабре 1907 г. Д.Ф.Филимонов написал в Петербург письмо С.В.Чичериной и в нем сообщал, что в феврале следующего года в училищном совете при Св. Синоде намечено провести особое совещание для обсуждения вопросов о второклассных церковноприходских школах. На это совещание,

заметил Филимонов, вызываются такие деятели, которые вовсе не знакомы с делом христианского образования «инородцев» или же такие, которые враждебно относятся к системе Н.И.Ильминского. Д.Ф.Филимонов полагал, что, рассуждая о второклассных школах, особое совещание обязательно и неизбежно должно коснуться вопросов образования «инородцев»³³. Он рекомендовал пригласить на совещание профессора Казанской духовной академии М.А.Машанова, преподавателя Казанских миссионерских курсов Н.В.Никольского, инспектора Симбирской чувашской учительской школы И.Я.Яковлева и других местных деятелей, пользующихся известностью³³.

7 января 1909 г. Д.Ф.Филимонов представил доклад священнику А.С.Иванову по вопросу об улучшении учебно-воспитательного дела в инородческих церковных школах³⁴.

15 июля того же года в селе Шентала Бугульминского уезда при местной второклассной школе с разрешения училищного совета при Св. Синоде были устроены педагогические курсы для учителей инородческих церковных школ Самарской епархии. В их работе приняли участие 56 учителей, из них чувашей было 51. Руководили курсами три священника, и один из них — Д.Ф.Филимонов. 14 августа на открытии курсов Д.Ф.Филимонов выступил с речью.

В рапорте от 12 октября 1909 г., направленном в Бугульминское уездное отделение епархиального училищного совета, он ходатайствовал о строительстве новых зданий для Баландаевской, Туарминской и Четырлинской школ, а их старые помещения предлагал превратить в учительские квартиры. Сюда же им был представлен доклад о нуждах вверенных ему школ Туарминского прихода³⁵. А 17 декабря Д.Ф.Филимонов обратился с докладом к члену III Государственной Думы И.С.Клюжеву, представлявшему в ней Самарскую губернию. Причиной для обращения послужило следующее.

21 ноября 1909 г. центральный орган кадетской партии газета «Речь» напечатала заметку о совещании в комитете

³³ Инородческие второклассные школы имелись в епархиях: Казанской — Большепечурашевская и Шихазанская, в Симбирской — Красночетайская, в Самарской — Шенталинская.

по народному образованию при Государственной Думе. Совещание рассмотрело вопрос об инородческих школах и постановило учредить их во всей европейской России, в Сибири, на Дальнем Востоке и в Средней Азии. В качестве инородческих языков, на которых можно вести преподавание, совещание признало польский, литовский, немецкий, эстонский, латышский, армянский, грузинский и татарский. Чувашский язык не попал в их число.

Возмущенный таким решением, Д.Ф.Филимонов лично встретился с И.С.Клюжевым и узнал от него, что на совещании не признали возможным включить чувашский язык в число преподавательских потому, что на нем нет литературы, нет никакого труда в области науки, искусства и т.д. «Такое заявление, — отметил Филимонов в докладе, — несправедливо и обличает в народных представителях незнание жизни чуваш и вообще инородцев Поволжья. В отношении самобытности чувашская поэзия превзошла любую из инородческих и в этом случае чуваша даже оставили за собой татар-магометан. Чувашские «Такмак», «Урожайный год», «Мотивы», «Арсури» (Леший) и многие другие не имеют равных произведений в татарско-мусульманской литературе. После этого можно ли говорить, что у чуваш нет литературы и нет самобытного, оригинального? Чтобы спасти чуваш от татаризации и исламизации, необходимо дать им духовно-культурное развитие непременно на родном языке»³⁶.

Филимонов просил Клюжева внести в постановление совещания чувашский язык. Эта поправка была допустима, так как решение совещания не прошло еще фазу принятия законопроекта.

С просьбой включить чувашский язык в проект Думского совещания он обратился и к члену совета министра народного просвещения Н.А.Бобровникову. «У чуваш, — писал он, — в Государственной Думе нет своего депутата, защищающего их интересы»³⁷.

В феврале 1914 г. ему стало известно, что инспектор народных училищ Буинского уезда Симбирской губернии М.В.Касаткин издал распоряжение о введении обучения в чувашских школах уезда с 1 класса на русском языке³⁸, а не на чувашском, как было до сентября 1913 г. 22 февраля он написал преподавателю Казанских миссионерских курсов

Н.В.Никольскому: «Нужно бы выступать против нападающих самым решительным образом. У нас здесь сильных духом людей для этого и нет. У меня душа болит, но сил нет: видно, старость — не молодость»³⁹.

Вышеприведенные факты показывают, что Д.Ф.Филимонов активно участвовал в развитии школьного образования чувашей. Благодаря ему в Цивильском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии было основано 13 школ (в том числе школа для девочек при Александринской женской общине Ядринского уезда, о которой см. в разделе «Священник-миссионер»). Открытие школ несомненно вело к повышению уровня грамотности сельского населения.

СВЯЩЕННИК – МИССИОНЕР

По словам Д.Ф.Филимонова, русское духовенство, истари привыкшее смотреть на своих пасомых «инородцев» с некоторым пренебрежением, как на людей второго сорта, а себя считать высшим образованным сословием, представляло для себя невозможным видеть в своей среде «инородцев» (даже образованных), которых оно считало чуждым коренному русскому духовенству и по образованию, и по происхождению. «Оно не могло и теперь не может без сопротивления примириться с этим новым явлением, которое сильно задело его самолюбие и материальные интересы», — писал он в 1904 г.¹ Когда Д.Ф.Филимонов посвящался в священники, в консистории один иерей сказал ему: «Куда вы, чувашки, лезете? Вы отнимаете у наших детей кусок хлеба»².

Священническую деятельность Филимонова следует рассматривать в контексте религиозной деятельности государства в пореформенные годы. С конца 60-х гг. XIX века насильственная христианизация была заменена миссионерской деятельностью священнослужителей. В обязанности миссионера входило проведение бесед, поучений, проповедей, богослужений среди крещеного и языческого населения. Миссионерская работа в Среднем Поволжье осуществлялась по системе Н.И.Ильминского Православным миссионерским обществом (1865), Братством св. Гурия в Казани (1867) и особой Переводческой комиссией (1875) с правом издавать под своей цензурой переводы на инородческие языки.

Напрашивается вопрос: с какими взглядами на священническое служение приехал о.Филимонов в свой первый приход? Ответ содержится в его воспоминаниях, написанных в декабре 1920 г.

Д.Ф.Филимонову не хотелось быть простым требоисправителем и отпратителем церковных служб в приходе, он мыслил себя настоящим духовным пастырем и наставником прихожан. Прежде он много наблюдал за жизнью русского духовенства в чувашских приходах, хорошо знал его подлинное отношение к своей пастве и отношение последней к духовенству. И во всем этом Филимонов находил немало фальши. Ему хотелось изменить существовавшее положение вещей во взаимоотношениях духовенства и верующего населения, чтобы священники стали настоящими активными духовными просветителями и руководителями чувашей в религиозной жизни. Многие понятия, представления и привычки русского духовенства казались ему неправильными, даже противными учению Христа Спасителя и апостольским преданиям.

Принимая священнический сан, Д.Ф.Филимонов для себя решил, что внешняя сторона его жизни должна быть самая непритязательная, одежда, жилище, пища простыми. Он стремился быть доступным для прихожан, которые могли приходить к нему в любое время и беседовать с ним о своих нуждах. Он считал, что плата за требу должна быть добровольной. Бедствующим и больным в приходе первую помощь — нравственную и материальную — должен оказывать священник. Всех жителей своего прихода он мечтал научить читать на родном языке. По его мнению, в доме каждого прихожанина должны быть Евангелие, молитвенник, псалтирь и священная история на чувашском языке, а в каждом селении — школа для обучения и воспитания детей обоего пола. Школьное обучение, церковное богослужение и требоисправление следует совершать на чувашском языке, церковное богослужение проводить в наивозможно лучшем виде с пением всех молящихся. В праздничный или воскресный день священник обязан произнести за богослужением не менее одного поучения. В домах прихожан священнику следует вести полные утешения беседы. В народе надо распространять как можно больше книг и брошюр

религиозно-нравственного содержания на родном языке. Наряду с духовно-просветительной литературой на чувашском языке необходимо издавать переводы и самостоятельные изложения. Орудием просвещения чувашей должен быть непременно их язык, так как на чужом ни один народ не просвещался, а только погибал или скорее ассимилировался. Священнику следует заботиться и о материальном благополучии своих прихожан³.

Во время службы в селе Мусирмы Д.Ф.Филимонов достаточно полно изучил состояние религиозности чувашей. Свои выводы он изложил в докладе, который был опубликован в «Известиях по Казанской епархии» (1890, № 4) со следующей резолюцией архиепископа Казанского и Свияжского Павла: «1889 г. 15 марта. Совет Братства обратит внимание на прекрасный, замечательный для природного чуваша, получившего скромное образование, доклад и не найдет ли возможным сделать из него полезное употребление по отношению ко всему чувашскому духовенству епархии».

О религиозной ситуации среди чувашей Филимонов позднее неоднократно писал в журналах «Известия по Казанской епархии», «Православный благовестник», «Самарские епархиальные ведомости». На основе его опубликованных статей и сохранившихся рукописей можно составить картину состояния религиозности чувашей того времени. Основные положения филимоновского понимания вопроса сводятся к следующему.

Обращение чувашей в христианство было событием великим и весьма важным в их жизни. Но религиозное сознание чувашей не было сильно затронуто этим событием, и жизнь их до последнего времени текла в прежнем русле следования языческим обрядам. Чуваша продолжали искренне почитать своих ложных богов, усердно исполняли сложившиеся обряды и обычаи, к православному духовенству относились недоверчиво, требования христианских законов исполняли только по принуждению. Все это обуславливалось замкнутым образом жизни чувашей, отсутствием внешних связей, незнанием ими церковнославянского языка и отсутствием переводов книг Св. писания и богослужебных, довольно многосложным языческим культом чувашей, неудов-

летворенностью приходского притча, в числе которого, по рассказам чувашей, в старину было мало симпатичных им личностей⁴.

Главными противниками утверждения христианской веры среди чувашей были йомзи (ворожеи), знаниям и толкованиям которых большинство чувашей глубоко верит до сего времени. Чувашские йомзи по своим умственным способностям самые даровитые из чувашей, но в отношении нравственности, как говорит Филимонов, самые низшие, са — мые грубые и бессовестные люди. На свое дело смотрят они не иначе, как на ремесло, помогающее добыть средства для собственного существования. Против чувашских йомзей хотя и принимались разные меры, но истребить их окончательно не могли⁵.

Чуваши и русские в религиозном плане очень далеки друг от друга. В чувашской душе господствующее место занимают те же религиозные верования, какие были у них до крещения. Истинными руководящими мотивами их религиозной жизни служат не христианские заповеди и поучения, а чувашско-языческие. Крещеные чуваша потому и остаются язычниками в своих убеждениях, что не усвоили христианского учения, а потому и не воплотили его начала в своей жизни. «Пока чуваша, — писал Д.Ф.Филимонов, — не переродятся своими внутренними силами в настоящих православных христиан и бесповоротно не утвердятся в истинах и правилах православной веры, до тех пор они не будут и веровать искренне в истинного Бога и Христа его и жизнь свою не будут вести по-христиански. Они вследствие этого будут лишены на том свете вечной блаженной жизни на небе и сделаются чадами дьявола»⁶. Исходя из этого, по Филимонову, языческое состояние крещеных чувашей надо признать ненормальным и вредным и для земной, т.е. государственной жизни. Чуваши давно вошли в состав Русского государства, но и по настоящее время не имеют с ним тесной нравственной связи, живут особняком и чуждаются русского народа. Доказательством этого служит почти безразличное отношение их к важнейшим событиям и явлениям нашего отечества, и, в особенности, их как бы принужденное исполнение общих государственных повинностей и обязанностей. Например, чтобы избавиться от воинской повин-

ности, чувашаи прибегают к членовредительству. Русский человек за «веру, царя и отечество» готов на всякие жертвы и подвиги, потому что эти слова ему не чужды, а имеют глубокий смысл и значение. Чувашин не имеет этих понятий. Много и других явлений в жизни чувашей, из которых можно усмотреть отсутствие в них религиозно-патриотической связи с русским народом и государством. Их не объединяет с Россией действительное исповедание единой православной веры. Поэтому нельзя ожидать от чувашей глубокой и искренней преданности интересам своего отечества, какую отличался и теперь отличается русский православный народ⁷.

Д.Ф.Филимонов считал, что духовный мир христианина несравненно богаче, чем язычника⁸. Главнейшей целью деятельности сельского священника в чувашском приходе он считал то, чтобы крещеные чувашаи утвердились в истинах православной веры, поняли и полюбили Христову веру, как они любят свою старую веру, и чтобы за православную веру они готовы были на всякие жертвы и подвиги, как это бывает в русском православном народе⁹.

Чтобы сделать чувашей православными христианами, нужно искоренить в них языческое мировоззрение и взамен этого утвердить в их среде христианское мировоззрение. Этого можно достичь лишь в том случае, если чувашаи христианское учение усвоят наиболее подробно, систематично и в исторической последовательности, и тогда это учение, как истинное и несравненно высшее, чем у чувашей, религиозное воззрение сильно подействует на чувашскую грубую душу, размягчит и облагородит ее как драгоценное и ароматическое масло. А пока у чувашей задушевные языческие понятия о предметах веры и нравственности истинным христианским учением не поколеблены и не разрушены в самых основаниях, до тех пор объяснения одних обрядов и правил христианской веры и благочестия или беседы против того или другого порока в чувашской жизни к внутреннему перерождению чувашей, особенно пожилых, решительным образом не приведут, таковые объяснения или беседы будут полезны и необходимы тогда, когда чувашаи более или менее глубоко утвердятся в основных воззрениях христианского вероучения¹⁰.

В 1883 г. Св. Синод издал указ, разрешавший богослу-

жение в церквях на инородческих языках. Д.Ф.Филимонов с благословения архиепископа Казанского и Свияжского Палладия впервые в церкви села Мусирмы стал проводить богослужение на чувашском языке. Чтобы каждое произносимое во время культовых обрядов слово доходило до самой глубины верующего, нужно соблюдать, по мнению Филимонова, два условия: 1) каждое слово, каждую фразу нужно произносить от души, а не механически, 2) чувашские слова нужно выговаривать совершенно правильно, согласно с чувашским произношением. «Искажение чувашского языка и произношения, — писал Филимонов 4 апреля 1896 г. Н.А.Бобровникову, — в частном разговоре не так заметное, при общественном богослужении, когда слова священноцерковнослужителя слушают сотни людей с благоговейным и напряженным вниманием, отнимает от читаемого произносимого красоту и задушевность, уменьшает силу впечатления, иногда даже может сделать его безобразным и смешным. Все это должно действовать весьма неприятно как на слух, так и на душу молящихся чуваш, вследствие чего религиозное настроение их должно нарушиться и остаться неудовлетворенным»¹¹.

Д.Ф.Филимонов устраивал для прихожан внебогослужебные собеседования с целью проведения религиозных наставлений и наставлений. Для этого он даже открыл воскресную школу 4 декабря 1888 г. и разработал для нее особую программу на 20 воскресных дней в год¹².

В своих поучениях и беседах он рассказывал прихожанам-чувашам о праздновании воскресных дней, — они вместо пятницы стали праздновать воскресенье; о греховности чюка, — делать чюк они бросили и стали ходить в церковь на богослужения; говорил им, что за решением религиозных вопросов они должны обращаться не к йомзям, а к своему приходскому священнику, — они не стали слушаться своих йомзей и т.д.¹³

Воскресные занятия с прихожанами происходили в училищном помещении после вечерних богослужений в церкви. Мужчины собирались на слушание бесед в воскресенье вечером, женщины — в субботу вечером. Мужчины и женщины занимались раздельно потому, что Филимонов нашел не совсем удобным сажать за одни парты молодых парней и девушек вместе.

6 февраля 1892 г. Казанская духовная консистория разрешила ему совершать в Тенеевской школе всенощное богослужение на чувашском языке с помощью учеников-певчих и вести религиозные беседы с чувашами.

23 июля 1892 г. Казанский центральный строительный комитет разрешил постройку школы-церкви в Тенееве, выделил 2000 рублей. Д.Ф.Филимонова назначили председателем строительного комитета по постройке этой школы-церкви. Он составил смету материалов, нужных для строительства школы-церкви, делал записи о приходе и расходе денежных сумм по постройке школы-церкви. Здание для нее начали строить осенью 1892 г. и закончили к весне следующего года.

Весною 1889 г. 10 человек в деревне Дальние Мусирмы по случаю пятидневной засухи и плохих хлебных всходов вздумали против желания своих однокоренцев совершить так называемый сумър-чюк (дождь-чюк). 24 мая Д.Ф.Филимонов отправился в Дальние Мусирмы, собрал вожаков крестьян и беседовал с ними 2 часа. Они обещали ему впредь никогда не делать чюк¹¹.

В конце августа 1892 г. совет Братства св. Гурия командировал Филимонова в деревню Тувси Цивильской волости с миссионерской деятельностью. А поводом для поездки стало то, что 15 июня более 30 старейших жителей этой деревни явились к цивильскому уездному исправнику и заявили, что по случаю засухи не знают, как им быть: держаться ли христианской веры или совершить чюк. Они сказали: «Наши прадеды были идолопоклонники, поклонялись киреметям, молились оврагам и деревьям и у них были хорошие урожаи, мы же православные, молимся в церкви и у нас последние годы хлеб не родится». Исправник отговорил их совершить чюк. Об этом факте он послал рапорт казанскому губернатору, тот переслал его архиепископу, а от него донесение попало в совет Братства св. Гурия.

В Тувси Д.Ф.Филимонов пробыл два дня: с согласия местного священника провел здесь всенощную службу на чувашском языке, беседовал с народом три раза. Слушателей собралось полон дом, все остались довольны, благодарили Филимонова и дали слово не совершать больше чюков.

19 сентября 1893 г. церковь села Мусирмы посетил

архиепископ Казанский и Свияжский Владимир и совершил божественную литургию и молебен. Это был первый случай приезда архиепископа со времени постройки церкви в 1882 г. Прихожане в тот же день приняли решение оставить вовсе свои чувашские языческие обряды и в делах веры во всем повиноваться своему законному пастырю, впредь никогда не открывать и не иметь в своем приходе винных лавок¹⁵.

Приезд владыки и все с этим связанное Д.Ф.Филимонов описал в статье и послал ее Н.А.Бобровникову, под редакцией которого она была напечатана в журнале «Православный благовестник» (1893, № 21).

Архиепископ Владимир по совету Бобровникова решил перевести Филимонова в село Ишаки Козьмодемьянского уезда, чтобы он ввел здесь богослужение на чувашском языке. Ишакская церковь с иконой святителя Николая Чудотворца славилась на весь Чувашский край: больше нигде такой общей святыни у чувашей не было. Поклониться ей приезжали чувашаи даже из Симбирской и Уфимской епархий. Недаром Ишаки назывались «чувашским Киевом» и являлись центральным пунктом религиозного просвещения чувашей Казанской губернии и укрепления их в христианской вере.

В сентябре 1893 г. в Ишаках умер второй штатный советник. На освободившееся место претендовало 48 человек. Д.Ф.Филимонова назначили без прошения. Перемещение его из Мусирмы в это село вызвало недовольство среди русского духовенства: Ишакский приход считался одним из богатейших в Казанской епархии. Многие иереи, по словам Филимонова, грозили: «Не пустим этого чувашина в Ишаки, возвратим его с полдороги назад»¹⁶. «В то время, — вспоминал Филимонов, — русское духовенство смотрело на чувашских священников (которых было не более 5 человек в епархии) очень неблагосклонно, называло их «выскачками»¹⁷.

В начале февраля 1894 г. Д.Ф.Филимонов переехал в село Ишаки. Здесь он прослужил 5 лет и 8 месяцев.

Когда Филимонов ввел в Ишаках богослужение на чувашском языке, то русские священники говорили, что он православный храм обратил в чувашский киреметь¹⁸.

18 июля того же года Д.Ф.Филимонов участвовал в за-

кладке храма в деревне Первое Степаново Цивильского уезда, здесь он обратился к собравшимся с призывом оказать помощь строительству церкви и школы.

Используя архивные материалы Ишакской церкви, он написал статью «О строительстве церкви в Ишаках и о чудотворной иконе Божьей матери»¹⁹.

Об Ишаках везде говорили как о необыкновенно богатом приходе. Когда-то здешний приход действительно получал большой доход. Но с 60-х гг. XIX в. содержание Ишакского причта было таким же, как в других приходах. Здесь старший священник получал в год 1126 рублей, второй — 1086 рублей, диакон — 697 рублей, два псаломщика — по 362 рубля²⁰. Во многих инородческих приходах Козьмодемьянского и Ядринского уездов священники получали в год от 1000 до 1200 при меньшей нагрузке по сравнению с Ишаками.

Старший священник Ишакского причта А.П.Добросмыслов по обязанностям благочинного несколько раз в год отлучался из прихода, в его отсутствие Д.Ф.Филимонову приходилось отправлять службу за двоих. Это отрывало его от основной работы законоучителя и заведующего школой. В 1894/95 учебном году он пропустил 30 уроков из-за того, что часто был занят требоисправлением по приходу и служением молебнов в церкви в течение целого дня. Сбор руги и крещенский ход, производимые в учебное время, отвлекали священника-законоучителя от обязанностей по школе, в общей сложности, на 4 недели. В зимнее время в Ишаках оставались проезжающие и просили отслужить им молебен в неурочные часы.

Д.Ф.Филимонов считал, что при двух священниках в Ишаках невозможно успешно заниматься делом и достигнуть желаемых результатов. 5 августа 1895 г. он писал, что нужен третий священник. Этот священник должен быть из чувашей или русский, но непременно основательно знающий чувашский язык и внутренний быт прихожан, честный и не падкий на деньги. Он должен относиться к своим прихожанам не с презрением и надменностью, как к людям низким и малоразвитым, но с сожалением и искреннею любовью, как к меньшим братьям своим, находящимся в состоянии младенчества²¹.

Одним из лучших средств для религиозно-нравствен-

ного развития чувашей Д.Ф.Филимонов считал распространение книг и брошюр религиозно-нравственного содержания. По его ходатайству в Ишакках был открыт склад миссионерских изданий на чувашском языке и лавочка для их продажи. Продавцом книг был местный крестьянин Г.Николаев, он получал за свой труд 20% от вырученной суммы.

19 мая 1897 г. Д.Ф.Филимонов обратился с докладом к архиепископу Арсению, предлагал бесплатно раздавать богомольцам в Ишакской церкви недорогие поучительные листки религиозно-нравственного содержания на простом, понятном чувашском языке. Филимонов просил разрешить из доходов Ишакской церкви выделять на это ежегодно до 100 рублей в год²². Поучения, по его замыслу, должны были печататься в типографии Казанской переводческой комиссии. В переводах поучений согласились безвозмездно участвовать известные Филимонову сельские священники чувашских приходов Цивильского уезда, хорошо знавшие чувашский язык: В.Ильинский, П.Васильев, Ф.Иванов, В.Ефремов, В.Зайков и др.

Еще при жизни Н.И.Ильминского, но больше после его смерти появилось высказываний против системы христианского образования чувашей. Противники системы Ильминского, особенно в среде русского духовенства Казанской епархии, не только отрицали главные постулаты, но и призывали запретить ее применение в инородческих школах. Раздражение недовольных вызывали употребление инородческого языка в школе и при церковном богослужении, переводы богослужебных, вероучительных и других религиозно-нравственного содержания книг, а также то, что инородцев проводят в священники. Все это представлялось им не только бесполезным, но даже вредным для церкви и Русского государства. Они усматривали в них стремление чувашей к сохранению своего родного языка, который, по их мнению, должен быть уничтожен окончательно. Они считали: раз чувашаи и прочие «инородцы» живут в России, то должны учиться христианской вере на русском языке и христианскому Богу должны молиться непременно по-русски, ибо молиться на родном языке вредно для церкви и государства Русского. Язык чувашский им казался каким-то тарабарским и столь бедным, что на нем де нельзя выразить даже самые элемен —

тарные христианские понятия. Они утверждали, будто чуваша сами желают, чтобы их детей учили в школе читать только по-русски, а церковные богослужения совершали бы непременно только по-славянски и т.д.

27 декабря 1897 г. Д.Ф.Филимонов написал вдове Н.И.Ильминского: «Меня крайне удивляет бесцеремонное, можно сказать, желание некоторых русских людей, якобы во имя русского патриотизма, сразу воспретить чувашам слышать слово Божие и молиться Богу на своем родном языке. Как бы ни был незначителен этот язык, он всетаки дорог для чувашина как способ жизни и есть дар Божий: было бы грешно искусственным образом погубить его во имя памяти этих чуваш. Будут ли чуваша хорошими честными гражданами и верными православными христианами, если учить их только по-русски? Имеется много прошлых и настоящих даных из жизни чуваш, что один русский язык не ведет их к желаемой цели. Внешне обруселые чуваша оказываются только хорошо украшенными красивыми гробами, внутренность коих наполнена всякою языческою мерзостью. Следует ли восторгаться таким обманчивым обрусением чуваш?»²³

Наибольшее неудовольствие в некоторых духовных лицах вызывало то, что в Казанской епархии, начиная с архиепископа Антония (1866—1879), все архипастыри казанские посвящали «инородцев» в священнический сан. Правила посвящения «инородцев» в священнический сан были выработаны Н.И.Ильминским и одобрены высшей церковной властью. Деятельность многих инородческих священников в Казанской епархии епархиальным начальством многократно была оценена с хорошей стороны. Но ненавистникам «инородцев» это не нравилось.

В письме от 21 ноября 1889 г. к своему ученику (окончил Симбирскую центральную чувашскую школу в 1879 г.) и другу, студенту Казанского университета Н.М.Охотникову Д.Ф.Филимонов писал: «Все более и более приходится убеждаться, что русское духовенство питает к чувашскому сильную ненависть. Дело делаешь — не хорошо, не делаешь — не хорошо. Единственное спасение для нас, чувашских священников, быть смиренно мудрыми, деятельными и положительно бескорыстными. Но многие из нас этого не сознают,

и мы по-своему и постепенно делаемся совершенно похожими на обыкновенных русских священников, сами не замечая этого»²⁴.

В 1890-е годы в чувашских приходах Казанской епархии появились священники-чуваши, получившие образование в духовных семинариях Казани и Симбирска. По словам Д.Ф.Филимонова, русские священники даже их, прошедших богословский курс в духовных семинариях, «не могут и не желают признать за достойных кандидатов на священство за то именно, что они из чуваш»²⁵. В письме от 27 декабря 1897 г. к вдове Н.И.Ильминского Д.Ф.Филимонов писал: «Мы, инородческие священники, получаем русское образование и православное воспитание, искренне желаем быть русскими по душе, но нас не хотят признавать таковыми и гнушаются нашим происхождением. Ведь мы не виноваты в том, что родились от чуваш, да и невозможно, чтобы все люди на свете родились от русских. На нас смотрят как бы на выскочек и не удостоивают того доверия, каким пользуются духовные особы русского происхождения. Но замечательно, что в русском светском обществе такого отношения к инородцам не видно»²⁶.

В 1896 г. Д.Ф.Филимонов ездил в Нижний Новгород на выставку, в следующем году — в Москву и Калужскую губернию. «Во время сих путешествий, — писал Филимонов Е.С.Ильминской, — я имел случай познакомиться и беседовать со значительным числом священников из настоящих центральных губерний, говорил с ними об инородцах, о Николае Ивановиче и о себе, что я настоящий чувашин, и ни разу не заметил, чтобы кто-нибудь из них не сочувствовал Николаю Ивановичу или кто обнаружил какое-либо пренебрежение ко мне, как инородцу. А в нашей чувашской глуши приходится видеть совсем обратное.

Отчего происходит то, что здешние русские священники — люди образованные, пастыри христианские — с такою недоброжелательностью и даже с каким-то пренебрежением смотрят на священников из чуваш? Оттого, что чуваша представляются им самыми низкими людьми. Чуваши и все, из чего складывается их жизнь, кажутся им насмешливо-презренными и не заслуживающими никакого серьезного внимания и сердечного сожаления. Слово «чувашин» упо-

требуется здесь в унижительном смысле. Чуваши при глазах называют полным именем: Иван, Сидор, Петр, а заочно: Ванька, Сидорка, Петька. Где тут искренняя христианская гуманность пастырей? Желательно, чтобы некоторым лицам из духовенства нашей глуши кто-нибудь из добрых людей растолковал, что они многие вещи понимают неправильно»²⁷.

Надо отдать должное: Д.Ф.Филимонов стремился объективно оценить русских священников Казанской епархии. В одной из его рукописей сказано: «Есть, конечно, между духовными и хорошие люди, но их весьма мало. Надо оговориться, что к нашему брату чувство нерасположения питает только Казанское духовенство»²⁸.

Из русских священников больше всего ценил Д.Ф.Филимонов В.П.Ильинского, настоятеля церкви в селе Ковали. Он, по словам Филимонова, весь был предан делу просвещения своих прихожан-чувашей. От него Филимонов узнал, что назначен в село Ковали по его желанию как природный чувашин, воспитанный в семинарии Н.И.Ильминского. «О. Ильинский, — вспоминал Даниил Филимонович в 1920 г., — относился ко мне по-братски и всегда поддерживал своими советами и указаниями, за что я сердечно благодарен ему»²⁹.

В июне 1899 г. Д.Ф.Филимонов написал статью «О непригодности духовенства Казанской епархии к миссионерско-просветительной деятельности среди инородцев». Содержание статьи сводится к следующему. Русское духовенство пытается убедить, будто инородческие священники не способны к пастырскому служению среди своих соплеменников; они, вследствие своей необразованности, будто ухудшают духовенство и причиняют вред церкви; только русские священники могут быть полезными руководителями инородцев в духовной жизни и украшать православную церковь. «В Казанской епархии, — говорится в статье, — число инородческих приходов составляет $\frac{2}{3}$ всех приходов, из них чувашских более 200 с населением чуваш в полмиллиона, а священников из коренных чуваш не более 15. Духовенство заявляет, что у инородцев пастыри должны быть только русские, ибо де русские господствующее племя»³⁰. Филимонов считает, что русское духовенство не сознает своей неподготовленности к служению среди «инородцев».

В то время, когда он писал эту статью, в Казанской

епархии инородческому священнику ничего нельзя было высказывать относительно недостатков постановки пастырского служения в инородческих приходах или монастырях. О таком «инородце» составлялось мнение как о противнике русской национальности и подозревали его в агитации против русского духовенства или монашества, служащего в инородческих уездах. Русскому же священнику или монаху было позволительно говорить об «инородцах» все, что вздумается и сколько угодно.

Д.Ф.Филимонов не был согласен с идейной и культурно-политической концепцией российского самодержавия в отношении к инородческому населению. Эта концепция была связана с подавлением элементов национального самосознания, ассимиляцией нерусских народов. «В настоящее время, — писал Филимонов в августе 1898 г., — в делах народообразовательных и правительственные лица и общественные деятели на первый план ставят развитие русской национальности, под каковым понятием разумеют то, чтоб все разнообразные племена, живущие в пределах Русского государства, говорили по-русски, одевались по-русски. По понятиям их, религия, наука, общественная деятельность, литература и, наконец, народное образование должны быть направлены к развитию русской национальности. Есть даже такие патриоты, которые на все духовное развитие во всех его разветвлениях смотрят как бы на средство для достижения целей национализма, результатом воздействия должно быть утверждение русской национальности, все племена должны быть поглощены русским народом»³¹.

В октябре 1899 г. Д.Ф.Филимонов был вынужден покинуть Ишаки. Такому решению предшествовала череда событий.

27 июня 1896 г. в 6 верстах от села Кошлоуши Ядринского уезда на речке Вурнарке чувашские девицы Екатерина Филиппова (д.Нижние Татмыши), Феодосия Сергеева (с.Аликово), Екатерина Михайлова (д.Синьял-Караево), Анастасия Федорова (д.Алгазино), Иустиния Васильева (д.Ослаба) и Агафия Федорова (д.Ямбахино) построили келью и, с благословения местного приходского священника о. Ломоносова, поселились в ней жить. Руководительницей общины была Е.Филиппова.

Богатый крестьянин Яков Елисеев (д.Ослаба) 14 июля предоставил Казанскому епархиальному начальству 1000 рублей на устройство этой общины, названной Александринской. Он же вместе с крестьянами Захаром Федоровым (д.Вурманкасы), Павлом Федоровым и Дмитрием Ларионовым (д.Ямбахино), Иваном Трофимовым (д.Качалово) и другими чувашами открыл подписку на общину. К 1 декабря 1898 г. поступило денежных пожертвований 5707 рублей, в том числе сам Я.Елисеев внес более 1600 рублей.

С помощью названных крестьян чувашские девицы выпросили у 4 крестьянских обществ Тойсинской волости 16 десятин земли и на этом участке начали устройство общины. Было построено 5 одноэтажных деревянных жилых зданий, 4 амбара, 2 конюшни, 2 погреба, 1 баня, навесы с заборами длиной 6 сажен; приобрели 3 лошадей, 2 коров, 10 овец, 3 пчелиных улья, 4 десятка домашних птиц.

В конце сентября в общине было 40 сестер, из них русских 3 и чувашек 37 в возрасте от 20 до 50 лет.

26 октября строитель общины Я.Елисеев и крестьянин П.Федоров обратились к владыке Владимиру с просьбой назначить во главе общины монахиню Маргариту из г. Цивильска³².

По поручению архиепископа Д.Ф.Филимонов участвовал в учреждении и устройстве этой общины. 23 мая 1897 г. он был по делу общины у владыки и сделал ему подробный доклад³³. Позднее, 27 октября, по его ходатайству Братством св. Гурия была открыта при общине одноклассная школа для обучения девочек христианской вере.

24 ноября того же года на должность начальницы общины прибыла 80-летняя монахиня Цивильского женского монастыря чувашка Маргарита, которая была ученицей преподобного Серафима Саровского (с 1828 г. по 1831 г.). При ней богослужение, утренние и вечерние молитвы, монастырские правила совершались на чувашском языке и отчасти на славянском. Никаких претензий и насмешек за употребление родного языка в общине сестры не испытывали.

16 октября 1898 г. Св. Синод издал указ об учреждении чувашской женской во имя святой мученицы царицы Александры общины близ села Кошлоуши. 12 ноября в общине был получен указ, а 30 ноября по этому случаю отслужили

торжественный молебен.

Вследствие старческой немощи и бессилия монахиня Маргарита в феврале 1899 г. уволилась, на ее место была назначена монахиня Козьмодемьянского монастыря Смарагда. Она приезжала в Ишаки к Филимонову и говорила: «Не оставьте, батюшка, нашу общину вашими советами и указаниями; Вы до сих пор помогали общине и впредь не откажитесь оказывать ей вашего содействия»³⁴.

Оказалось, что монахиня Смарагда не знала чувашского языка, вдобавок еще ненавидела чувашей. Она заявила: «По всей русской земле церковная служба совершается по-славянски, на поганом чувашском языке не следует служить»³⁵.

27 марта 1899 г. чувашаи, строители общины, сообщили Д.Ф.Филимонову, что монахиня Смарагда запрещает сестрам-чувашкам читать вечерние и утренние молитвы на чувашском языке и церковные службы велит совершать по-славянски, а привезенные ею из Козьмодемьянского монастыря русские девушки-послушницы поднимают чувашей на смех за незнание или плохое знание русского языка, насмеваются над ними за совершение молитв на родном языке и прочее³⁶.

В тот же день Д.Ф.Филимонов написал монахине Смарагде, потребовал в письме изменить линию поведения с верующими: «На днях были у меня сестры. Они говорили, что во время всенощной службы накануне Благовещения Вы с сестрами пели и читали только по-славянски. По словам их, Ваше славянское чтение и пение, хотя и хорошее, но непонятное и нечувашское, произвело на народ неприятное впечатление, потому что хотелось слышать от Вас нечто полезное и приятное и национально роднящее их. Я скажу Вам, что желание чуваш я нахожу вполне справедливым и законным, советую Вам совершать богослужение пока только по-чувашски, а славянский язык употреблять в самой незначительной доле. Пройдет 50—100 лет, чувашаи будут знать хорошо русский язык, отвыкнут от своих языческих богов и верований, все они будут крещеные и не будут подвергаться влиянию своих йомзей и утвердятся в православии, — тогда можно будет все служить по-славянски, а пока старайтесь служить и учить больше по-чувашски. Вы не знаете чувашский язык. Вам нужно не только говорить на нем, но и читать

книги в чувашском переводе. Иначе все дело можно испортить и Ваша обитель не будет иметь миссионерского значения. Я на родной язык смотрю не как на цель, а только как на великое орудие просвещения и глубоко убежден в силе его»³⁷.

Советы Д.Ф.Филимонова монахиней Смарагдой с негодованием были отвергнуты³⁸. Она представила его письмо архиепископу Арсению с жалобой на него за вмешательство в дела общины. Смотрители общины чувашаи и сестры-основательницы (в том числе одна русская) возбудили перед епархиальным начальством ходатайство — дать им прежнюю начальницу или другую, которая знала бы чувашский язык и по-матерински, сердечно относилась бы к чувашкам. В ответ со стороны епархиального начальства последовало распоряжение об удалении старших сестер (18 девушек) из общины. Так как сестры созданную ими общину считали своим детищем и отказались добровольно уйти из нее, то по требованию благочинного монастырей настоятеля Чебоксарского Троицкого монастыря игумена Димитрия 22 июля была прислана в общину полицейская команда³⁹. Но сестры не поддались и воздействию полиции, за что епархиальным начальством они были преданы суду. Дело кончилось тем, что Казанская судебная палата приговорила сестер-чувашек к тюремному заключению за неисполнение распоряжения епархиального начальства и за сопротивление полиции. В тюрьме монашки отсидели два месяца.

С мая месяца Филимонов прекратил всякие отношения с общиной.

В начале августа ему стало известно, что в Чебоксарах распространяется про него слух, будто он научил сестер чувашской женской общины противодействовать властям и будто вследствие его подстрекательства сестры общины оказывали открытое сопротивление полиции при отправлении ею служебных обязанностей. Благочинный старший священник села Ишаки А.П.Добросмыслов сообщил Филимонову, что 17 августа Казанский владыка Арсений говорил ему: «К священнику Филимонову ходят сестры за советами, а вы ничего не видите?». 26 августа Филимонов услышал от диакона села Ишаки П.Сергеева, что проживавшая в Ишаках священническая вдова Е.Любимова рассказывала прихожанам, что

священника Филимонова владыка в скором времени выведет из села Ишаки¹⁰.

После этого Д.Ф.Филимонов написал архиепископу Арсению: «Я никогда и ни в каких делах подстрекателем не был, в противозаконных поступках сестер общины никакого участия не принимал. И вот доходят до меня вышеуказанные сведения и причиняют моему сердцу невыносимо тяжелую скорбь. Я глубоко опечален возведенною на меня клеветою, которая позорит мою ничем не запятнанную честь в глазах духовенства и прихожан.

...Хожу я как убитый, а жена и дети мои плачут»¹¹.

В середине августа Филимонов поехал в Казань посоветоваться с Н.А.Бобровниковым, который в то время как раз собирался ехать в Самару на съезд деятелей и руководителей инородческого просвещения. «На душе было невыносимо тяжело, — вспоминал Даниил Филимонович. — Я хорошо видел, что я потерял доверие архиепископа Арсения по клевете монахини Смарагды и благочинного монастырей игумена Димитрия, которые оклеветали меня перед владыкою, что я мятежник, восстанавливаю чуваш против русских и проч. В июле Арсений посетил Козьмодемьянск и там открыто говорил, что священник Филимонов мятежник, то же выражал он в Казани. Он по сему делу 3 раза назначал секретное дознание обо мне, чтобы придать меня суду, как бунтовщика. Говорили даже, что для заключения меня приготовлена уже особая комната в Чебоксарском Троицком монастыре. Местный о. благочинный священник Добросмыслов тоже не имел уже ко мне прежнего расположения: он стал завидовать моей популярности в приходе и вообще среди чувашского населения не поддерживал меня. У меня не хватило сил перетерпеть все эти тяготы»¹².

Обсудив создавшееся положение, Д.Ф.Филимонов и Н.А.Бобровников решили, что Филимонову лучше уйти из Казанской епархии; он обратился с прошением к Самарскому епископу Гурию о приеме на службу в Самарскую епархию и послал его с Бобровниковым. 24 сентября владыка Гурий принял Филимонова в свою епархию с определением на священническое место в село Пролейка Самарского уезда¹³.

По получении указа о переводе из Самарской духовной консистории Д.Ф.Филимонов переехал на новое место слу-

жения. По пути заезжал в Казань проститься с своими добрыми знакомыми, в том числе и с архипастырями казанским архиепископом Арсением и викарным епископом Антонием. Они долго и настойчиво уговаривали его остаться в Ишаках. Владыка Арсений обещал даже назначить его сверхштатным членом духовной консистории с тем, чтобы он сопровождал его во время поездки по чувашским приходам епархии и передавал бы его поучения прихожанам на чувашском языке. Но Филимонов не принял совета.

* * *

В село Пролейка Д.Ф.Филимонов с семьей приехал 13 октября.

Пролейский приход состоял только из одного села, в котором числилось 260 домов. Половину села населяли чуваша — 768 человек обоего пола, а другую половину — мордва (мокша) — 404 человека и русские — 321 человек, из них 24 раскольника. В селе имелись церковная школа грамоты и земская одноклассная школа.

В первый день прибытия в Пролейку Филимонов записал: «После Ишак, в стороне чуждой и далекой, чувствуется на душе грустно. Я поселился сюда как бы в добровольной ссылке»¹⁴.

17 октября в Пролейской церкви он отслужил первую службу. На ней три ектеньи произнес на чувашском языке. Обнаружилось, что русским и мордве не нравится богослужение на чувашском языке. Они заявили о. Филимонову, чтобы церковная служба была только по-славянски. На это он объяснил им, что нужно служить и на чувашском языке, так как чуваша не принимают славянской службы, вовсе не ходят в церковь к богослужению, молятся по-своему. Затем задал им вопрос: «Объясните мне, что значит «Миром господу помолимся», «Ижо херувимы» и проч.» Оказалось, что никто из них не понимает смысла этих молитв. «И вот, — сказал Даниил Филимонович, — вы русские и то плохо понимаете славянскую службу, а чувашам она тем более не понятна. Поэтому для них нужно служить непременно на родном их языке, чтобы они понимали службу, ходили в церковь и отвыкли от язычества»¹⁵. В конце концов все согласились на том, что службу в церкви села Пролейка можно совершать пополам на славянском и чувашском языках.

21 октября Д.Ф.Филимонов записал: «После обедни началось хождение с молебном по чувашам и ходил до 5 ч. вечера. Молебен совершал по-чувашски, что чувашам нравится очень»¹⁶.

19 ноября он совершил отпевание одной умершей чувашки от начала до конца по чувашскому требнику. Все чувашки, присутствовавшие при отпевании, плакали навзрыд¹⁷.

После шестинедельной службы в Пролейке 30 ноября Д.Ф.Филимонов представил рапорт епископу Самарскому и Ставропольскому Гурию о том, что религиозные понятия и представления пролейских чувашей остаются те же, какие были до крещения. Здесь совершаются языческие жертвоприношения чюк, соблюдаются языческие обряды при погребении умерших, при свадьбах и других важнейших обстоятельствах семейной жизни. Православные посты и праздники исполняются редко. Большинство чувашей сидят во тьме языческих заблуждений и руководствуются в своей религиозной жизни не русско-христианскими началами, а чувашско-языческими; языческие жертвы и прочие обряды исполняются ими тщательно и неукоснительно.

Для дальнейшего христианского воздействия на пролейских чувашей Филимонов считал нужными следующие меры: 1) совершение церковных богослужений и требоисправлений, а также религиозные беседы и поучения на родном языке; 2) распространение грамотности и начальных основных сведений из закона Божия среди чувашей посредством школьного и внешкольного обучения; 3) распространение книг религиозно-нравственного содержания в чувашском переводе. Таким образом, церковь, школа с употреблением в ней местного понятного языка и переводы христианских книг составляют для просвещения «иностранцев» три духовные двигательные силы, параллельно действующие во главе с церковью в одном направлении¹⁸.

В декабре 1899 г. Д.Ф.Филимонов получил письмо из Петербурга от И.А.Износкова. «Константин Петрович (Победоносцев, обер-прокурор Св. Синода. — Г.А.), — писал Износков, — видимо, очень доволен, что Вы в Вашем письме откровенно изложили ему о причинах Вашего перехода из Казанской епархии и сожалеет о таком переходе. Письмо Ваше он дал мне прочесть...»¹⁹

12 декабря 1899 г. Д.Ф.Филимонов стал членом Православного миссионерского общества.

О проведении о. Филимоновым части церковной службы на чувашском языке исполняющий дела благочинного VI округа Самарского уезда священник И.Доброхотов 6 февраля 1900 г. представил рапорт в Самарскую духовную консисторию, указав, что служба на чувашском языке необходима, так как большая часть прихожан — чуваша. Он донес, что о. Филимонов для вразумления русских и мордовских прихожан своей церкви и выяснения необходимости употребления чувашского языка при богослужении составил поучение и просит разрешения на произнесение этого поучения в Пролейском храме. 15 февраля епископ Гурий благословил к произнесению поучения о. Филимонова, указав: «Кто из русских прихожан будет выражать недовольство, то они лишаются благословения Божия и мною предаются суду Господа нашего Иисуса Христа»⁵⁰. На рапорте благочинного преосвященный Гурий написал: «В консисторию. Поучение Филимонова могло бы иметь значение и в других смешанных приходах». 28 февраля консистория приняла решение напечатать поучение. На другой день епископ Гурий на этом определении поставил резолюцию: «Исполнить». 15 сентября 1900 г. «Пучение в назидание тем из прихожан, кои ропщут на введение чувашского языка в богослужение» было опубликовано в «Самарских епархиальных ведомостях» (№ 18, с. 749—756).

25 марта 1900 г. в церкви села Пролейка Д.Ф.Филимонов провел беседу о необходимости и пользе употребления инородческих языков при церковном богослужении⁵¹. 25 октября того же года он написал И.Я.Яковлеву: «Молиться хочу на родном языке, потому что он более трогает мое сердце»⁵².

В Пролейке Филимонов прослужил 2,5 года. Здесь им был произведен ремонт церкви и причтовых домов, поставлена изгородь вокруг приходского кладбища. Было заведено внешкольное обучение взрослых чувашей грамоте и закону Божию. Его два доклада епископу Гурию об организации этого дела были напечатаны в «Самарских епархиальных ведомостях» за 1900 г. (№№ 8, 9). На втором рапорте его преосвященство отметил: «Постановка религиозного просвещения с обучением чуваш грамоте, вне школьного поряд-

ка, заслуживает полного одобрения... Ее следует рекомендовать к обязательному применению во всех приходах нашей епархии с чувашским населением»⁵³. Для прихожан была основана миссионерская библиотека.

30 января 1902 г. епископ Гурий назначил Д.Ф.Филимонова старшим священником церкви села Туарма Бугульминского уезда.

Туарминский приход, в который был перемещен Д.Ф.Филимонов, состоял из 9 населенных пунктов: села Туарма и деревень Баландаево, Нижняя Туарма, Четырла, Старое и Новое Серезжино, Аксаково, Старое Афонькино и Тимяшево. Из 9 деревень 5 находились от приходской церкви на расстоянии от 8 до 12 верст. Число жителей в приходе составляли: православные — русские 88, чуваша 5724, мордва 1032, татары 56 человек, в сумме 6900 человек. Кроме того, в деревнях Тимяшево, Старое Афонькино, Старое и Новое Серезжино жили смешанно с православными 863 язычника-чуваша⁵⁴.

Богослужение в церкви села Туарма совершалось с 1891 г. на чувашском и отчасти на церковнославянском языке. «Чуваша относятся к богослужению на своем языке с любовью и благодарностью, слушают его с благоговейным вниманием», — писал Филимонов 20 октября 1904 г.⁵⁵ Служили здесь три священника и два псаломщика. Вторым священником был русский, хорошо знавший по-чувашски. Третий священник — чуваш Г.С.Спиридонов, уроженец деревни Новые Атаи Курмышского уезда Симбирской губернии. Одним из двух псаломщиков был С.Адрианов, ученик Д.Ф.Филимонова по Ишакской школе.

Во всех 10 школах Туарминского прихода, как ранее в селе Мусирмы, Филимонов завел обучение взрослых начаткам христианского вероучения и грамоте внешкольным путем. Это дело началось в Туарме 13 октября 1902 г., в конце октября того же года в деревне Четырла, в октябре 1903 г. в деревне Баландаево. Уроки проводились на чувашском языке вечером или в воскресные дни. В занятиях наряду с Филимоновым участвовали учителя местных школ.

В декабре 1903 г. в Туарме им был открыт книжный склад Православного миссионерского общества и учреждена должность книгоноши. Этим книжным складом он руководил 15 лет.

В 1904 г. Д.Ф.Филимонов открыл в приходских деревнях 4 миссионерские библиотеки.

По его инициативе были построены новые церкви в деревнях Четырла и Старое Афонькино, сооружен иконостас и отремонтирована церковь в Туарме.

Д.Ф.Филимонов, как и его учитель Н.И.Ильминский, верил, что чуваша, усваивая христианские идеалы, сблизятся с русским народом. Он обратил внимание на то, что от окружающей русской среды «инородцы» перенимают не только хорошие, но и дурные черты. По его наблюдениям, русские простолюдины в приволжских селениях, с которыми «инородцы» имеют житейские сношения, не могут похвалиться высокими нравственными качествами и благочестием. В русских мужиках особенно сильно поражало «инородцев» то, что у них у самих считалось крайне позорным, именно: сквернословие, нахальство, неудержимое пьянство, распутство и насмешки над «инородцами». Филимонов писал: «Влияние таких русских крестьян на инородцев не может быть признано благотворным. Отрицательные стороны их скорее прививаются к инородцам, чем стороны положительные». Настоящие русские крестьяне, по представлению Филимонова, живут в отдаленных от «инородцев» местностях, и «инородцы» не видят их. «Жизнь и нравы русских простолюдинов, — писал он, — инородцы принимают за действительное отражение русской культуры и не сближаются с последними».

Д.Ф.Филимонов констатировал, что среди инородческих священников, учителей, диаконов и псаломщиков идет процесс обрусения. Его беспокоила утрата инородческой интеллигенцией национального менталитета. «Посмотрите на жизнь их, — с горечью писал он, — и Вы увидите, что у них ничего своего национального (самобытного) не осталось. У большинства их дети даже совершенно не умеют говорить на языке своих сородичей и чуждаются последних».

Д.Ф.Филимонов несколько раз участвовал в работе епархиальных съездов духовенства. Так, например, в августе 1910 г. он представил на съезд «Мнение комиссии по вопросу о борьбе с пьянством»⁵⁶. В 1911 г. с 17 августа по 3 сентября принимал участие в очередном съезде духовенства и присутствовал на открытии епархиального братства пастырей-

трезвенников Самарской епархии.

В качестве делегата от Самарской епархии Д.Ф.Филимонов участвовал в работе Казанского миссионерского съезда (13—26 июня 1910 г.). Он специально созывался для разрешения злободневных вопросов миссионерской деятельности русской православной церкви среди нерусских народов Поволжья, Кавказа и восточных областей России. В работе съезда приняли участие представители 22 епархий. В день открытия Филимонов выступил с речью⁵⁷. Съезд рекомендовал привлечь православные монастыри к миссионерскому служению среди «инородцев» Восточной России. Вернувшись со съезда, 8 августа Д.Ф.Филимонов написал статью «Об инородческих монастырях и общинах Волжско-Камского края»⁵⁸. В ней он писал, что существующие в инородческих местностях православные монастыри не оказывали и не оказывают на «инородцев» желаемого христианско-просветительного воздействия⁵⁹. Для того чтобы они стали полезными учреждениями в миссионерском деле, по мнению Филимонова, нужно их приспособить к этому.

Д.Ф.Филимонов был свидетелем перехода некоторых крещеных и некрещеных чувашей в ислам. Это явление имело место в чувашско-татарских селениях или в чувашских деревнях, расположенных по соседству с татарскими. На основании собранных им чувашских преданий он сделал вывод, что татарские деревни, расположенные к западу от реки Свияги, в прежнее время были все чувашские⁶⁰.

11 октября 1891 г. Д.Ф.Филимонов писал священнику А.П.Петрову* в село Бижбуляк Белебеевского уезда: «С душевным прискорбием узнал я, что прихожане твой чуваша склоняются к отпадению в магометанство. То же самое говорил мне диакон (при церкви Казанской учительской семинарии) Тимофей Семенов насчет черемис в Бирском уезде. Неужели нельзя у вас там сразу уничтожить татарское господство и восстановить русский дух и русское православие? Дай Бог

* Андрей Петрович Петров (1858—1913) — уроженец деревни Большие Яуши Ядринского уезда, в 1877 г. окончил Казанскую инородческую учительскую семинарию и преподавал закон Божий в Симбирской чувашской школе. 29 января 1889 г. переехал в село Бижбуляк.

тебе и твоим сослуживцам крепость и силу одержать полную победу над врагами православной веры и шаг за шагом искоренять в чувашских селениях злокачественную пропаганду татарских мулл и укреплять чувашам православие. В наших местах также заметно господство хитрых татар-магометан над чувашами, но не так могущественно и сильно, как там у вас»⁶¹.

17 апреля 1905 г. в России был объявлен указ о свободе вероисповедания. После этого среди язычников-чувашей деревни Старое Афонькино Туарминского прихода усилилась пропаганда ислама со стороны татар из окружающих селений. Деревня Старое Афонькино отстояла от Туармы в 8 верстах, а от татарских селений на расстоянии от 2 до 5 верст. Некоторые образованные татары превратно толковали вышеназванный указ. Они распространяли среди чувашей слух, будто, согласно указу, некрещеным придется выбирать между исламом и православием, так как правительство разрешило существование только двух конфессий. И хотя мусульманские пропагандисты были фактически и не столь далеки от правды, тем не менее преднамеренно вводили в заблуждение язычников. Некоторые язычники исполняли уразу, намаз и другие мусульманские обряды.

30 мая 1906 г. Д.Ф.Филимонов обратился с рапортом к Самарскому епископу Константину. Для борьбы с исламом в деревне Старое Афонькино он предложил устроить церковь или молитвенный дом и переместить туда третьего священника Туарминской церкви на постоянно жительство⁶².

В письме от 24 июня 1906 г. к учителю Симбирской чувашской учительской школы В.Н.Никифорову Д.Ф.Филимонов отметил, что выпускники этой школы поднимают дух местного населения, повышают приниженное самосознание чувашей, а это «очень важно для нас в борьбе с всепоглощающим исламом здешней местности»⁶³.

3 февраля 1907 г. Филимонов представил рапорт И.А.Износковой. Для удержания чувашей и других «иностранцев» от поглощения исламом он рекомендовал принять следующие меры:

1. Большие инородческие приходы нужно разбить на несколько самостоятельных приходов. Чем меньше будут приходы (по территории и численности душ), тем лучше и

успешнее будет идти в них просвещение «инородцев»;

2. Во всех инородческих приходах церковнослужителями должны быть лица коренной национальности;

3. Для подготовки инородческих священников необходимо открыть двухгодичные пастырские (богословские) классы при Симбирской чувашской учительской школе, Казанской крещено-татарской центральной школе, Казанской учительской семинарии;

4. Инородческие пастыри должны воспитываться по заветам Н.И.Ильминского. Некоторые чувашские священники не умеют правильно писать на родном языке, с пасомыми говорят только по-русски и во всем подражают русскому духовенству;...

8. Необходимо открыть инородцам свободный доступ к высшему образованию;

9. Просвещение инородцев нельзя ограничить одним лишь религиозным образованием, их нужно развивать разносторонне. Пусть чувашаи разрабатывают свой язык, литературу, музыку, песни и другие стороны духовной жизни. Не надо препятствовать им в этом деле⁶¹.

В ноябре 1907 г. в журнале «Православный благовестник» (№ 20) была напечатана статья Д.Ф.Филимонова «Положение приволжских чуваш в настоящее время». Суть этой работы: за последние два года заметно усилилась мусульманская пропаганда. «Не только язычники, — отметил автор, — но и крещеные чувашаи десятками и сотнями отпадают в магометанство». По его словам, местные деятели руководствуются русификаторскими целями и видят задачу образования инородцев в том только, чтобы превратить их по внешности в русских мужиков. Они не желают дать чувашам единоплеменного духовенства и богослужения на родном языке, вследствие чего православие привито к чувашам в Самарской епархии с одной лишь внешней стороны. Представители русификации настойчиво и систематически вытраивают самосознание чувашей во имя скорейшего обрусения их.

18 марта 1908 г. Филимонов послал доклад в особое совещание по миссионерским делам при Св. Синоде. «В Самарской епархии, — писал он, — мусульманскому влиянию подвергаются 22 чувашских селения»⁶⁵.

28 июня 1909 г. Д.Ф.Филимонов выступил с речью в селе Шентала на собрании чувашских священников Самарской епархии. Здесь для защиты от мусульманства и татаризации он провозгласил следующую программу:

1. Действительное утверждение инородцев в христианской вере согласно системе Н.И.Ильминского: инородческое духовенство, инородческие переводы, богослужение, школы и учителя.

2. Развитие художественных произведений инородцев на их родных языках, для чего необходимо: а) издание сборников инородческих песен, сказок, рассказов, басен, легенд, поговорок, пословиц, загадок, отражающих в себе общечеловеческие нравственные принципы; б) усовершенствование народной музыки: издание народных песен, переложенных на ноты и в) издание рисунков с костюмов, нарядов, вышивок и т.д.

3. Расширение объема и средств школьного образования среди инородцев.

4. Внешкольные средства образования инородцев: а) издание книг исторического, сельскохозяйственного, медицинского, гигиенического и т.п. содержания; б) учреждение библиотек, читален, просветительных и благотворительных братств, обществ, кружков; в) издание газеты и журнала на местном инородческом языке.

5. Меры к улучшению материального благосостояния инородцев:

а) переселение крещеных инородцев на новые земли; б) приобретение участков в собственность; в) укрепление подворных участков земли; г) сельскохозяйственное и ремесленное образование; д) развитие мелкого кредита.

6. Учреждение внеепархиального братства просвещения инородцев Волжско-Камского края⁶⁶.

В 1909 г. в «Самарских епархиальных ведомостях» (№ 9) Д.Ф.Филимонов опубликовал статью «О необходимости общественной помощи христианскому делу среди инородцев». В ней он писал, что на религиозно-нравственное состояние крещеных инородцев крайне разрушительно действуют, с одной стороны — ислам, а с другой — распространяемое молодежью среди «инородцев» безверие.

Филимонов отмечает, что образованные люди русского

народа по своим политическим убеждениям распались на две враждебные друг другу партии: правых и левых, из которых каждая подразделяется еще на несколько мелких ветвей. Крайне правые, или так называемые истинно русские, мечут громы и молнии против инородцев и тем толкают их от России, а в русском народе вселяют ненависть ко всем без исключения инородцам. Они забывают, что между российскими инородцами есть и такие, например, чуваша, которые на протяжении нескольких столетий идут в один шаг с коренным русским народом по одному общему историческому пути и которых не нужно смешивать с другими инородцами, причиняющими русскому народу и государству немало вреда. Думая, что все несчастье России происходит от инородцев, они своими разжигательными статьями возбуждают в русской читающей публике самые дурные инстинкты: ненависть, озлобление, зависть, вражду против инородцев. Под влиянием такой их пропаганды прежнее сочувственное отношение русских людей к инородцам стало постепенно пропадать и заменяться полнейшей индифферентностью.

Либеральная же часть русского образованного общества относится к инородцам с братским расположением, признает за ними общечеловеческие права, равенство и братство. «Но мы, — замечает Филимонов, — с нашим принципом преданности православию и царю, не симпатичны им. И наши религиозные убеждения в духе православия ни в коем случае не позволяют нам примкнуть к левым партиям»⁶⁷.

Д.Ф.Филимонов предложил создать общество ревнителей христианского просвещения инородцев. Цель общества — поддержание существующих инородческо-просветительных учреждений Приволжского края и открытие новых. Деятельность общества не должна ограничиваться одной епархией. Общество должно быть междуепархиальным и действовать по уставу Братства св. Гурия.

16 февраля 1916 г. Филимонов обратился с докладом к члену Св. Синода митрополиту Петроградскому и Ладожскому Питириму. Доклад назывался «К вопросу о положении миссионерского дела среди инородцев в приволжских и прикамских губерниях»⁶⁸. Его напечатали в марте 1916 г. в журнале «Церковный вестник» (№ 9—10). В нем перечис-

лялись меры противостояния распространению мусульманства среди инородцев. Автор просил митрополита Питирима начать осуществлять их от имени Св. Синода.

* * *

В годы первой русской революции Д.Ф.Филимонов выступил против участия чувашских интеллигентов в общественно-политической борьбе с самодержавием. Он стоял на позициях мирного переустройства общества путем просвещения и подъема культуры народа. В письме от 22 января 1906 г. к И.Я.Яковлеву он писал: «Нам ли, интеллигентам маленького чувашского племени, быть активными участниками в политических переворотах России? Наша задача одна — культурное расцветание своего племени по началам христианским, или общечеловеческим, и создание в чувашском народе правильного сознательного отношения к строю Русского государства и вообще к окружающей действительности»⁶⁹. 6 ноября 1906 г. Филимонов писал Н.В.Никольскому: «Я считаю себя счастливым, что мне пришлось быть при колыбели первоначального духовного возрождения моих соплеменников и принимать некоторое маленькое участие в этом деле. Я участвовал (как последняя спица в колеснице) в составлении первого чувашского букваря, первых переводов и т.п. Мы работали исключительно во имя культурного развития своего рода-племени — работали сознательно, искренно и совершенно бескорыстно. Мы стояли в стороне от политики. Это дело шло и развивалось на протяжении более 30 лет при наших глазах, в результате чего получилась молодая чувашская интеллигенция в числе не более 5 или 6 сот человек»⁷⁰.

С 1 июня 1906 г. молодые чувашские интеллигенты взяли в свои руки издание единственной чувашской газеты «Хышар» (Весть). Эта газета выходила в Казани с 8 (21) января 1906 г. под редакцией Н.В.Никольского. В ней Д.Ф.Филимонов опубликовал 3 статьи: 29 января — о язычниках Бугульминского уезда, 26 февраля — о вопросах, которые предстояло обсудить в Государственной Думе, 9 июля — об обществе трезвенников в Бугульминском уезде.

Газета, оказавшись в руках революционно настроенных молодых сотрудников, изменила свое первоначальное направ-

ление и стала выступать против чувашского духовенства и церковных школ. Это вызвало протест со стороны Д.Ф.Филимонова. А наблюдатель церковноприходских школ Бугульминского уезда священник А.С.Иванов распорядился, чтобы учителя подчиненных ему школ не выписывали и не читали «Хыпар»⁷¹.

В начале августа 1906 г. чувашские учителя и учащая молодежь организовали «Кружок деятелей по образованию чуваш». Кружок издал свой устав, с которым ознакомился Д.Ф.Филимонов. Из него он узнал, что цель кружка — социально-экономическое развитие чувашей, а религиозные вопросы в деятельности кружка вовсе не признавались.

21 сентября Филимонов специально ездил в Казань, чтобы побывать в редакции газеты «Хыпар» и убедить ее со-трудников не печатать статьи против чувашских священников и церковных школ Самарской губернии. Ему пообещали впредь не помещать в газете статей противцерковного характера. 26 ноября он сообщил И.Я.Яковлеву: «Хыпар» по-прежнему продолжает нападать на духовенство и вредить делу христианского просвещения чуваш»⁷².

Филимонов понимал, что молодая интеллигенция «не может довольствоваться только идеалом, коему служили старики. Стремление ее вперед законно и естественно, — против этого никто ничего сказать не может». Он критиковал молодежь за то, что «она слишком увлеклась социалистическими учениями, и под влиянием так называемого освободительного движения встала во враждебное отношение ко всему тому, что делалось для чуваш до сего времени самими чувашами же; она, ради торжества социализма, стремится совершенно разрушить существующие основы образования чуваш и выставить маленькую чувашскую нацию (малоразвитую) на арену политической борьбы во имя социализма». По словам Филимонова, он знает, что социализм основывается на твердых научных выводах, и полагает, что «перестроить жизнь человечества по сей науке возможно только тогда, когда народная масса, или, по крайней мере, значительное большинство ее будет подготовлено к восприятию этого устремления. Пусть русские социалисты, как люди передовые, дерутся между собой, вмешивать же чуваш в эту борьбу и сделать их пушечным мясом нет никакой нужды»⁷³.

Причину разлада между молодыми интеллигентами и духовенством Д.Ф.Филимонов раскрыл в статье «Положение приволжских чуваш в настоящее время». Революционная молодежь обвиняла духовенство в пассивном отношении к освободительному движению. Филимонов объясняет, что по существующим церковным правилам духовенство без воли епископа не может принимать участия ни в каком общественном движении политического характера, в какую бы сторону это движение ни направлялось. Поэтому нападки юношей он признает совершенно легкомысленными и несправедливыми. Духовенство из чувашей вовсе не идет против дарованных народу свобод. Оно, как вышедшее из народа, ни в каком случае не может стоять на стороне насилия и произвола и, согласно велениям своей совести, открыто и мужественно защищает права и свободу народа, возведенные с высоты престола*. «Но оно, — размышляет Филимонов, — ни в каком случае не может спокойно, без сердечной боли, взирать на рискованное, совсем необдуманное неразумное стремление молодых чувашских деятелей производить опыты социалистического учения на спинах такой маленькой народности, как наши чувашы. Нет никакой нужды революционизировать чуваш и выставлять их на арену политической борьбы и, таким образом, сознательно наталкивать их, без того малочисленных, на кровавую катастрофу»⁷¹.

Д.Ф.Филимонову хотелось прекратить антагонизм между духовенством и революционной молодежью. «В юноше, — заметил он, — может быть много горячности, задора, разного недовольства, несдержанного возмущения даже мелочью, но от него трудно ждать спокойного обсуждения и зрелого решения высших и вечных запросов духа»⁷⁵.

Какую же перспективу ставил Д.Ф.Филимонов перед чувашской интеллигенцией? «Наша задача, — полагал он, — должна состоять лишь в том, чтобы чувашы прежде всего усвоили себе общечеловеческую христианскую культуру и шли по пути прогресса, не отставая от других народностей России.

* Д.Ф.Филимонов имеет в виду указ от 17 апреля и манифест от 17 октября 1905 г.

Для этого нам необходимо подняться выше политических партий и все силы духа, всю любовь к своему роду-племени отдать на перерождение родного народа в одну общецерковную партию, — не в смысле узкоцерковном, а в духе живого братского единения всех в одном великом Божием деле. По нашему мнению, силы и знания всех интеллигентных чуваш, кто бы они ни были по профессии, должны быть направлены к решению и исполнению этой именно задачи, а остальное все приложится само собой. У чуваш умственных сил еще очень мало; они не могут расходовать их на рискованные предприятия, имеющие для чуваш только опосредованное значение»⁷⁶.

Таким образом, Д.Ф.Филимонову хотелось, чтобы образованные чуваш отдавали свои силы и способности делу подъема культуры и хозяйства своей нации. В письме от 25 августа 1889 г. в Братство св. Гурия он с грустью отметил, что чуваш чуждаются тех единоплеменников, которые, «получив некоторое образование, одеваются по-европейски, стыдятся говорить по-чувашски, гнушаются своим происхождением и презрительно относятся к своему роду-племени»⁷⁷.

Филимонов считал, что для объединения чувашской интеллигенции и духовенства всех губерний необходимо созвать всеобщий съезд деятелей по образованию чувашей. На нем, по его мнению, желательно выработать и принять новые способы наилучшей постановки образования чувашей и освобождения их от приниженого, духовно и материально подавленного состояния, в котором они находятся в результате исторических и географических условий их прошлой жизни, — чтобы они, сделавшись сознательными свободными гражданами Русского государства, успешно двигались вперед в один шаг с коренным русским христианским населением и чтобы воинствующее мусульманство «не могло так нагло и легко проглатывать их, как оно теперь пожирает чуваш. Вот об этом-то прежде всего и должны хорошенько подумать все чувашские деятели: светские и духовные»⁷⁸. Таким образом, Филимонов, будучи сам интеллигентным человеком, считал своей первой задачей — культурное развитие чувашей. В письме от 6 ноября 1906 г. к Н.В.Никольскому он подчеркнул: «Мы, прежде всего, должны стараться о повышении «приниженого самосознания» чуваш и во что бы то ни стало

освободить дух их из плена, чтобы чувашаи не имели побуждений говорить «вырӑс пулас», «тутар пулас» (т.е. хочу стать русским, татаринном. — Г.А.) и т.п.»

В статье «О необходимости всеобщего съезда чувашских интеллигентов» Д.Ф.Филимонов писал, что в работе съезда могут участвовать не одни только чувашаи, но и русские деятели, интересующиеся судьбой чувашей и сочувствующие образованию инородцев по системе Н.И.Ильминского⁷⁹. В письме к И.Я.Яковлеву от 26 ноября 1906 г. он отметил важность получения разрешения правительства на проведение этого мероприятия. Филимонов хотел опубликовать о съезде статью в журнале «Церковно-общественная жизнь», но потом передумал.

10—22 октября 1906 г. благодаря инициативе члена Синодального училищного совета И.А.Износкова в Казани прошло совещание о мерах и способах к наилучшей постановке миссионерского дела среди «инородцев» Восточной России. С целью улучшения христианской миссии среди чувашей совещание нашло необходимым просить казанского архиепископа Димитрия о назначении Д.Ф.Филимонова в село Ишаки на должность заведующего Ишакской двухклассной миссионерской школой, а священника А.П.Добросмыслова перевести в один из лучших приходов города Казани. Архиепископ Димитрий запросил мнения Ишакского причта по этому делу. Последний, боясь возвращения о. Филимонова в Ишаки, отрицательно отозвался о нем, напомнив, что в 1899 г. он де принимал участие в возмущении монахинь против игуменьи чувашской общины Ядринского уезда Смарагды*, а затем, опасаясь подвергнуться ответственности, перебрался в Самарскую епархию, не будучи никем побужден к оставлению прихода села Ишак. Видя впоследствии, что опасность мино-

* Указом Св. Синода от 25 августа 1901 г. Коплаушская чувашская женская во имя святой мученицы царицы Александры община была обращена в общежительный женский монастырь с тем же наименованием, настоятельницей монастыря назначена начальница общины монахиня Смарагда с возведением ее в сан игуменьи. См.: Известия по Казанской епархии, 1901. № 18. С. 818.

вала, и сожалел о своем уходе из села Ишаки, который считается одним из лучших в епархии, Д.Ф.Филимонов, мол, в 1901 г. начал подстрекать ишакских прихожан просить о перемещении его опять в село Ишаки. Ишакский причт призывал архиепископа Дмитрия защитить причт от «происков» о. Филимонова.

Архиепископ Дмитрий написал обо всем этом Константину, епископу Самарскому и Ставропольскому.

28 мая 1907 г. Д.Ф.Филимонов был у епископа Константина и по письму архиепископа Дмитрия дал подробное устное объяснение. Преосвященный Константин просил его представить еще письменное объяснение по этому делу. 6 июня Д.Ф.Филимонов писал: «В 1899 г. я никакого участия не принимал в возмущении монахинь общины. Нетрудно сказать про человека, что он преступник и совершил такие-то преступления, но необходимо, чтобы преступные деяния его были доказаны истинными фактическими данными. Для обвинения меня в таком тяжком преступлении, как возмущение монахинь, у архиепископа Казанского Дмитрия не было и нет достаточных фактических данных, добытых путем формального беспристрастного расследования об обстоятельствах этого дела. Выставляя меня возмутителем, он глубоко пронизывает мое сердце острым ножом, подрывает доверие местного пастыря ко мне. Неужели его архиерейская совесть нисколько не тревожилась в тот момент, когда он взял перо, чтобы подписать свое отношение № 1726»⁸¹.

Далее Филимонов заявил, что после перехода на службу в Самарскую епархию он никогда не думал возвращаться в Ишаки. «Если бы я, — отметил он, — желал возвратиться в село Ишаки, то это желание мое было бы похоже на желание овечки опять побежать в тот волчий стан, от которого она только что удалилась в сторону... Ишакскому причту, конечно, известно горячее расположение тамошних прихожан ко мне, посему он очень тревожится, как бы я, пользуясь этим чувством, не лишил одного из них тепленького местечка в селе Ишаках, именуемых «чувашским Киевом». Ни что другое, а именно чувство тревоги побудило его написать на меня пасквильный донос о каких-то не существующих происках»⁸².

20 июня копию письменного объяснения Д.Ф.Филимо-

нов отослал С.В.Чичериной, написав: «Покойный преосвященный Гурий, а равно и К.П.Победоносцев хорошо знали истинную причину моего переселения в Самарскую епархию. Пока они были живы и здоровы, казанские враги молчали, не смели нападать на меня; но как только вышеупомянутые лица волею божьей отошли от нас, казанские недоброжелатели мои сразу подняли головы и начали проявлять свои враждебные голоса»⁸³.

С.В.Чичерина ответила: «Ваша докладная записка убедительна... некоторые выражения, относящиеся к преосвященному Димитрию, мне показались резкими. В Вашей записке чувствуется озлобление против архиепископа Димитрия, и хотя это озлобление вполне понятно, но она вредит. Меня огорчает Ваша записка. Позвольте мне просить Вас, если Вам еще придется написать объяснение, написать его мягче»⁸⁴.

1 сентября Д.Ф.Филимонов сообщил С.В.Чичериной: «Моя объяснительная записка... действительно вышла резкая, что я и сам осознал после»⁸⁵.

Филимонов просил в своем объяснении назначить формальное следствие по отношению № 1726 архиепископа Димитрия, но Константин прекратил дело без всяких последствий. Он сделал Филимонову замечание и предложил прекратить «происки»⁸⁶.

Вторая неприятность случилась у Д.Ф.Филимонова в 1914 г. 7 июля в Самарскую духовную консисторию обратился с рапортом священник села Черемшанская крепость Бугульминского уезда И.Сагатовский. Он доложил, что в 1913 г. благочинный Д.Ф.Филимонов* не представил его к награде, а

* 21 сентября 1911 г. Самарский епископ Константин назначил Д.Ф.Филимонова благочинным 3 округа Бугульминского уезда. За это ему полагалось жалование: из церковных сумм 300 рублей и из средств причтов 150 рублей в год (ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 277).

28 января 1913 г. Филимонов сообщил Н.В.Никольскому: «Я теперь работаю по 17 часов в сутки и то успеваю. Дело в том, что у меня нет канцелярии или письмоводителя, все приходится самому делать» (НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 238. Л. 205).

Благочинным Д.Ф.Филимонов был 8 лет. В 1913 г. во вверенном ему 3 округе был 21 приход, в них причтов — одноштатных 18, двухштатных 3 (ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 343).

зятя, священника села Новый Кувак А.Константинова представил к награждению, хотя тот служит меньше его. По мнению Сагатовского, благочинный не справедлив и третирует русских священников. Желая выразить свое пренебрежение к Филимонову, он несколько раз указал на его чувашское происхождение⁸⁷.

Консистория предписала о. Филимонову представить отзыв по поводу этого рапорта. 28 августа Д.Ф.Филимонов дал ответ: «Рапорт о. Сагатовского весь исполнен злобы, ненависти и презрения ко мне. Слово «чувашин» для меня не унижительное, а, напротив, самое дорогое, милое слово, потому что я родился действительно от чуваш чистокровных; во мне нет ни одной капли иноплеменной крови, но дух мой, его интересы и потребности чисто русские, потому что мои духовно-нравственные силы и умственные способности, вся моя духовная природа с малых лет воспитаны и направлены по-русски, русско-христианскими средствами, быть может, гораздо прочнее, чем у Сагатовского»⁸⁸.

Д.Ф.Филимонов заметил, что злые языки утверждают, будто сам о. Сагатовский тоже не русского, а мордовского происхождения. «Мы не должны, — писал он, — укорять друг друга за инородческое происхождение, как делают это уличные мальчишки, тем более в настоящее время, когда видим, что на защиту нашей родины от врагов идут наравне с русскими и жертвуют своей жизнью и инородцы»⁸⁹.

Рапорт, по мнению Филимонова, есть чистейшая инсинуация, написанная с целью очернить и унизить его⁹⁰.

17 октября И.Сагатовский вновь представил рапорт в консисторию, в котором пожаловался на о. Филимонова как на благочинного. После этого он подговорил священника села Шешминская крепость Е.Вдовина подать жалобу на Д.Ф.Филимонова, и тот 31 октября подал Самарскому епископу жалобу, что у Филимонова ненормальные отношения с духовенством из русских.

18 декабря Д.Ф.Филимонов представил новое объяснение в консисторию⁹¹.

К тому времени священники 3 округа Бугульминского уезда делились по национальному признаку на русских — 8, татар — 2, мордвин — 3, чувашей — 12 человек⁹². 22 января 1915 г. консистория объявила И.Сагатовскому строгий

выговор «за оскорбительные выражения» по отношению к благочинному Филимонову. Но он и после объявления ему выговора не перестал проявлять неприязненное отношение к Д.Ф.Филимонову.

16 февраля Филимонов сообщил Н.В.Никольскому: «Живу незавидно. Часто хвораю, много служебных неприятностей, немало и домашних. Как-то очень тяжело жить. По временам невыносимо грустно и тяжело, просто руки опускаются. Два сына у меня на войне»⁹³.

27 мая Д.Ф.Филимонов обратился с рапортом к Самарскому и Ставропольскому епископу Михаилу, в котором заявил, что ему нежелательно иметь священника И.Сагатовского своим помощником благочинного и просил назначить помощником к себе другого священника⁹⁴.

11 июня консистория потребовала объяснения от Сагатовского. Он обвинил Д.Ф.Филимонова в самовольном получении с духовенства 3 округа дополнительного жалованья 150 рублей в год, а всего за 4 года 600 рублей. 28 ноября консистория признала Д.Ф.Филимонова виновным в самовольном взимании с духовенства округа добавочного жалованья⁹⁵.

20 февраля 1916 г. Филимонов вошел в консисторию с ходатайством отменить предписание от 28 ноября 1915 г. как основанное на данных, представленных с одной лишь обвинительной стороны⁹⁶. 3 марта он был принят епископом Михаилом, которому объяснил, что упомянутое жалование получает не самовольно, а на основании тех распоряжений, какие изданы на сей предмет епархиальным начальством. Ему разрешили подать в консисторию письменное объяснение по этому делу. Владыка сказал ему: «О взыскании с Вас дополнительного жалованья за 4 года отменим, но вперед Вы не получайте его с духовенства без особого разрешения»⁹⁷. В тот же день Д.Ф.Филимонов представил в консисторию заранее приготовленное письменное объяснение. Но в конце августа 1916 г. он получил указ из консистории от 16-го числа, извещавший, что по поводу его объяснения постановлено: оставить объяснение без последствий.

Д.Ф.Филимонов написал И.Я.Яковлеву: «Я как инородческий священник не пользуюсь теперь беспристрастным расположением и доверием моего епархиального начальства,

что действует на меня в моих годах весьма угнетающе. При бывших преосвященных Самарских: Константине, Симеоне и Питириме я считался хорошим исправным благочинным»⁹⁸.

За все годы службы Д.Ф.Филимонов заслужил следующие благодарности и награды:

27 февраля 1888 г. — архипастырская благодарность Казанского и Свияжского архиепископа Павла за усердное и полезное прохождение пастырских обязанностей;

31 января 1890 г. — набедренник за примерно-ревностное, разумное и полезное пастырское служение;

10 мая 1893 г. — скуфья за полезную службу и за переводы с русского на чувашский язык;

13 декабря 1893 г. — благодарность от Братства св. Гурия по резолюции архиепископа за участие в качестве руководителя на миссионерских курсах, бывших осенью 1893 г. в Казани;

декабрь 1896 г. — благодарность Казанского епархиального начальства за усердное преподавание закона Божия;

13 декабря 1899 г. — благодарность Казанского епархиального начальства за усердные занятия в Ишакской двухклассной школе;

13 апреля 1901 г. — Св. Синод наградил камилавкою за отлично-ревностную службу церкви;

11 сентября 1905 г. — благословение Св. Синода за ревностные труды по переводу книг с русского на чувашский язык;

12 апреля 1906 г. — золотой наперстный крест;

6 мая 1909 г. — орден св. Анны 3 степени;

6 мая 1914 г. — сан протоиерея;

18 мая 1914 г. — св. икона с адресом от прихожан церкви села Четырла;

20 июля 1914 г. — благословение Самарского архиепископа с грамотой;

1917 г. — признательность Переводческой комиссии при Братстве св. Гурия⁹⁹.

ПЕРЕВОДЧИК И АВТОР ПОУЧЕНИЙ

Переводами книг с русского на чувашский язык Д.Ф.Филимонов начал заниматься во время учебы в учительской

семинарии. Здесь ему пришлось принять участие в переводческих трудах студента Казанского университета И.Я.Яковлева. Первоначально он перевел Евангелие от Матфея (Казань, 1873), затем от Марка и Луки (Казань, 1874). Д.Ф.Филимонов помогал И.Я.Яковлеву в составлении первого чувашского букваря и книги «Чан тён кёнеки»¹.

Во время летних каникул 1876 г., будучи учителем Симбирской чувашской школы, Д.Ф.Филимонов перевел на чувашский язык Евангелие от Иоанна², которое было издано в Казани в 1879 г. В его же переводе в 1882 г. увидела свет книга «Рассказы из русской истории», ч. 1. Но этот переводческий труд оказался неудачным. Впоследствии законоучитель Симбирской чувашской школы В.Н.Никифоров исправил эту книгу и отпечатал вторично в 1889 г.

В свидетельстве, выданном Д.Ф.Филимонову в 1882 г. в связи с переходом на службу в священническом сане, И.Я.Яковлев отметил, что Филимонов содействовал ему в переводах книг Св. писания, богослужебных и религиозно-нравственного содержания, «и в этом деле был весьма полезен»³.

Много занимался Д.Ф.Филимонов переводом текстов из богослужебных книг в годы службы в селе Мусирмы, так как в то время не было еще печатных переводов служебника, тропаря, тропаря и часослова. «Бывало, — вспоминал он, — накануне праздничных и воскресных дней просидишь за переводом тропаря, величания, прокимна, апостола и других до 2 часов ночи, а в 5 часов утра начинаешь служить утреню»⁴. С 1882 по 1900 г. Д.Ф.Филимонов состоял сотрудником Переводческой комиссии Православного миссионерского общества в Казани.

Первым переводным трудом стала брошюра «О загробной жизни» (1899). В работе над ней ему оказал помощь И.Я.Яковлев. В недатированном письме к нему Д.Ф.Филимонов писал: «Иван Яковлевич! Письмо Ваше и тетрадь о загробной жизни я получил, благодарю Вас, и начал уже работать с помощью здешнего чувашского учителя. Ваши замечания мною приняты и все сделано будет по Вашим указаниям»⁵. Этот перевод, прежде чем поступил в типографию, исправлялся и переписывался Филимоновым семь раз⁶.

15 июня 1889 г. он сообщил: «Иван Яковлевич! В мае я

доставил Н.И. (Ильминскому. — Г.А.) перевод «О загробной жизни», сделанный по его поручению, вышло всего в рукописи 15 листов. Вперед я уверен, что язык мой в сем переводе Вы найдете неискусным и негладким. А напечатать этот перевод все-таки нужно бы. Знать загробную жизнь любопытно и интересно для всякого человека. И наши чуваши, думаю, будут читать о ней с большою охотою. Книжка о загробной жизни на чувашском языке (если Вы только благоволите напечатать такую) произведет решительно переворот в уме чуваш, вытесняя из него ложное языческое представление относительно загробного состояния человека и давая взамен оногo истинное православно-христианское понятие»⁷.

Брошюра «О загробной жизни» была издана на чувашском языке в количестве 2400 экземпляров. Из них 100 штук было дано Д.Ф.Филимонову бесплатно за перевод. В 1890 г. названную брошюру он подарил священнику села Бижбуляк Белебеевского уезда А.П.Петрову и попросил его сообщить о своем впечатлении⁸.

В Мусирме Д.Ф.Филимонов написал на русском языке и опубликовал в Казани брошюры: «Поучение против чувашского языческого общественного животного жертвоприношения» (1890); «О Боге и о его отношении к человеческому роду» (1891); «Поучение против пьянства» (1892); «Наставление о христианском воспитании детей» (1893); «О Николае Ивановиче Ильминском» (1892) и др. Как видим, среди названных сочинений большинство составляют поучения. 3 октября 1890 г. Д.Ф.Филимонов представил благочинному В.П.Ильминскому поучение «Чюк»⁹. В письме от 15 ноября того же года Д.Ф.Филимонов написал Н.М.Охотникову: «Нашим благочинным было представлено владыке еще 10 моих поучений на чувашском языке. Не знаешь ли ты, какая участь постигла их»¹⁰.

В годы службы в Мусирминской церкви Д.Ф.Филимонов опубликовал в Казани 11 брошюр.

Ему присылал для просмотра свои переводы И.Я.Яковлев. 28 августа 1890 г. Яковлеву было отправлено из Мусирмы такое письмо: «Присланное Вами чувашское Евангелие я прочитал с великим удовольствием, потому что это издание Евангелия несравненно лучше прежнего. Есть, впрочем, постные слова и выражения, но таковых немного, их в следую-

пцем издании можно исправить. Таковые недостатки у меня подчеркнуты карандашом».

В письме от 22 января 1892 г. Д.Ф.Филимонов сообщил И.Я.Яковлеву, что «в здешней местности существует большое требование на псалтирь в чувашском переводе. Нельзя ли эту книгу скорее перевести? Я считал, более 70 псалмов у меня имеется в переводе, значит, нужно перевести только половину псалтиря. Я хотел бы заняться этим делом, но у меня нет никаких нужных толкований, а без них мне этот труд совсем не по силам»¹¹.

Переводческую работу Д.Ф.Филимонов продолжил и в Ишаках. Здесь он перевел и издал 7 работ. Несколько его статей на русском языке по школьным и миссионерским вопросам было опубликовано в журналах «Православный благовестник» и «Известия по Казанской епархии».

Широкого размаха достигла переводческая деятельность Д.Ф.Филимонова в Туарме. Здесь он по сути взял на себя руководство переводческим и издательским делом во всей Самарской епархии. Это произошло так.

13 мая 1900 г. Д.Ф.Филимонов в письме директору Казанской инородческой учительской семинарии Н.А.Бобровникову, состоявшему членом-делопроизводителем Переводческой комиссии в Казани, высказал мысль о необходимости учреждения переводческой комиссии в Самаре¹². Н.А.Бобровников в письме от 22 июня 1900 г. на имя Самарского епископа Гурия возбудил вопрос о переносе части переводческого и издательского дела в Самарскую епархию. «С каждым годом, — говорилось в письме, — потребность в книгах возрастает, а средства и работники остаются те же... Мы здесь в Казани не успеваем справляться с работами на иных, кроме чувашского, языках»¹³. Поэтому Бобровников просил Гурия организовать переводческую подкомиссию во главе с Д.Ф.Филимоновым. Он считал, что «цензура, как дело формальное и неважное, может остаться по-прежнему в Казани».

Это предложение заслушивалось Самарским епархиальным комитетом Православного миссионерского общества 9 августа 1900 г. Было решено организовать переводческую подкомиссию для целей изготовления и распространения переводов и самостоятельных сочинений религиозно-нрав-

ственного содержания на инородческих языках. Председателем подкомиссии назначили Д.Ф.Филимонова, который бессменно руководил ею до 1917 г.

Д.Ф.Филимонов составил проект правил по переводческому и издательскому делу в Самарской епархии, который был распространен и с некоторыми изменениями одобрен епархиальным комитетом 2 октября 1900 г., а затем представлен в Переводческую комиссию при Братстве св. Гурия в Казани¹⁴.

К делу переводов в Самарской епархии было привлечено более 40 инородческих священников. Об их деятельности Д.Ф.Филимонов рассказал в своей работе «Краткий очерк деятельности переводческой подкомиссии при Самарском епархиальном комитете Православного миссионерского общества за первые 10 лет ее существования (1900—1910)»¹⁵. Переводились на чувашский язык, как правило, жития святых и церковные поучения на воскресные и праздничные дни. Переводчики-священники за свою работу никакого денежного вознаграждения не получали.

Лично Д.Ф.Филимонов перевел легенду о Моисее, составил краткий словарь церковно-славянского языка в переводе на чувашский язык с буквы А до О и т.д.¹⁶ Он читал и редактировал переводческие труды многих священников¹⁷. В его письме от 22 декабря 1900 г. на имя священника села Нижняя Ивановка Самарского уезда А.С.Иванова читаем: «Вашу рукопись «Святая земля и бывшие в ней священные события» я прочитал с начала до конца. Перевод этот в общем удовлетворителен, но в некоторых местах язык перевода не совсем гладок и естествен, встречается часто много одинаковых оборотов и выражений, даже одно и то же слово. Таковые места желательно исправить (я почти исправил...), чтобы язык был живым, проще, разнообразнее и ближе к естественной речи народа, не в вульгарности языка, а в смысле чистоты, живости и без искусственности его»¹⁸.

Из письма Д.Ф.Филимонова от 5 февраля 1904 г.: «Переводческие работы учеников Стюхинской двухклассной школы (Бугурусланского уезда. — Г.А.) житий апостолов я прочитал с большим удовольствием и весьма рад, что о. Михайлов упражняет своих учеников в переводческом деле... Язык перевода простой, понятный и даже местами, можно

сказать, изящный»¹⁹.

Все переводческие работы посылались в Переводческую комиссию для цензуры.

Д.Ф.Филимонову на просмотр продолжал присылать свои переводы из Симбирска И.Я.Яковлев. 13 февраля 1901 г. от него поступил первый лист Псалтиря на чувашском языке на просмотр и исправление. 20 марта Филимонов отметил: «С великим удовольствием прочитал я сей лист и душевно радуюсь, что наконец-то, после долгого ожидания, появляется Псалтирь в чувашском переводе. С первых же псалмов видно, что перевод этот сделан насколько возможно тщательно и употреблены все усилия как для соблюдения точности перевода, так и для правильности и красоты языка. Мною сделаны только незначительные исправления и изменения, из которых, быть может, 2 или 3 окажутся дельными, в двух местах показаны опечатки»²⁰.

Возвращая Яковлеву экземпляр молитвенника на чувашском языке, Филимонов в недатированном письме сообщил: «...прочитал от начала до конца и сделал в нем кое-какие незначительные исправления. Важных исправлений весьма мало...»²¹.

В июле 1904 г. Д.Ф.Филимонов прочитал полученный от И.Я.Яковлева «Сборник популярных листков по медицине Пироговского общества врачей» в чувашском переводе, изданный Симбирским губернским земством в 1903 г. 31 июля он написал И.Я.Яковлеву: «Сборник...», составляющий весьма ценный вклад в народную медицинскую литературу, должен иметь важное значение в оздоровлении инородческого населения, за отсутствием книг медицинского содержания в переводе на родной язык, совсем не знакомого даже с самыми элементарными сведениями по медицине и гигиене. Мы искренне радуемся появлению этого нового печатного переводческого труда по медицине и от души желаем распространения его не только в Симбирской, но и в других губерниях, где живут чуваша, — чтобы он сделался домашней книгой в каждом чувашском семействе»²². По мнению Филимонова, перевод на чувашский язык исполнен вполне удовлетворительно, недостатки встречаются незначительные. В письме дан их разбор.

В 1904 г. число сотрудников Самарской переводческой

подкомиссии значительно увеличилось и дошло до 42: из них священников чувашских 37, крещено-татарских 3 и удмуртских 2. Всех инородческих священников было 69: чувашских 56, татарских 5 и мордовских 8²³.

4 июля 1905 г. Д.Ф.Филимонов предложил священнику села Шентала Бугульминского уезда П.Пертаеву заняться переводом книг религиозно-нравственного содержания на мордовский язык. Последний ответил: «Переводы эти весьма мало приносят пользы для моих соплеменников-мордвы: народ безграмотный непосредственно, конечно, ими пользоваться не может, грамотные же совершенно не интересуются переводами и если читают, то непременно книгу русскую; вводить же в мордовские школы какие-либо книги на мордовском языке я считаю не только полезным, но прямо вредным, так как упражняя учеников в чтении и разговоре на мордовском языке, мне кажется, этим самым будет замедляться изучение русского языка»²⁴.

Вопросы перевода и издания книг обсуждались в Самаре на съездах переводчиков. Съезды были проведены 4 октября 1900 г., 4 февраля 1903 г., 22 сентября 1905 г., 20—23 июня 1906 г., 28—29 июля 1909 г. (в селе Шентала), 11—12 мая 1911 г.

3-й съезд переводчиков в 1905 г. установил особый денежный сбор с инородческого духовенства (путем самообложения) на издание книг и брошюр религиозно-нравственного содержания для бесплатной раздачи народу. Священники обязаны были платить 6 рублей, диаконы 4 рубля и псаломщики 2 рубля в год. С 1907 по 1910 г. поступило всего 1346 рублей 35 коп.²⁵ Этот сбор оказался обременительным, поэтому сбор производился и доставлялся в епархиальный комитет крайне неаккуратно и не в полном размере. 11 мая 1911 г. очередной съезд постановил уменьшить этот сбор наполовину в год²⁶.

В начале сентября 1906 г. попечителем Оренбургского учебного округа Н.А.Бобровниковым Д.Ф.Филимонов был приглашен в Уфу на совещание по вопросу об издании переводов и книг для инородческих школ Оренбургского учебного округа, намеченное на 18—21 сентября. Но поехать он не смог и послал доклад. В нем Филимонов писал, что до сих пор преимущественно переводились и издавались книги и

брошюры религиозно-нравственного содержания. «Теперь, — отмечал он, — настало время, что Манифест 17 октября с его свободами так или иначе будет поворотным пунктом в истории русского народа к пути прогресса. Нет достаточных данных заявлять, что инородцы-чуваши (и другие) по пути прогресса пойдут, не отставая от русских. Для того, чтобы они правильно ступили на путь, необходимо дать им всестороннее развитие издания переводов и книг на их родном языке по всем отраслям»²⁷. К докладу была приложена программа по изданию переводов и книг светского содержания. По мнению Филимонова, их изданием должны заниматься особые инородческие общественные комитеты.

28 июля 1907 г. наблюдатель церковноприходских школ Бугульминского и Бургусланского уездов священник А.С.Иванов написал Д.Ф.Филимонову: «Поздравляю Вас с исполнившимся двадцатипятилетним служением Вашим в священном сане... Ваши переводческие труды столь обширны и велики, что Вы за них заслуживаете от чуваш вечной благодарности. Весьма желательно было торжественно отпраздновать Ваше двадцатипятилетнее служение, но Вы по своей скромности отказываетесь»²⁸.

За 12 лет переводческой подкомиссией было создано переводческих трудов и издано в свет 96 названий в количестве 183500 экземпляров, а именно: на чувашском языке 85 названий — 171500 экземпляров, на удмуртском 10 названий — 10800 экземпляров и на татарском 1 название — 1200 экземпляров²⁹. Все эти книги печатались в большинстве своем в Казани, а иногда и в Симбирске, так как в Самарской типографии не было инородческого шрифта.

Переводческие труды на чувашском языке предварительно рассматривались и редактировались священниками, избранными в июне 1906 г. в специально образованный редакционный комитет*. В 1906—1909 гг. из 7 членов его

* По решению съезда инородческих священников-миссионеров Самарской епархии, бывшего 20—23 июня 1906 г. в Самаре, в редакционный комитет были включены священники: Д.Филимонов — село Туарма, А.Михайлов — село Старо-Ганькино, А.Сенчуков — село Борскино-Игар, И.Яковлев — село Старая Малыкла, А.Иванов — село Николькино, А.Алексеев — село Алексеевка, Т.Васильев — село Васильевка и о. К.Прокопьев — законоучитель Симбирского коммерческого училища.

особенно усердными и аккуратными оказались священники Бугурусланского уезда А.С.Михайлов и А.Г.Сенчуков³⁰. Для подтверждения сказанного приведем отрывок из письма А.С.Михайлова на имя Д.Ф.Филимонова без указания даты: «Посылаю переводы о. Иоанна Михайловича. Много я исправляя, но осталось еще много-много поправок, пропускать такие вещи в печать прямо невозможно. И так много упреков, что наши переводы (самарские) слабы и плохи. Оно и верно. Я сначала думал — чтобы открыть дорогу, пропускать слабые, но теперь, когда переводов много, стараюсь относиться покрепче. Из поучений о. Михайлова только последнее удовлетворительно, но уже я не так внимательно прочел его, ибо предшествующие положительно вывели из терпения. Я думаю, что о. Иоанн не сам перевел их, он сам должен бы перевести много лучше. Ведь он мне товарищ и знаю, что он переводом хорошо занимался еще в школе»³¹.

В сентябре 1913 г. Д.Ф.Филимонов сообщил Самарскому епископу Симеону: «Наблюдатель церковных школ Бугульминского уезда священник о. А.Иванов весьма усердно занимается переводческим трудом по переводу книг и брошюр...; поручаемые ему работы исполняет всегда аккуратно и умело. В продолжение последних 12 лет им переведено на чувашский язык разных книг в 33 названиях, из них 8 названий уже отпечатаны»³². Филимонов представил список переводческих трудов А.С.Иванова (печатных и рукописных) и просил ходатайствовать перед Св. Синодом о награждении его саном протоиерея.

1 февраля 1914 г. А.С.Иванов написал в Казань делопроизводителю Переводческой комиссии Н.В.Никольскому: «Как-то я Вам писал относительно представления о. Д.Ф.Филимонова к Высочайшей благодарности за его переводческие труды. Как отнеслась к этому вопросу Переводческая комиссия?»³³

10 июня 1914 г. Д.Ф.Филимонов информировал Самарского епископа Питирима: «Руководимое мною переводческое

³⁰ А.С.Михайлов (из села Новое Ильмово Буинского уезда Симбирской губернии) и И.М.Михайлов (из деревни Анчиккасы Ядринского уезда Казанской губернии) окончили Симбирскую чувашскую школу в 1889 г.

и издательское дело на инородческих языках в Самарской епархии за последние 3 года совершенно остановилось, по не зависящим от меня причинам». Он просил разрешить устроить 26 августа 1914 г. съезд инородческих священников. Владыка разрешил, но в связи с началом первой мировой войны съезд не состоялся. Самарский епархиальный комитет 9 октября 1914 г. сообщил Д.Ф.Филимонову: «В настоящее время не видно необходимости в переводе на инородческие языки»³¹.

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Другим увлечением Д.Ф.Филимонова была этнография. Он живо интересовался этнографией родного народа. Из сохранившихся архивных документов можно узнать, что он читал этнографические работы о чувашах, сам написал на эту тему несколько статей.

22 июля 1889 г. к нему к село Мусирмы приезжали студент Казанского университета Н.М.Охотников с женой и ночевали у него две ночи. Об этом в конце августа он сообщил священнику села Бижбуляк Белебеевского уезда А.П.Петрову, отметив, что Охотников в Казани пишет что-то о своем воспитании¹. Речь идет о работе Охотникова «Записка чувашина о своем воспитании», опубликованной в 1920 г. в «Известиях» Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете (т. 31, вып. 1).

В недатированном письме, адресованном Н.М.Охотникову, Д.Ф.Филимонов писал: «Возвращаясь из Чебоксар, куда я отвез на днях Сашу (сына. — Г.А.), заехал в Тюрлеме к учителю Ст.Иванову и увидел у него книгу «О чувашах. Этнографический очерк неизвестного автора XVIII в.». Она издана инспектором В.К.Магницким. Читал ли ты ее? Она должна быть весьма интересная. Я желал бы приобрести ее для себя. Усердно прошу тебя, сходи к Дубровину, купи у него, посылаю 20 коп.»²

Это письмо, вне всякого сомнения, написано в августе 1889 г.: Д.Ф.Филимонов отвозил старшего сына Александра в Чебоксары на учебу в духовное училище. На обратном пути он заезжал к учителю С.И.Иванову, который после окончания в 1883 г. Симбирской центральной чувашской школы

работал в Тюрлеминском училище. Иванов показывал Филимонову книгу К.С.Мильковича, очерк которого был издан в Казани в 1888 г. без указания фамилии автора с предисловием и примечаниями В.К.Магницкого.

Упомянутый в письме А.А.Дубровин — известный казанский книготорговец.

В этом письме еще сказано: «Исполняя желание твое, лично мне выраженное, сообщаю тебе о чувашских языческих именах, записанные братским учителем без всяких изменений и добавочных значков, принятых для чувашских переводов».

25 августа 1889 г. Д.Ф.Филимонов закончил этнографическую статью «Основание деревни Тенеево и крещение тенеевских чуваш»³. По его словам, тенеевские чуваша крестились, главным образом, чтобы избавиться от солдатчины, вследствие чего внутреннее религиозное состояние здешних крещеных чувашей осталось совершенно нетронутым — языческим. Крещеные чуваша в Тенеево отличаются от своих одноплеменников только исполнением обрядов — настоящих христианских треб, а во всем остальном они находятся на одинаковом религиозном уровне с язычниками.

В работе дано описание религиозного состояния тенеевских чувашей. Названы разновидности киреметей, небесных и земных божеств. Последних, по утверждению автора, у чувашей очень много, в каждой деревне свои боги.

Почитание богов чуваша выражают в молениях разными животными, кашей, юсманами (лепешками), пивом и другими тому подобными яствами и питьями под общим именем чюк.

При совершении чюк читаются наизусть молитвы. Они разделяются на прошения и благодарения, молитв же славословия у чувашей нет.

Чувашско-языческие моления (чюк) делятся на обыкновенные (общественные (или домашние)) или срочные. Обыкновенные совершаются ежегодно или через каждые три года. Случайные совершаются по случаю каких-либо несчастий и бедствий.

Освещены в работе языческие обряды поминовения усопших. Поминать и почитать умерших заставляют чувашей два чувства: естественная любовь к умершим родствен-

никам и страх, чтобы не прогневать их невниманием.

Названы языческие имена (мужские и женские) и языческие жрецы: юмзя, асамсӑ и прочие. Они никакого духовного образования не получают, выделяются только природным умом. По верованию чувашей, они имеют сношения с миром невидимых духов и при их содействии могут делать добро или зло. Эти жрецы составляют преграду и противодействуют проникновению христианства в массу чувашского народа.

Описаны проводы покойника, появление новорожденного, празднование Пасхи, семейные праздники, обряды крещения чувашей.

Осенью 1889 г. Д.Ф.Филимонов записал свадебные песни мусирминских крестьян. 21 ноября он сообщил Н.М.Охотникову: «Чувашская свадьба, записанная с природы в приходе села Мусирмы, закончена вполне. Предстоит трудная задача перевести ее на русский язык»⁴. Скоро рукопись «Чувашская свадьба в приходе села Мусирмы» была послана Н.И.Ильминскому. Филимонов писал: «Прошу Вас, Николай Иванович, не браните меня, пожалуйста, что я — человек духовный — занимаюсь светским делом: составлением «Чувашской свадьбы». Смею доложить Вам, что «Чувашской свадьбой» я занимался только между делом для разнообразия»⁵.

Тетрадку со свадебными песнями мусирминцев Д.Ф.Филимонов отослал через несколько лет Н.И.Ашмарину, работавшему в Казанской учительской семинарии и собиравшему материал по чувашскому языку. «Быть может, — писал Филимонов, — Вы извлечете из нее какую-нибудь малую крупичку пользы для Ваших работ. Было бы желательно напечатать и издать эти песни целиком в виде маленьких брошюр для пользования ученым людям и переводчикам; к тому же и грамотные крестьяне стали бы читать эти песни нарасхват. Мне самому, как инородческому священнику, неблагоприятно заниматься изданием народных произведений чувашей»⁶.

В июле 1890 г. Д.Ф.Филимонов закончил статью «Сведения о том, какая одежда шьется и какие украшения женские употребляются у крестьян села Мусирмы». Работа была заказана ему Г.М.Вишневым, инспектором народных училищ Казанской губернии 3 участка.

В феврале 1909 г. Филимонов прочел книгу Н.В.Никольского «Этнография чуваш» (Казань, 1908) и написал ему, что книгу прочитал с удовольствием. А 18 марта отправил ему свои заметки и дополнения к этой книге со словами: «Дай Бог Вам скорее разработать это в высшей степени интересное и нужное произведение и закончить его с успехом»⁷.

В марте 1926 г. в Общество изучения местного края в Чебоксарах Д.Ф.Филимонов представил рукопись «Воспоминание из чувашской старины» на русском и чувашском языках⁸. В предисловии он дал краткую характеристику чувашей, живших 60 лет назад. По его словам, чувашаи тогда крепко держались прадедовских обычаев и точно исполняли их наставления. С тех пор жизнь чувашей изменилась настолько, что если бы жившие во время его детства старики вышли из гробов, то весьма удивились бы происшедшей перемене; жизнь чувашей экономически оскудела так, что в его деревне 60 лет назад не было хозяйства, в котором не хватало бы своего хлеба, а теперь его не хватает и на полгода; прежде как курящих, так и пьющих водку почти не было, а теперь стар и млад делают и то, и другое и т.п.

Далее автор дает краткую характеристику чувашских божеств, высших и низших, т.е. небесных и земных, и церковных, которым прежде поклонялись чувашаи, раскрывает роль и значение юмзей и способы их гаданий.

Автор подробно описал чюк в том виде, как его в разных обстоятельствах и в разное время совершали в его родной деревне.

В работе получили отражение обычаи проведения скота сквозь землю.

В завершающей части своего труда Д.Ф.Филимонов показал, как проводились древнечувашские праздники на его родине в деревне Первое Степаново Цивильского уезда.

Работа «Воспоминание из чувашской старины» была передана на рецензирование М.П.Петрову — заведующему Центральным чувашским музеем в Чебоксарах. Он одобрил ее и рекомендовал приобрести⁹. По его просьбе с этой работой ознакомился Н.И.Ашмарин. 6 сентября 1926 г. он дал положительный отзыв о рукописи, написав: «Очерки Д.Ф.Филимонова представляют безусловную научную ценность.

Многие вещи, им сообщаемые, насколько я знаю, до сих пор не были никем описаны. Думаю, что напечатание рукописи даст в руки исследователей в области чувашской этнографии совершенно новый и притом достоверный материал»¹⁰.

Рукопись была приобретена на деньги Наркомпроса Чувашской АССР¹¹.

В скором времени Д.Ф.Филимонов продолжил свои воспоминания о чувашской старине: им были написаны еще две работы — о приеме ребенка у роженицы и о молодежных посиделках¹².

ОБЩЕСТВЕННАЯ РАБОТА

Д.Ф.Филимонов неоднократно выступал в защиту крестьян села Мусирмы и других деревень. В конце сентября 1888 г. Н.И.Ильминский с позволения казанского архиепископа Павла экстренно вызвал Д.Ф.Филимонова в Казань для напутствия 17 крещеных чувашей, осужденных Казанским военно-окружным судом на смертную казнь. Предыстория этого дела такова. 18 мая 1888 г. между деревнями Малые и Старые Урмары Цивильского уезда было побоище из-за земли. В потасовке трое крестьян были убиты, многие избиты, несколько человек тяжело ранены. Д.Ф.Филимонов исповедовал и причащал раненых. Ему же поручили обряд отпевания убитых и предания их земле. 45 крестьян были осуждены, как главные зачинщики побоища. Казанский военно-окружной суд приговорил 17 человек к смертной казни через повешение. Д.Ф.Филимонов два дня ходил к осужденным в тюрьму, служил им молебен, беседовал с ними о смертном часе и плакал. На третий день Н.И.Ильминский посадил Д.Ф.Филимонова за письменный стол и продиктовал ему письмо к К.П.Победоносцеву — обер-прокурору Св. Синода, с подробным описанием «урмарского дела». В письме содержалась просьба о ходатайствовании перед императором о помиловании всех 17 осужденных чувашей. К.П.Победоносцеву удалось исходатайствовать изменение участи осужденных. Казнь четвертым была заменена четырехлетней каторгой, шестерым — ссылкой в отдаленные места Сибири и семерым — службой в арестантских ротах¹. Таким образом, казни избежали все.

В июне 1891 г. в селениях Мусирминского и соседних с ним приходов начался голод. Крестьяне питались лебедой и древесными (липовыми) листьями, которые они собирали и сушили на солнце, потом превращали в порошок, кипятили и ели. Люди страдали от голода и пухли. 7 августа 1891 г. Д.Ф.Филимонов сообщил И.Я.Яковлеву: «Есть у меня такие прихожане, которые по месяцу сидят без хлеба. Если кто им подаст кусок черного хлеба, они его сами не едят, а дают детям своим. 80% населения моего прихода питается травой и древесными листьями, вследствие чего люди или пухнут, или страшно худеют и принимают мертвенно-бледный с зеленоватым оттенком цвет»².

В Мусирме было два смертных случая. Нищие ходили толпами со двора во двор, но подавали им мало. «Сначала я подавал, — вспоминал Даниил Филимонович, — всем прося — щим понемногу, но потом и у меня немного осталось хлеба»³.

О голоде Д.Ф.Филимонов сообщил 15 июля Н.И.Ильминскому⁴. Письмо, адресованное в Казань, дошло до него не скоро: Н.И.Ильминский в это время находился в Петербурге, а оттуда переехал в Троице-Сергиеву лавру, где занимался проверкой якутского перевода Евангелия вместе со студентами-якутами. Письмо догнало его только в конце июля в Гефсиманском скиту. В конверте находился маленький пакетик с зеленым порошком, каким питались голодающие. В том году в начале августа в Москву съезжались известные люди встречать наследника престола Николая Александровича, возвращавшегося из путешествия на Дальний Восток. В числе встречавших был и обер-прокурор Св. Синода К.П.Победоносцев. Письмо Д.Ф.Филимонова и порошок были переданы К.П.Победоносцеву, который, выполняя просьбу Н.И.Ильминского, распорядился тотчас же напечатать его в «Московских ведомостях» под заглавием «Голод в Казанской губернии». Порошок был представлен императору Александру III с докладом о филимоновском письме. 8 августа оно увидело свет⁵. Н.И.Ильминский прислал в помощь голодающим от себя 50 рублей и от К.П.Победоносцева 100 рублей.

Материал о голоде в Мусирминском приходе был перепечатан и другими газетами. Публикация взволновала многих читателей. От них стали поступать пожертвования. Было собрано более 6000 рублей деньгами, хлебом и вещами⁶. Это

помогло спасти сотни человеческих жизней Мусирмы и ближайших сел.

Но для Д.Ф.Филимонова эта история обернулась неприятностями. 24 августа в Мусирму прикатил казанский губернатор П.А.Полторацкий в сопровождении многочисленной свиты и он обвинил Д.Ф.Филимонова, что тот изобразил голод в преувеличенном виде. Пока губернатор распекал Д.Ф.Филимонова за письмо о голоде, на улице собралась большая толпа народа: женщины держали куски хлеба из лебеды. Когда губернатор вышел на улицу и спросил, чего им (собравшимся) надо, Д.Ф.Филимонов ответил, что они желают показать его превосходительству тот хлеб, которым они питаются. Губернатор вкусил того хлеба и выплюнул, затем вынул 10 рублей и вручил их Д.Ф.Филимонову, сказав: «Купите муки и раздайте нуждающимся». По возвращении в Казань губернатор наговорил на Д.Ф.Филимонова архиепископу Павлу, и Д.Ф.Филимонов получил от владыки выговор с запрещением писать и печатать в газетах какие бы то ни было статьи без его разрешения. После этого Д.Ф.Филимонов решил переехать в Симбирск на место законоучителя в Чувашской школе⁷.

В конце августа 1891 г. он получил от Н.И.Ильминского письмо, в котором тот сообщал, что в первых числах сентября возвратится домой в Казань, и просил его приехать к нему к 10 сентября. 9 сентября Д.Ф.Филимонов с женой были уже у Н.И.Ильминского. Д.Ф.Филимонов был поражен видом любимого учителя: Н.И.Ильминский осунулся, похудел, говорил тихо и ходил медленно. Оказалось, что его мучил рак желудка. Н.И.Ильминский посоветовал Филимонову объясниться по поводу письма о голоде.

Владыка Павел принял Д.Ф.Филимонова в зале и, не глядя на него, стал упрекать его за публикацию о голоде. Но когда Д.Ф.Филимонов поклонился ему и сказал, что это произошло помимо его воли, владыка изменил отношение к священнику и сказал: «Благодарю вас за ваше письмо о помощи голодающим, благодарю и Н.И-ча, что он напечатал его в газетах. Вы не беспокойтесь, я объявил вам выговор, чтобы успокоить губернатора»⁸.

Д.Ф.Филимонов вспоминал: «От архиерея я пришел к Н.И. как на крыльях. Когда я рассказал о приеме владыки,

все обрадовались и оживились. Сели обедать. За обедом беседовали оживленно о том, как надо помогать голодающим. Н.И., несмотря на свою болезнь, рассказывал с юмором, острил»⁹.

Но это был еще не конец переживаниям Д.Ф.Филимонова. 9 сентября 1891 г. Казанская духовная консистория издала и разослала по епархии циркуляр по поводу письма Д.Ф.Филимонова. В нем говорилось, что один священник Казанской епархии напечатал в «Московских ведомостях» корреспонденцию, в преувеличенном виде представляющую бедствия своих прихожан и в ложном свете изображающую деятельность администрации по облегчению положения голодающих. Копию этого циркуляра Филимонов послал Н.М.Охотникову, высказав возражение по его содержанию. «Откуда это взяли, — писал он, — что я писал корреспонденцию в преувеличенном виде?» Даниил Филимонович объяснил, что он писал о положении своих прихожан в мае и июне, когда из начальствующих лиц в Цивильском уезде никто (ни пристав, ни земский начальник) не входил в положение мусирминских крестьян. Филимонов говорил губернатору, что случаи смерти от голода были, и указал на два случая. Но начальник губернии не поверил ему и потребовал медицинских свидетельств. Филимонов ответил, что у него нет таких заключений и просил губернатора письменно приказать произвести для восстановления истины надлежащее медицинское исследование этих двух случаев. Начальник губернии оставил просьбу без внимания. «Во всяком случае, — сообщал Филимонов, — нет никаких действительных данных, свидетельствующих, что я писал преувеличенно»¹⁰.

Не мог не прокомментировать Д.Ф.Филимонов в своем письме к Н.М.Охотникову формулировку циркуляра о том, что он в ложном свете изобразил деятельность администрации по облегчению положения голодающих. В своей статье он ни единым словом не обмолвился о действиях начальства в связи с голодом. Филимонов пишет: «Если моя корреспонденция написана в сильном тоне, то это произошло оттого, что я писал с целью вызвать сочувствие и сожаление к своим пасомым в душе добрых и состоятельных людей, которые ради Христа могли бы принести свои лепты на питание несчастных голодающих, а вовсе не для того, чтобы порицать

деятельность администрации не только высшей и губернской, но даже низшей сельской. Неужели я — сельский поп — решил бы на это? Ведь у меня не две головы».

В циркуляре еще было сказано: «По расследованию, произведенному лично г. начальником губернии, положение прихожан вышеназванного священника оказалось далеко не таким ужасным, как изобразил его священник». Это утверждение Д. Ф. Филимонов прокомментировал так. Во время посещения губернатора в селе Мусирмы действительно не было такого ужасного голода. Он писал о положении прихожан в июне, а начальник губернии в селе Мусирмы был 24 августа, когда крестьяне уже не страдали от голода так сильно, потому что к тому времени поспели яровые хлеба и огородные овощи, и бедняки нанимались к богатым на полевые работы. Но, несмотря на это, многие из прихожан в августе питались хлебом из лебеды с примесью ячневой и гороховой муки, что сам губернатор видел в селе Мусирмы собственными глазами. Филимонов пишет: «Расследования о положении моих прихожан, в полном смысле этого слова, его превосходительством не было произведено. Его превосходительство публично и сильно высказал мне свое неудовольствие по поводу моего напечатанного воззвания о помощи голодающим своим прихожанам и уехал, он не был ни в одном крестьянском амбаре или в избе, из крестьян никого не спрашивал, чем они питались в июне, как они пухли и ослабели силами. Его превосходительство не поверил моим словам и из Мусирмы уехал, не убедившись, что я писал правду. Я не привык объясняться с высокопоставленными лицами, совершенно растерялся пред ним и не мог хладнокровно и твердо высказать. А спорить с г. губернатором не будешь, ведь он лицо высокое. Вследствие доноса его превосходительством, высшим епархиальным начальством 1) объявлен мне строгий выговор и 2) я официально и в глазах всей епархии признан и объявлен посмешищем. Это наказание от высшего начальства я принял как наказание Божие и впредь постараюсь быть благоразумным, но говорить правду по прежнему разуму своему никогда не перестану, доколь многогрешная пред Богом душа моя не разлучится с бранным телом моим»¹¹.

11 октября того же года Д.Ф.Филимонов сообщил о циркуляре священнику села Бижбуляк Белебеевского уезда А.П.Петрову, отметив, что говорить сущую правду никогда не перестанет перед кем бы то ни было¹².

Оказанием помощи голодающим занималось церковно-приходское попечительство во главе с Д.Ф.Филимоновым. Сначала голодающим раздавали пособие деньгами, потом начали выдавать мукой. Раздача пожертвований производилась по воскресным дням. Муку раздавали по числу едоков только бедным семействам, состоятельным же крестьянам, у которых было достаточно старого запаса, пожертвования не выдавались. Этим Д.Ф.Филимонов навлек гнев на себя. «Однажды, — сообщает он, — они целой толпой пришли ко мне во двор и с угрозой начали требовать себе пайков, когда я отказал им в выдаче пайков, они хотели меня разорвать на части, так что я едва успел запереть за собой дверь. Пока не явился сельский староста для установления порядка и тишины, я сидел дома взаперти ни жив ни мертв»¹³.

11 сентября Филимонов представил архиепископу Павлу первый отчет о помощи голодающим, и тот разрешил опубликовать его отдельной брошюрой. 29 сентября отчет увидел свет. Позднее было издано еще 3 выпуска отчетов.

Летом 1892 г. в Мусирминском приходе случилась новая беда, о чем Д.Ф.Филимонов 1 августа сообщил приставу 2 стана Цивильского уезда. С 6 июля умерло от дизентерии в деревне Кудеснеры 19, в селе Мусирмы 7 и в деревне Дальние Мусирмы 7 человек — всего 33 человека в возрасте от 6 месяцев до 15 лет. Названные селения со времени появления в них дизентерии никем из медицинского персонала не посещались¹⁴.

Неизвестно, имело ли это донесение последствия.

В 1895 г. Филимонов учредил в Ишаках метеорологическую станцию и заведовал ею до апреля следующего года¹⁵.

Летом 1902 г. в Туарминском приходе не уродилась рожь, а яровые в 4 приходских селениях побилло градом. В феврале 1903 г. Д.Ф.Филимонов послал в Петербург управляющему императорской придворной капеллой С.В.Смоленскому список беднейших прихожан села Туарма и деревни Старое Афонькино и просил оказать им какую-либо помощь¹⁶.

6 декабря 1903 г. Д.Ф.Филимонов основал в Туарме при-

ходское «общество трезвости» с целью «если не прекратить в приходе пьянство, то хотя бы сколько-нибудь способствовать уменьшению его». Он начал часто читать с церковной кафедры поучения против пьянства, о том же высказался и в частных беседах.

Деятельность «общества трезвости» состояла в том, что члены его уговаривали пьющих вино оставить свою привычку и быть трезвыми, служили панихиды о безродных или бедных умерших, оказывали материальную помощь пострадавшим от какого-либо несчастья, делали пожертвования на украшение приходского храма и на постройку новых церквей, выписывали брошюры и книжки противоалкогольного содержания для своей библиотеки, издавали брошюры о вреде пьянства на чувашском языке, делали представления в Государственную Думу о необходимости законодательства против употребления алкоголя и т.д.¹⁷

Краткий отчет о деятельности «общества трезвости» за 1904 г. Филимонов представил в Самарскую духовную консисторию, которая напечатала его в «Самарских епархиальных ведомостях» (1904, № 6).

25 февраля 1905 г. Д.Ф.Филимонов написал С.В.Чичериной: «У нас поголовного (пристрастного) пьянства нет. Иностранцы много пьют только на так называемых престольных праздниках, на свадьбах и на масленице; кроме того они пьют мирское вино, как-то: при сдаче мирских работ, при найме общественных ямщиков, караульчиков и т.п. В пределах нашего прихода две винные лавки, которые ежегодно выручают не менее 12 тыс. руб., а ныне, по случаю хорошего урожая хлебов, эта сумма увеличится, вероятно, до 15 тыс. рублей. Между прочим, когда просим прихожан оказать помощь на школу и на другие полезные дела, они ссылаются на бедность. Деятельность нашего общества направлена именно против этого зла»¹⁸.

Филимонов отмечает, что 30 лет назад чувашки сел Казанской губернии употребляли вина очень мало. Они довольствовались домашним пивом, которое варили в котлах и готовили прекрасно. «Ныне варят пиво, — писал он, — по русскому обычаю, в горчаках. Больше угощаются водкой, особенно мордва. От водки, кроме ущерба материального, происходит немало зла нравственного». По наблюдениям Фили-

монова, в населении Самарской губернии развита сильная склонность к винопитию и прочим порокам, чего между чувашами Казанской губернии, живущими особняком, вовсе не замечается¹⁹.

Через 5 лет после создания «общества трезвости» Филимонову пришлось признаться: «Пьянство в приходе уменьшается весьма туго. В продолжение 4, 5 лет число трезвенников дошло только до 160 человек. Водка стала у нас руководительницей деревенской жизни»²⁰.

19 февраля 1912 г. Туарминское «общество трезвости» постановило выписать периодическое издание на чувашском языке. Д.Ф.Филимонов написал члену Государственной Думы М.Д.Чельтову: «Периодическое издание на чувашском языке должно иметь громадное значение в жизни чуваш в настоящее время, когда в устройстве жизни государственной участвуют общество и народ, нельзя оставлять без газеты никого из верноподданных Российского царства, кто бы они ни были по языку: русские, чуваша, черемисы (марийцы. — Г.А.) и проч. Тот, кто не читает газет и журналов или не понимает их на русском языке, живет как бы в темном лесу, дальше своего носа ничего не видит и не понимает. Положение таких людей самое жалкое и потому в благоустроенном государстве нежелательное, даже нетерпимое, потому что приведет их в конце концов к погибели»²¹. Филимонов просил депутата помочь издавать на чувашском языке газету «Сельский вестник», которая выпускалась при финансовой поддержке Министерства внутренних дел.

Летом 1906 г. в Туарминском приходе был неурожай хлебов и кормовых трав. В конце сентября начала проявляться нужда в хлебе. В октябре к Филимонову ежедневно целыми толпами являлись голодные и просили хлеба. О голоде он сообщил С.В.Чичериной, хорошо зная, что та не оставит его просьбу без внимания. 22 января 1907 г. она предложила Д.Ф.Филимонову обратиться с просьбой о помощи к Е.П.Васильчиковой, с которой он лично не был знаком. Филимонов послал письмо Е.П.Васильчиковой²². От нее 13 марта он получил по почте 500 рублей на помощь голодающим. После этого собрание приходских попечителей решило: с 20 марта открыть в 3 селениях прихода 7 столовых на 270 человек, в том числе в Туарме, 20 беднейшим жителям деревни Ба-

ландаево выдавать муки по 45 фунтов в месяц²³.

Во время русско-японской войны 1904—1905 гг. Д.Ф.Филимонов организовал сбор пожертвований на нужды военного времени. Например, с февраля по 4 мая 1904 г. от церкви и причта села Туарма поступило 15 рублей, а от прихожан 41 рубль 68 коп. и вещами: 105 аршин холста, 3 рубахи, 1 пара чулок, 1 пара перчаток и 5 фунтов ниток. За богослужениями в церкви было собрано в мае 1904 г. 10 рублей 15 коп., в июне 2 рубля 53 коп., в марте 1905 г. 2 рубля 73 коп.²⁴

14 октября 1907 г. и в 1912 г. Филимонов в качестве выборщика от землевладельцев Бугульминского уезда принимал участие в губернском избирательном собрании по выбору членов в Государственную Думу 3 и 4 созывов.

В сентябре 1914 г. он перевел на чувашский язык воззвание Самарского епархиального комитета об оказании помощи больным и раненым воинам и семьям лиц, призванных на войну. Д.Ф.Филимонов просил епископа Михаила напечатать это воззвание в количестве 3000 экземпляров для распространения среди чувашей Самарской епархии, но получил отказ²⁵.

В церквях своего, третьего, округа Д.Ф.Филимонов наладил продажу брошюр о войне на чувашском языке. 25 декабря 1914 г. он сообщил Н.В.Никольскому: «Присланная Вами брошюрка «Война с Австрией, Германией и Турцией» читается чувашами нарасхват. Спрос на нее громадный. 12 экземпляров распродал в 1 час. Говорят, будто на другой день продавали эту брошюру уже по 15 коп. Язык книжки очень хороший, но еще лучше то, что при ней имеется хорошая карта.

Нынешняя война весьма популярна среди чуваш, которые крайне интересуются положением дела на войне. В Японскую войну такого сильного подъема духа в народе не замечалось»²⁶.

СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ

Д.Ф.Филимонов вступил в брак в 1877 г. с 17-летней Марией Федоровной Волковой. Известна лишь дата ее рождения — 1 января 1860 г. Где она родилась и выросла, кто были ее родители — неизвестно.

29 марта 1892 г. Д.Ф.Филимонов писал родственнику: «До замужества моя жена чуваш не видала, а теперь в чувашском языке не уступит и природной чувашке. В сентябре 1891 г. ее определил учительницей в Мусирминскую братскую женскую школу с жалованьем 80 р. в год»¹.

У Филимоновых родилось 14 детей, из них в младенчестве умерло 5. Родители воспитали 4 сыновей и 5 дочерей.

Старший сын Александр родился 25 декабря 1878 г. в Симбирске. В 1888 г. поступил в подготовительный класс Чебоксарского духовного училища. В 1891 г. туда же был принят и Федор, родившийся в 1881 г. 13 сентября 1893 г. Д.Ф.Филимонов сообщил И.Я.Яковлеву: «Саша и Федор успехи оказывают посредственные. Саша очень способный, но испортился до такой степени, что стал едва терпим в училище; кроме горя от него мы ничего не видим»².

По окончании курса в 3 классе Александр был уволен из училища согласно прошению отца от 8 августа 1894 г. В сентябре следующего года он сдал экзамены экстерном в Казанской инородческой учительской семинарии, а свидетельство на звание учителя чувашской начальной школы получил 9 января 1897 г. по исполнении 18 лет. 31 января 1897 г. Д.Ф.Филимонов писал родственнику: «Старший сын дошел до 4 курса духовного училища и бросил учиться. Я расстратил на него большие деньги, чтобы дать ему образование. Теперь он состоит, 18 лет, учителем в моем приходе»³.

В октябре 1898 г. Александр работал учителем в Новолебежайской школе Хвалынского уезда Саратовской губернии. Здесь служил недолго. Через некоторое время он оказался на должности учителя в Михайловском земском училище Белебеевского уезда, однако и там задержался ненадолго. 22 октября 1904 г. Д.Ф.Филимонов сообщил И.Я.Яковлеву: «У меня опять горе в семье. Сашу... уволили от должности за то, что предавался винопитию. Этот крест для меня очень тяжелый»⁴.

После двухлетнего пребывания без должности Александр поступил в псаломщики в селе Мартыново Бугульминского уезда. 22 января 1907 г. Д.Ф.Филимонов писал И.Я.Яковлеву, что Саша причиняет ему «очень много горя и душевных мук»⁵. До какого года прослужил он здесь — неизвестно.

19 апреля 1921 г. И.Я.Яковлев сообщил Д.Ф.Филимонову: «Вчера я получил от Сашы из Бугуруслана письмо: он, оказывается, служит бухгалтером в уездном отделе народного образования»⁶.

В декабре 1922 г. Д.Ф.Филимонов сделал запись: «У старшего сына развилась привычка к пьянству; он не стал учиться, хотя способности у него были очень хорошие, и стал он настоящим алкоголиком»⁷.

31 мая 1923 г. дочь Лидия известила отца: «Получили от Вас письмо, где Вы писали, что есть слухи: умер Саша. Если да, то очень жаль бедняжку. Где-то в чужбине лежит его прах, всеми заброшенный и забытый».

Второй сын Филимоновых Федор учился в Чебоксарском духовном училище 7 лет, но окончить полный курс ему не пришлось. Вследствие слабого здоровья и болезни уха он нередко прерывал учебные занятия и в приготовительном, и в первом классах. Летом 1896 г. Федор должен был перейти из второго класса в третий по испытанию его по греческому, латинскому, русскому языкам и по пению. Но держать экзамен он отказался, боясь, что не выдержит его. Училищное правление, руководствуясь тем, что возраст Федора при окончании училища будет превышать предельную норму (18 лет), нашло невозможным оставлять его во 2 классе на повторный курс и постановило уволить его как великовозрастного. Д.Ф.Филимонов обратился с прошением к архиепископу Казанскому Владимиру, в котором просил оставить сына во втором классе на повторный курс и дать ему возможность закончить полный курс училища. Но просьба его не была удовлетворена⁸. Федор стал работать учителем в Ырашпультской школе Козьмодемьянского уезда, открытой отцом. 17 декабря 1898 г. он подал прошение Казанскому архиепископу Антонию: просился на место псаломщика в селе Анат-Киняры Козьмодемьянского уезда⁹. Неизвестно, была ли удовлетворена эта просьба. Через несколько лет Федор оказался в Петербурге, где отслужил военную службу, затем стал работать бухгалтером в правлении Юго-Восточной железной дороги. 22 января 1907 г. Д.Ф.Филимонов сообщил И.Я.Яковлеву: «Федя служил в Санкт-Петербурге, но в апреле лишился места по политическим убеждениям. С сентября месяца живет у меня, на днях думает выехать в Санкт-

Петербург. Федя думает жениться, но не на русской, а на чувашке, только не находит соответствующей невесты достаточно образованной и развитой»¹⁰.

Из писем Федора, хранящихся в Чувашском национальном музее, удалось узнать, что после возвращения в столицу он женился. Ему пришлось принять участие в первой мировой войне. В течение нескольких лет у него болели глаза, стало ухудшаться зрение. 2 октября 1922 г. Лидия писала отцу: «На днях получили от Феди письмо, который пишет, что лишился зрения, т.е. окончательно ослеп. Как он пишет, живет исключительно на пенсии — это мало».

По предположению Бориса Алексеевича Васильева, внука Д.Ф.Филимонова, Федор скончался в г. Ленинграде незадолго до начала Великой Отечественной войны, а его жена умерла во время блокады. Детей у них не было.

Третий сын Филимоновых Леонид родился 1 октября 1885 г. Первоначально учился в Ишакском двухклассном училище, затем поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу и закончил ее в 1905 г. За неимением учительского места попал в псаломщики в село Девлизеркино Бугульминского уезда. С 1906 г. Леонид работал учителем в Кичуйском земском училище. По совету отца подал Самарскому владыке прошение принять его в 4 класс Самарской духовной семинарии на счет епархиального миссионерского комитета. Просьба осталась неудовлетворенной. Леонид сменил место работы: оказался в Нижнекармальском земском училище Бугульминского уезда. Отсюда 22 августа 1909 г. он обратился в Уфимскую духовную семинарию с просьбой принять в 5 класс без экзамена ввиду того, что не имел возможности подготовиться. Ректор семинарии дал ответ, что прием в 5 класс учителям-инородцам произведен, в 5 класс без экзамена никто из учителей не принимается¹¹.

В архиве сохранился черновик прошения Леонида (1909 г.) на имя архиепископа Томского и Барнаульского Макария, в котором он просил рукоположить себя в священнический сан с определением на освободившееся место¹².

В декабре 1920 г. Д.Ф.Филимонов писал о Леониде: «3-й сын тоже стал проявлять склонность к употреблению спиртных напитков»¹³. Женился Леонид 2 мая 1921 г. в селе Елани Бугурусланского уезда на учительнице начальной школы.

О его дальнейшей жизни сведений в бумагах Д.Ф.Филимонова обнаружить не удалось.

О четвертом сыне Филимоновых Геннадии сведений в архиве очень мало, они относятся к его послереволюционной биографии. Он родился 27 июня 1898 г. В ноябре 1921 г. его за преступление по должности заключили в Ачинскую тюрьму Енисейской губернии. Скоро он был переведен в больницу при тюрьме. Отсюда 9 февраля 1922 г. написал отцу: «Вчера от Вас получил письмо. Сижу я в тюрьме четвертый месяц и все время лежу в больнице: болею болезнью, от которой лечился в Самаре раньше». 6 марта вновь писал: «Сегодня меня выписали из больницы. Голодаю. Нет сил таскать ног»¹⁴.

30 марта Геннадий обратился с заявлением к начальнику Ачинской тюрьмы, в котором просил его от своего имени попросить отца о присылке денег на питание и лечение, трех пар белья, брюк, сапог, теплого пиджака и чулок. 10 апреля делопроизводитель тюрьмы послал это заявление Д.Ф.Филимонову с припиской: «Просил бы удовлетворить его просьбу. Он находится в больнице при месте заключения и нуждается в посторонней помощи на пропитание»¹⁵.

Дальнейшая судьба Леонида неизвестна.

И.Я.Яковлев, хорошо знавший про семейную жизнь Д.Ф.Филимонова, оставил следующую запись: «У него три сына оказались никуда негодными. Вообще к детям Филимонова не перешли по наследству выдающиеся его способности, ум и нравственные качества их отца»¹⁶.

Дочери Д.Ф.Филимонова Любовь (родилась 5 сентября 1882 г.) и Людмила (родилась 27 июня 1884 г.) после окончания Цивильской монастырской школы обучались в Казанском епархиальном училище. В августе 1901 г. Любовь вышла замуж за чуваша И.Я.Яковлева, уроженца села Убеи Буинского уезда Симбирской губернии, выпускника Симбирской чувашской учительской школы (1899 г.). В 1902 г. он поступил в Симбирскую духовную семинарию и окончил ее через три года, затем долгое время служил священником в селе Старая Малыкла Ставропольского уезда Самарской губернии. Яковлевы воспитали дочь Валентину и сына Виктора. Валентина стала заслуженной учительницей Украинской ССР, жила в Киеве. Ее брат Виктор жил в Москве с

матерью, куда они переехали после того, как И.Я.Яковлев был репрессирован в 1930-е годы. Виктор покончил жизнь самоубийством. И он, и его мать похоронены в Москве на Пятницком кладбище.

Вторую дочь Людмилу по желанию матери взяли из епархиального училища после окончания 4 класса и она учительствовала в селе Пролейка, получая жалованье по 18 рублей в месяц. В 1906 г. вышла замуж за чуваша А.К.Константинова, уроженца деревни Ердово Чебоксарского уезда. А.Константинов в 1896 г., проучившись 5 лет в Симбирской чувашской учительской школе, уволился из 3 класса (оставалось проучиться один год), сдал экзамены экстерном в Казанской инородческой учительской семинарии и удостоился звания учителя чувашского начального училища. Работал учителем в Стародувановском училище Буинского уезда Симбирской губернии. 16 сентября 1897 г. был принят в Самарскую епархию и допущен к исполнению дел псаломщика церкви села Ибряйкино Бугурусланского уезда. 30 января 1903 г. рукоположен в священника в село Петровское Бугульминского уезда. С марта 1910 г. служил священником в селе Новый Кувак этого же уезда. В 1920-е годы переехал в Сосновку напротив города Чебоксар. В апреле 1939 г. судебной коллегией Верховного суда Чувашской АССР был осужден по статье 58 пункт 10 на 8 лет. Скончался в январе 1942 г. в Алатырской колонии № 1.

А.К.Константинов и жена воспитали троих детей. Сын Николай погиб в Великой Отечественной войне. Младший сын прожил зрелые годы в городе Серпухове Московской области. Их мать похоронена в Чебоксарах.

Третья дочь Лидия родилась 15 июня 1888 г., училась в Ишакском двухклассном училище и в Бугульминской женской гимназии. В 1906 г. закончила Самарское епархиальное училище (5 классов) и стала жить с родителями. С августа 1908 г. работала учительницей в Туарминской церковноприходской школе. В отчете Самарского епархиального комитета за 1912 г. она была отмечена «за энергичную, одушевленную и умелую деятельность»¹⁷. 22 апреля 1912 г. вступила в брак с провизором И.Ф.Кувалдиным. Они вырастили сыновей Бориса и Владимира. Борис после окончания Ленинградского лесотехнического института был оставлен в аспиран-

туре и незадолго перед Великой Отечественной войной защитил кандидатскую диссертацию. Принимал участие в войне. После войны работал проректором Красноярского лесотехнического института. Затем занимал должность начальника управления кадров Министерства лесной промышленности СССР. Защитил докторскую диссертацию и работал заведующим кафедрой Московского лесотехнического института в Мытищах. И он, и его мать похоронены в Москве на Пятницком кладбище.

Младшие дочери Филимоновых Антонина (родилась 2 июня 1891 г.) и Серафима (родилась 13 октября 1893 г.) учились сперва в Пролейской школе грамоты, затем в Бугульминской женской гимназии. Антонина окончила ее в 1913 г. и была назначена учительницей в Баландаевскую церковно-приходскую школу Бугульминского уезда. В сентябре 1914 г. она поступила в Казанскую вторую зубоврачебную школу, учрежденную врачом А.О.Рясенцевым, и закончила ее в январе 1917 г. Ей было выдано свидетельство для представления в испытательную комиссию при университете или Петроградской военно-медицинской академии для получения звания зубного врача. В августе 1917 г. она вышла замуж за учителя А.И.Васильева — уроженца чувашской деревни Емелькино Бугульминского уезда. Антонина Даниловна всю жизнь проработала зубным врачом в Чебоксарах в поликлинике на улице К.Иванова и умерла в 1966 г.

Младшая дочь Филимоновых Серафима в 1903—1912 гг. обучалась в Бугульминской женской гимназии, была удостоена звания учительницы начального училища. После окончания гимназии поступила в 8 дополнительный класс для специального изучения русского языка и приобрела звание домашней учительницы. Один год поработала в Туарминской церковноприходской школе. В 1914—1918 гг. состояла слушательницей отделения историко-общественных наук Казанских высших женских курсов. По объективным причинам, из-за гражданской войны, не смогла сдать экзамены по трем предметам и не получила аттестата. В мае 1918 г. Серафима вышла замуж в Казани за поручика Альпинского. Через несколько лет после смерти мужа она вторично вышла замуж. Детей у нее не было. Длительное время преподавала русский язык в военном училище МВД в г.Орджоникидзе. В звании

капитана вышла в отставку. Последние годы жила в Москве. Урна с ее прахом захоронена в одной могиле с сестрой Лидией.

На содержание большой семьи, на воспитание и образование детей требовалось немало денег. «Временами приходилось переживать большое затруднение в средствах на предметы самой первой необходимости», — вспоминал Д.Ф.Филимонов.

В 1916 г. жена Д.Ф.Филимонова ушла от него. Причина разлада была банальная. Уезжая накануне масленицы по делам службы, Д.Ф.Филимонов оставил дома в запертом ящике письменного стола около 1000 рублей. По возвращении, когда настало время отсылать деньги по назначению, Д.Ф.Филимонов обнаружил в ящике всего 150 руб. Жена заявила, что деньги она взяла на свои нужды, а ящик отперла подобранным ключом. Возник скандал. Деньги она возратить отказалась. На просьбу мужа не срамить его и семью она сказала, что уходит жить в свою келью. Она забрала с собой все лучшее: золотые и серебряные вещи, столовое серебро, ковры, посуду, увела корову. Д.Ф.Филимонов писал: «Я давал ей продукты и денег по 15 рублей в месяц на личные расходы. Но она недовольна была этим, частенько являлась ко мне с бранью и требованием денег»¹⁸.

Д.Ф.Филимонов остался жить дома только с сыном Геннадием, да держал работника с работницей.

11 мая 1916 г. в самарской газете «Волжский день» была напечатана корреспонденция следующего содержания: «Недавно благочинный чувашского края о. Ф. не поладил со своей матушкой и последняя принуждена была поселиться в селе на отдельной квартире. Что ее заставило уйти из дома неизвестно — известно только, что перед уходом она выбила все окна у местной учительницы»¹⁹. Д.Ф.Филимонов заметил в воспоминаниях, что «все село знает, что ничего подобного не было»²⁰.

Вскоре его жена заболела скоротечной горловой чахоткой. 7 недель она пролежала в постели в своей келье, а за неделю до смерти вернулась домой. «В это время, — писал Д.Ф.Филимонов, — характер ее и отношения ко мне изменились до неузнаваемости: стала она очень добрая, со всеми

ласковая; она откровенно созналась, что напрасно сердилась и обижала меня, несколько раз просила прощения»²¹.

Умерла М.Ф.Волкова 4 апреля 1917 г.

В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Февральская революция 1917 г. всколыхнула и народы Поволжья. Как и в других местах, среди чувашей злободневный характер принял национальный вопрос. Во многих районах компактного проживания чувашей начали возникать чувашские национальные комитеты, организации, общества.

23 апреля в г.Бугульме состоялось организационное собрание чувашских священников, учителей и офицеров, проживавших в городе и уезде. Присутствовали 35 человек. Председателем собрания был избран Д.Ф.Филимонов. Собрание решило открыть в Бугульме отделение Симбирского чувашского национального общества (ЧНО)¹.

20—28 июня в Симбирске проходил съезд ЧНО. Председателем церковной секции съезда был Д.Ф.Филимонов. Секция заседала 21 и 23 июня. Филимонов выступил с докладом. Он заявил: «Настоящий съезд составляет великое радостное событие в жизни чуваш, такого большого радостного события в нашей жизни никогда не было. Наконец-то мы дожили до того, что имеем полную возможность объединиться, открыто высказываться о своих нуждах, судить о совершающихся событиях и заботиться об устройстве нашей жизни... При монархической власти нам нельзя было говорить правды, мы должны были молчать». Далее Филимонов говорил о положении православной церкви и христианско-просветительного дела среди чувашей, призвал готовить для службы в чувашских приходах священников, диаконов, псаломщиков и учителей начальных школ из чувашей. «При неудачных и неподготовленных исполнителях самые лучшие мероприятия остаются безрезультатными», — предупреждал он. Отличительными чертами чувашских деятелей православия, полагал Филимонов, должны быть «безукоризненность в намерениях и жизни, трезвое поведение, любовь к правде божьей и общечеловеческой справедливости, энергия и неутомимая разумная деятельность на пользу церкви Христовой

и на дело своих единомышленников... и только такими тружениками может быть обеспечен успех христианского дела среди наших чуваш»².

Секция приняла решение: в местностях с преобладающим чувашским населением необходимо иметь самостоятельных епископов из чувашей; в тех же епархиях, где чуваша живут разбросанно в разных уездах, но численностью не менее 50000 человек, иметь викарных епископов из чувашей; в тех же епархиях, где чувашей менее 50000 человек, при епархиальном управлении должны быть особые представители от духовенства и мирян из чувашей³.

В начале августа 1917 г. в Казани был проведен II съезд нерусских народностей Поволжья. На нем принимается решение провести делегата от чувашского православного духовенства во Всероссийский поместный собор православной церкви. В его задачу входило добиться на соборе официального учреждения самостоятельных чувашских епископских кафедр. Съезд утвердил кандидатами в чувашские епископы протоиерея К.П.Прокопьева (в Цивильскую епархию) и протоиерея Д.Ф.Филимонова (в Ядринскую епархию)⁴.

28—29 сентября того же года Д.Ф.Филимонов принял участие в работе Общечувашского съезда в Казани⁵. На второй день на съезде была заслушана жалоба группы учащихся Симбирской чувашской учительской школы на инспектора И.Я.Яковлева. 17 декабря Филимонов получил от Яковлева письмо, в котором говорилось: «Прошу Вас сообщить, как это все происходило и Ваше мнение об этом заявлении. В работе съезда до конца его участвовал прапорщик Андрей Поликарпов (бывший воспитанник школы*), проживающий в настоящее время в г.Бугульме. а потому очень было бы желательно, чтобы Вы свиделись с ним, расспросили его подробно: в какое время и как все это происходило. обстоятельным сообщением по настоящему делу Вы меня, Д.Ф., весьма бы много обязали»⁶.

Д.Ф.Филимонов в ответ на это письмо написал: «Мне говорили, что приехали из Симбирска делегаты от воспитанников Чувашской учительской школы с жалобой на Вас, даже

* Родом из села Девализеркино Бугульминского уезда. Окончил Симбирскую чувашскую учительскую школу в 1901 г.

указали на двоих молодых юношей, как на делегированных воспитанников школы. На съезде я до конца не участвовал и уехал из Казани 29 числа в 3 часа пополудни. Перед отъездом я в частной беседе говорил с некоторыми влиятельными лицами, что делегация от воспитанников Чувашской школы с жалобой на своего инспектора есть явление позорное для чуваш и что это дело должно быть оставлено без рассмотрения и без последствия. Кажется, Г.Ф.Алюнов (теперь хорошо не помню) сказал, что неудобно обсуждать это дело на съезде, его следует отклонить. Но оказалось, что съезд все-таки принял его на свое рассмотрение.

По моему мнению, чувашский съезд не имел ни нравственного, ни юридического права принять заявление воспитанников Симбирской чувашской школы и вынести по нему какое-либо заключение; потому, что оно подано несовершеннолетними детьми, не имеющими никакого права так смело и решительно критиковать своего воспитателя и руководствующимися в своих поступках не разумом, а исключительно чувством и ложным настроением и непременно под влиянием какого-либо постороннего хитрого человека»⁷.

Филимонов прислал Яковлеву «Мнение протоиерея Даниила Филимонова по поводу доклада делегатов от воспитанников Симбирской чувашской школы»⁸. В нем он отметил, что принятие этого доклада на рассмотрение съезда ЧНО и последовавшее по нему постановление находит неправильным, потому что Казанский чувашский съезд был созван только по делам о выборах в Учредительное собрание, но не для разбора разных жалоб на педагогических деятелей среди чувашей и потому, что на съезде не было представителей от многих чувашских уездов и губерний.

Д.Ф.Филимонов обвинение И.Я.Яковлева находил неосновательным и несправедливым. «Я знаю И.Я.Яковлева с 1872 г., когда он еще учился в Казанском университете, — писал он. — Под его руководством в школе я учительствовал и занимался переводческим делом 7 лет. Характер его и строгое, требовательное отношение к ученикам и учителям школы мне достаточно известны. Мне и моим товарищам тоже казалось тяжело служить под ведением И.Я.Яковлева.

Но впоследствии, когда я вышел на другую, самостоятельную дорогу, осознал, что И.Я.Яковлев поступал правильно.

Молодые (еще не созревшие) юноши, которые вздумали жаловаться на своего инспектора и требовать замены его другим лицом, впоследствии, когда придут в совершенный возраст и поглубже узнают жизнь и людей, сами покаются в своих поступках и скажут себе, что они сами написали в своем докладе большую глупость»⁹.

Голословные обвинения учащихся в адрес своего воспитателя Д.Ф.Филимонов опроверг аргументированно и убедительно. Вот отдельные выдержки:

«Во всех странах и у всех народов выдающиеся народные деятели пользуются особенным уважением и любовью своих единоплеменников и потомства, а мы, чуваши, к единственному пока своему заслуженному народному деятелю проявляем какую-то злобу и человеконенавистничество».

«Иван Яковлевич свою жизнь терпел массу всевозможных притеснений и огорчений со стороны ненавистников просвещения чуваш (особенно со стороны учебного округа за последние 20 лет); этого оказалось мало, теперь начали терзать его еще свои ближние — чуваши, для просвещения которых он так много трудился, не жалея своих сил».

«Строгие меры г. Яковлева по отношению к некоторым нравственно испорченным учащимся объясняются, по моему мнению, не злым характером, а искренним горячим желанием его во что бы то ни стало исправить их. Многие бывшие воспитанники Симбирской чувашской школы с глубоким чувством благодарности вспоминают Ивана Яковлевича за то, что он строго воспитывал их в школе».

«По его словам, он следил за ними с целью, чтобы они, уклонившись на дурное, не срамили школу и чести чувашской нации».

Завершая защиту И.Я.Яковлева, Д.Ф.Филимонов делает вывод: «Инспектор Яковлев на продолжительном служении чувашскому народу проявил громадную творческую энергию. Основание и развитие Симбирской чувашской школы почти из ничего при самых неблагоприятных условиях прошлого времени, многозначительные труды И.Я.Яковлева по переводческому и издательскому делу на чувашском языке, выпуск около 1000 молодых педагогически образованных

юношей и девиц для общественного служения среди чувашского народа — все это в своей совокупности составляет целое событие в истории умственного развития чувашской народности. Если у него и есть некоторые недостатки в характере, то они покрываются теми добрыми делами, которые он совершил на благо чувашского народа. Мы еще не знаем, сделает ли кто-либо из теперешних молодых образованных чуваш столько, сколько делал Иван Яковлевич»¹⁰.

10—14 мая 1918 г. в Казани проходил съезд чувашских учителей. Д.Ф.Филимонов выступил на съезде с докладом «Закон Божий как предмет преподавания в начальной школе»¹¹.

21 июня он обратился с заявлением в Туарминский сельский совет, в котором просил на основании закона о социализации земли наделить себя всеми видами земельного угодия: пахотными, луговыми, лесными на одну душу наравне с другими гражданами. Ему единогласно было отказано в выдаче под пар земли¹².

В июле Д.Ф.Филимонов пожаловался в благочинный совет 3 округа Бугульминского уезда на исполняющего дела псаломщика села Туарма М.И.Архипова. В заявлении он указал, что Архипов всеми мерами старается уронить его священнический и благочиннический авторитет в приходе и благочинническом округе, для подтверждения сказанного привел несколько фактов. Филимонов просил благочиннический совет предложить псаломщику добровольно оставить занимаемую должность¹³.

19 сентября 1918 г. Д.Ф.Филимонов с дочерью Серафимой и ее мужем поручиком выехал в Уфимскую губернию к брату Илье Филимоновичу, проживавшему в деревне Новая Покровка Стерлитамакского уезда. Дома оставил прислугу, сказав, что через 2 или 3 недели вернется домой. В Уфу приехали 25 сентября. Там Филимонов встретился с секретарем Комуча (Комитета учредительного собрания в Самаре) С.Н.Николаевым, помощником особоуполномоченного Комуча по Казанской губернии Г.Ф.Алюновым. Два дня искал попутчика, чтобы проехать к брату 50 верст от Уфы, но не нашел. На третий день в газетах было сообщено, что красные дошли до Бугульмы и что под городом идут бои. Д.Ф.Филимонов писал: «Мне очень хотелось вернуться домой, но путь был прерван. Чехи не давали мне пропуска на обрат-

ный путь»¹⁴. Его зятя мобилизовали в народную (в белую. — Г.А.) армию. Дочь стала просить отца, чтобы он не бросал ее. 5 октября Филимонов с дочерью выехали в Сибирь через Екатеринбург на Омск и Новониколаевск (ныне Новосибирск). Ехали 12 дней. 17 октября приехали в Бийск. В уездной земской управе в школьном совете они нашли В.Д.Дмитриева, окончившего в 1905 г. Симбирскую чувашскую учительскую школу, состоявшего помощником делопроизводителя. При его содействии Д.Ф.Филимонов получил должность учителя в селе Карабинко в 90 верстах, а дочь в 13 верстах от города. Но Филимонов отказался ехать к месту назначения: стояли сильные морозы, а у него не было теплой одежды.

Через неделю Д.Ф.Филимонов нашел законоучительскую должность в городе Бийске с окладом 75 рублей в месяц. В то же время Серафиму назначили в Михайловское приходское училище в городе Бийске с окладом 230 рублей в месяц. До этого они жили на дачах под Бийском. Теперь нашли комнату в городе за 60 рублей в месяц с хозяйскими дровами. Но квартира оказалась очень холодной. В декабре и январе морозы доходили до 47⁰, по ночам в комнате замерзала вода. Получаемого Д.Ф.Филимоновым и Серафимой жалованья около 350 рублей не хватало им на содержание, приходилось тратить из тех денег, какие были взяты из дома.

Около 15 декабря прибыл к Филимонову с фронта сын Геннадий, который был контужен и лечился в Бийском госпитале. Жизнь в городе становилась все дороже. 24 декабря Филимонов уехал служить священником в село Топтошку в 120 верстах от Бийска. Вместе с ним выехали Серафима и Геннадий. В селе было более 300 домов, в том числе чувашских 40. В числе последних оказались переселенцы из сел Туарма, Четырла, Старое Серезкино и других. Жители, особенно чуваша, встретили Д.Ф.Филимонова сочувственно: обеспечили его мукой, маслом, мясом, яйцами и прочими съестными припасами. Жили Филимоновы в священническом доме.

27 марта Серафима родила мальчика, который через 4 месяца помер. 9 мая к ней приехал муж с фронта.

20 июня к Филимоновым приехали погостить Людмила с мужем и детьми.

В ноябре 1919 г. Д.Ф.Филимонов вернулся в Бийск. А 19 февраля следующего года его арестовали и посадили в тюрьму по доносу нескольких бывших его прихожан: отсидел 4 месяца и 11 дней. Серафима с Людмилой приносили ему еду и белье.

Обвинение Д.Ф.Филимонова в агитации по расследовании на месте в селе Топтушка ни в одном пункте не подтвердилось. К нему на свидание приезжал сын Леонид из села Коровино Бугурусланского уезда. 17 июня он виделся с отцом и, вернувшись домой, написал Н.В.Никольскому об отце в Казань: «Он сильно осунулся, постарел, нервно расстроился и просил меня сообщить Вам и Ашмарину для того, чтобы Вы со своей стороны оказали ему все, что возможно, а также поддержку в материальном отношении... Когда я уезжал от него, он плакал как маленькое дитя и бредил только о Вас, Ашмарине и других старых знакомых»¹⁵.

Бийская уездная ЧК постановила освободить Д.Ф.Филимонова из тюремного заключения и передать начальнику милиции для отправки на место жительства в Казанскую губернию. Направили его в Казань не этапным порядком, а как частного человека — одного без караула. 20 июня 1920 г. он прибыл в Казань на поезде. Милиция велела ему выехать в Чистополь, но пришлось задержаться на 3 дня: не выдавали пропуск. Об этом Д.Ф.Филимонов рассказал Н.В.Никольскому, тот выдал командировочное удостоверение от Общества археологии, истории и этнографии при университете. По этому документу ему выдали пропуск без всякой задержки. Из трех ночей две Филимонов провел у Никольского. Виделся с профессором М.А.Машановым.

23 июня Д.Ф.Филимонов выехал на пароходе в Чистополь. Вместе с ним ехали Н.В.Никольский и Н.И.Ашмарин с сыном для участия в качестве лекторов на чувашских учительских курсах в селе Сунчелеево. В Чистополе Филимонов остановился у зятя И.Ф.Кувалдина, содержавшего здесь аптеку. Пробыв у него 3 дня, он уехал в деревню Киреметь 30 дубов, где жил у дочери Лидии. Отсюда 22 июля Д.Ф.Филимонов послал прошение митрополиту Казанскому и Свияжскому Кириллу о приеме его в Казанскую епархию на свободное священническое место в селе Малые Кибечи Цивильского уезда¹⁶.

В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

18 августа 1920 г. Д.Ф.Филимонов вернулся в Туарму. Его имущество и хозяйство было полностью разорено. Должность священника занята. 31 октября Филимонов уехал в деревню Старое Афонькино (к этому времени входила в состав Бугурусланского уезда) и занял должность диакона в местной церкви. В конце ноября тут был открыт самостоятельный приход и Филимонов стал священником.

27 ноября он сообщил Н.В.Никольскому, что закончил работу по переводу его книги «Конспект по истории музыки народностей Поволжья» (Казань, 1920) на чувашский язык, прибавив от себя описание чувашского сарная с рисунком. «Мою библиотеку, — писал он, — в которой много было разных словарей (иностранных, татарских, русско-чувашских и т.п.) и других пособий по части переводческих работ, совершенно расхитили. Ничего так глубоко не жалею, как свою библиотеку, которая по востоковедению почти равнялась библиотеке А.С.Иванова в Бугульме. Я составлял ее в течение 45 лет. Вообще, когда я прибыл в Туарму и посмотрел на свое жилище, был крайне возмущен тем, что у меня все отнято и расхищено; даже фруктовый сад и тот уничтожен. Я теперь остался в полном смысле нищим.

Живу на частной квартире в крестьянской семье. У хозяина 5 человек маленьких ребят, которые постоянно шалят и не дают покоя»¹.

Здесь, в селе Старое Афонькино, в декабре 1920 г. Д.Ф.Филимонов написал свою биографию. В конце рукописи он заметил: «Автобиографию я изложил так, как в моей голове толпились мысли, без всякой обдуманности. Когда я закончил ее, сожалел, что написал по-русски, она гораздо лучше и интереснее вышла бы на чувашском языке»².

В октябре 1921 г. Д.Ф.Филимонов получил письмо от И.Я.Яковлева, в котором тот писал: «Я очень радуюсь, что Вы имеете успех среди афонькинцев. Говорят, что Вы прислали свои воспоминания Ашмарину Н.И., я их прочитаю»³. Скоро Яковлев сообщил: «Я прочитал Вашу автобиографию. По поводу ее я хочу Вам сказать два, три слова: очень хорошо

было бы, если Вы эту автобиографию написали по-чувашски и отделили бы как можно лучше, т.е. живым, удобопонятным языком. Это первое требование.

Второе требование: говоря о Марье Федоровне, о Вашей покойной супруге, по моему глубокому убеждению, никак не следует касаться этой точки зрения. Это глубоко обидно для Ваших детей, и для посторонних Вы можете дать повод к разным смелым рассуждениям или предположениям. Поэтому я советую все касающееся таким образом Марьи Федоровны просто выбросить»⁴.

В сентябре 1922 г. Д.Ф.Филимонов болел малярией. Сын Федор писал ему из Петрограда: «Имеются ли соответствующие лекарства в Вашей ближайшей аптеке, если нет, то Вы срочно нам напишите, мы здесь что-нибудь да скомбинируем и вышлем Вам все необходимое»⁵.

В июне 1923 г. Д.Ф.Филимонов, проезжая через Казань, встретился на пристани с протоиереем Цивильского собора В.Т.Красновым* и священником С.М.Михайловым**, сторонниками обновленческой церкви. К этому времени церковникам-обновленцам удалось взять под свой контроль более половины всех церковных приходов в Чувашской автономной области. Чувашские священники обновленческой ориентации добились в Высшем церковном управлении (ВЦУ) образования Чувашского областного церковного управления, во главе которого был поставлен священник В.С.Зайков из села Кошелеи Батыревского уезда, посвященный в связи с этим в сан епископа и нареченный Тимофеем⁶. По словам Д.Ф.Филимонова, В.Т.Краснов и С.М.Михайлов вынудили его дать им согласие на принятие епископского сана⁷.

9 июля 1923 г. бывший учитель Симбирской чувашской учительской школы В.Н.Никифоров, служивший в указанное время священником в селе Вырystайкино Сенгилеевского уезда Симбирской губернии, написал Д.Ф.Филимонову: «Вчера приехал я из села Вырystайкино в Симбирск

* Д.Ф.Филимонов знал его с 1894 г., когда они вместе стали работать в Ипакской двухклассной миссионерской школе Братства св. Гурия.

** Семен Михайлович Михайлов — уроженец деревни Салагаево Цивильского уезда, в 1897 г. окончил Симбирскую духовную семинарию. С 1917 г. служил в Петропавловском соборе г.Казани.

к сыну Николаю и узнал великорадостную новость — об избрании Вас в епископа для Чувашской области. Слава и благодарение господу Богу: наши мечты близки к осуществлению и приближается день всеобщего чувашского торжества во главе со своим родным архипастырем. Теперь я успокоился и от всей души рад, что выбор пал на Вас. На основании некоторых слухов я был сильно растревожен за такой исход дела. Земно кланяюсь Вам и от души присоединяюсь ко всем тем, которые выбирали Вас»⁸.

9 августа сын Д.Ф.Филимонова Федор и его жена написали из Петрограда: «Дорогой наш папа. Получили Ваше письмо и читали его полные гордости, что на Вашу долю падает великая честь быть первым чувашским епископом, да еще по избранию духовенства и народа»⁹.

Осенью 1923 г. г. Филимонов просил Казанского архиепископа Алексия принять его на священническое место в Чувашскую область, но тот ответил, что к нему не поступает сведений из этой области¹⁰.

В декабре того же года Д.Ф.Филимонов получил письмо от Цивильского епископа Тимофея, который предлагал ему перейти на службу в Чувашскую область. Филимонов, по его словам, весьма обрадовался его приглашению, послал ему телеграмму и прошение принять его в Чувашскую епархию с определением на священническое место по его усмотрению. «Жду от него ответа, — сообщил он в январе 1924 г. Никольскому. — Оказывается, что у чуваш есть уже свое епархиальное управление. Слава Богу, что давнишние наши мечты осуществились»¹¹.

Указом Св. Синода (состоявшего из обновленцев) от 19 января 1924 г. протоиерей Д.Ф.Филимонов был назначен Чебоксарским епископом, викарием Чувашской епархии. 29 февраля того же года в Свято-Троицкой церкви города Казани он был хиротонисан в епископа города Чебоксары Казанским архиепископом Алексием в сослужении епископов Цивильского Тимофея и Чистопольского Василия¹².

Местопребывание епископу Даниилу назначалось в Чебоксарском мужском монастыре, но вследствие перехода этого монастыря на сторону патриаршей церкви он обосновался на постоянное жительство в селе Ишаках, где еще

до хиротонии в епископа был зачислен настоятелем церкви.

После посвящения в сан епископа Чебоксарского Д.Ф.Филимонов стал добиваться разрешения организовать в Чебоксарах «Чувашское христианское религиозное общество» с передачей одного из храмов города со всем его культовым имуществом. При этом он ссылался на то, что во всех церквях города священники — русские и богослужения в них проводятся на старославянском языке, совершенно непонятном для чувашей, вследствие чего сотни верующих чувашей лишены возможности удовлетворить в городе свои религиозные чувства¹³.

В Ишаках в 1925—1929 гг. Филимонов перевел на чувашский язык брошюры «Табак сиенё», «Хёрлехен», «Шӓл чирё», «Ҫын ҫинчен суйса ан калаҫ»¹⁴.

15 января 1929 г. Д.Ф.Филимонов был возведен Св. Синодом в сан архиепископа. 16 октября того же года он по слабости здоровья был освобожден согласно прошению от управления Чебоксарским викариатством¹⁵. После этого выехал на родину в деревню Первое Степаново Цивильского района, где состоял настоятелем местной церкви.

12 июля 1932 г. по инициативе местной религиозной общины и с разрешения епархиальной власти в церкви деревни Первое Степаново было проведено празднование 50-летия служения Д.Ф.Филимонова в священническом сане. Церковный староста Т.Кузьмин преподнес ему икону, а член церковного совета Н.Гаврилов зачитал приветственный адрес на чувашском языке. Филимонов обратился к прихожанам с речью, в которой выразил им свою сердечную радость и благодарность за чествование его по случаю 50-летнего юбилея. Около 25 поздравительных телеграмм и писем получил он в тот день¹⁶.

О жизни Д.Ф.Филимонова в родной деревне правнук его брата Василия Н.П.Филимонов — директор Первостепановской общеобразовательной школы — в январе 1998 г. сообщил автору этих строк следующее. Сперва Даниил Филимонович поселился у племянника Афанасия — сына брата Василия, который жил в отцовском доме. У него было тесно, и Д.Ф.Филимонов перебрался жить к дальнему родственнику Василию Ивановичу. Его племянницы Серафима и Зоя помогали Даниилу Филимоновичу убираться по дому,

стирали ему и готовили еду. Д.Ф.Филимонов иногда получал посылки от дочерей и угощал сладостями внучатых племянников. Часто он посещал другого племянника Филиппа Васильевича.

Во время наибольшего гонения на церковнослужителей Д.Ф.Филимонов отправил на автомашине кое-какое имущество (швейную машину, сундук с книгами, сундук с вещами и др.) в село Мусирмы. Все это хранилось там у старосты церкви на чердаке его дома. В течение двух месяцев Д.Ф.Филимонов скрывался днем в банях Василия Ивановича и Филиппа Васильевича. Ночью он заходил в избу и ужинал со всеми вместе. Рассказывал о многом. Говорил, что придет время и их (по-видимому, священников невинно пострадавших. — Г.А.) вспомнят. Призывал непременно учиться, говоря, что в будущем только образованные люди хорошо будут жить.

Умер Д.Ф.Филимонов 11 мая 1938 г. На похороны приезжали дочери Людмила и Антонина. 16 сентября 1999 г. Борис Алексеевич и Николай Борисович Васильевы — внук и правнук Д.Ф.Филимонова, — на его могиле установили мраморный памятник.

Своей деятельностью Д.Ф.Филимонов в немалой степени способствовал пробуждению национального самосознания чувашского народа. Он оставил о себе память как о незаурядной личности. По решению Цивильской районной администрации в мае 1998 г. его имя присвоено школе в деревне Первое Степаново.

ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сотрудник Братства св. Гурия. 1911. № 15—16. С. 244.

² См. подробнее: *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары, 1997.

³ *Васильев А.* Архиепископ и деятель культуры // Советская Чувашия. 1992. 25 декабря; *Александров Г.* «Народ на школу смотрел как на восходящее солнце» // Чăваш ен. 1994. 8 января; *он же.* Переводчики в рясах трудились усердно // Советская Чувашия. 1998. 22 июля; *он же.* «Душа моя постоянно волнуется...» // Чăваш ен. 1998. 15 августа; *он же.* Как чувашские монашки за родной язык стояли // Советская Чувашия. 1999. 2 июля; *он же.* Священник открыл «чертову» дюжину школ // Советская Чувашия—Столица. 1999. 7 июля; *он же.* Просветитель в рясе // Товарищ. 1999. 16 июля; Советская Чувашия. 1999. 24 сентября;

он же. Во имя культурного развития своего рода-племени // Республика. 1999. 23, 30 июля; он же. Сподвижник просветителя // Молодежный курьер. 1999. 29 июля; он же. Слово «чувапин» для меня самое дорогое, милое слово // Республика. 1999. 17, 24 сентября; он же. Родной язык — это и есть дар Божий // Республика. 2001. 11 апреля; Алексеев А. Кам вӓл Даниил Филимонов // Хыпар (Весть). 1995. 28 декабря.

⁴ См.: Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2000. № 1. С. 3—17.

На ниве просвещения

¹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 161. Л. 182 об.

² См. о нем подробнее: Известия по Казанской епархии. Казань, 1906. С. 1441—1448; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 195. Л. 421—431; Александров Г. Со скрипкой в руках, с молитвой на устах // Советская Чувашия. 1999. 9 июня; он же. Первый чувашский священник // Чӓваш ен. 2000. 21 октября; Республика. 2001. 25 апреля; он же. Чӓвашран тухнӓ пӓрремӓш пуп // Хыпар. 2001. 12 июля; он же. Чиркӓре чӓвапила служба ирттернӓ пӓрремӓш пуп // Хыпар. 2000. 11 сентября.

³ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Яковлев Н.Я. Моя жизнь. Воспоминания. М., 1997. С. 595.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 6 об.

⁷ Центральный государственный архив Чувашской Республики (ЦГА ЧР). Ф. 350. Оп. I. Д. 7. Л. 16—17.

⁸ Там же. Л. 14.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 8 об.

¹⁰ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 310—316; Д. 4. Л. 339—346.

¹¹ Там же. Д. 3. Л. 253.

¹² Там же. Д. 1. Л. 152.

¹³ Там же. Д. 2. Л. 368 об.

¹⁴ Там же. Л. 348.

¹⁵ Цит. по ст.: Александров Г. «Народ на школу смотрел как на восходящее солнце» // Чӓваш ен. 1994. 8 января.

¹⁶ См. подробнее об этих школах: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 317—322.

¹⁷ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 2. Л. 365.

¹⁸ Там же. Л. 112.

¹⁹ Там же. Д. 2. Л. 344.

²⁰ Там же. Л. 345.

²¹ Сохранился отчет о состоянии Пролейской церковной школы за 1900/19001 учебный год: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 290—293.

²² НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 247. Инв. № 616. Л. 357.

²³ См. о нем: Александров Г. Просветитель из Бугульмы // Чӓваш ен. 2000. 2 сентября; он же. Просветитель самарских чувашей // Бизнес-Среда. 2001. 8 февраля.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 247. Инв. № 616. Л. 342.

²⁵ Там же. Л. 530.

²⁶ Там же. Л. 624.

²⁶ *Филимонов Д.Ф.* Приход Христорождественской церкви села Туармы Бугульминского уезда Самарской епархии. — В кн.: *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1905. Приложение № 10. С. 73.

²⁷ Там же. С. 74.

²⁸ Рукопись этой статьи сохранилась: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 2. Л. 57—61.

²⁹ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 247. Инв. № 616. Л. 346.

³⁰ Там же. Л. 543, 545—551; ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 166.

³¹ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 247. Инв. № 616. Л. 348.

³² ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 47.

³³ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 1.

³⁴ Там же. Ед. хр. 247. Инв. № 616. Л. 532, 578, 629, 631.

³⁵ Там же. Отд. I. Ед. хр. 161. Д. 3. Л. 3—6.

³⁶ Там же. Ед. хр. 166. Л. 263; Ед. хр. 168. Л. 39—46.

³⁷ См. об этом подробнее: *Александров Г.* «Пятая графа» в царской России // *Чувашия сегодня*. 2000. 30 октября; *он же.* Чувацкий язык в дореволюционной школе // *Халăх пикулĕ* (Народная школа). 2001. № 1. С. 85—90.

³⁸ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 218. Л. 73.

Священник-миссионер

¹ *Филимонов Д.Ф.* К характеристике системы Ильминского. — в кн.: *Чичерина С.В.* Указ. соч. Приложение № 12. С. 90.

² Там же.

³ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 7.

⁴ Известия по Казанской епархии. 1890. № 5. С. 94; НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 247. Инв. № 614. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Известия по Казанской епархии. 1890. № 4. С. 68, 69.

⁷ Там же. С. 69.

⁸ *Филимонов Д.Ф.* Приход Христорождественской церкви села Туармы Бугульминского уезда Самарской епархии. — в кн.: *Чичерина С.В.* Указ. соч. Приложение № 10. С. 73.

⁹ Известия по Казанской епархии. 1890. № 4. С. 70.

¹⁰ Там же. С. 74.

¹¹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 2. Л. 117.

¹² Известия по Казанской епархии. 1890. № 4. С. 73.

¹³ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 187. Л. 97.

¹⁴ Известия по Казанской епархии. 1890. № 5. С. 103.

¹⁵ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 3. Д. 2. Л. 298, 369—378.

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 12.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 7.

¹⁹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 2. Л. 289—297.

²⁰ Там же. Д. 3. Л. 142.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 116.

²³ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 246. Инв. № 608. Л. 154.

Это письмо под названием «Душа моя постоянно волнуется...» опубликовано в газете «Чăваш ен», 1998, 15 августа.

²⁴ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 275.

²⁵ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 454. Л. 92.

²⁶ Там же. Ед. хр. 246. Инв. № 608. Л. 167.

²⁷ Там же. Л. 169.

²⁸ Там же. Ед. хр. 188. Инв. № 454. Л. 92.

²⁹ Там же. Л. 8.

³⁰ Там же. Ед. хр. 246. Инв. № 612. Л. 265.

³¹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 113.

³² НА ЧГИГН. Ед. хр. 247. Инв. № 614. Л. 10.

³³ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 156 об.; Д. 2. Л. 195.

³⁴ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 247. Инв. № 614. Л. 149.

³⁵ Там же. Л. 150.

³⁶ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 157 об.

³⁷ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 247. Инв. № 614. Л. 52.

³⁸ По словам Д.Ф.Филимонова, некоторыми русскими лицами его советы были истолкованы как выражение вражды чувашей к русской нации: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 158.

О столкновении с монахиней Смарагдой Филимонов сообщил С.В.Чичериной, которая напечатала его письмо в своей книге «У приволжских инородцев. Путевые заметки» (СПб., 1905. С. 92—93). Книгу она подарила автору письма. Филимонов написал ей: «Содержание ее и изложение дороже и выше всяких драгоценных камней... Нет конца моим восторгам от Вашей книги. Читая ее, я не спал две ночи напролет» (ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 59).

³⁹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 7.

⁴⁰ Там же. Д. 3. Л. 275.

⁴¹ Там же. Л. 148, 152.

⁴² НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 15.

⁴³ Следует отметить, что преосвященный Гурий стремился поднять культурный уровень «инородцев» епархии. Во главе Самарской кафедры он стоял в 1893—1904 гг. До его поступления на эту должность в Самарской епархии был из чувашей один священник о. Гавриил Перепелкин и один диакон о. Антоний Иванов. Священников из других «инородцев» не было в епархии ни одного. По вступлении своем в управление Самарской епархией (24 октября 1892 г.) Гурий рукоположил в священника первым из чувашей диакона А.Иванова в 1893 г. В 1903 г., в последний год служения его в этой епархии, всех инородческих священников было 69, в том числе из чувашей 56, из татар 5 и из мордвы 8 (См.: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 39).

При епископе Гурии с 1894 г. в положении священников, служивших в инородческих приходах, произошли изменения. На них были возложены миссионерские обязанности. За неимением средств Самарская епархия не могла себе позволить учредить особую внутреннюю миссию с находившимися на жаловании миссионерами, как это было сделано в Казанской епархии, хотя проект о ее создании в свое время разрабатывался. К священникам, служившим в инородческих приходах, предъявлялось требование о знании языка; русские священники, не владевшие инородческими языками, переводились в русские приходы и

заменялись священниками из инородцев. Эта мера положительно сказана на ходе христианизации, усилив влияние клира на паству через непосредственный контакт миссионеров с прихожанами и через богослужения на родном языке.

22—28 августа 1899 г. в г. Самаре был проведен съезд деятелей и руководителей инородческого просвещения. На нем присутствовали представители духовенства и органов народного образования свыше 100 человек от 7 епархий: Пермской, Вятской, Уфимской, Оренбургской, Казанской, Самарской, Пензенской. Открывая съезд, епископ Гурий сказал: «Ильминским создана эпоха основательного, разумного и вполне целесообразного образования и воспитания молодого поколения инородцев» (См.: Самарские епархиальные ведомости (СЕВ). 1899. № 17. С. 741). Он определил задачи просветительской работы среди «инородцев», главная из которых, по его мнению, заключалась «в духовно-просветительском, церковном влиянии на инородцев, которое должно лежать в основе обрусения». В целом, по идее епископа, именно церковь должна была служить основным каналом проведения христианизаторско-просветительской программы. При этом преосвященный подчеркнул особую роль инородческих школ в образовании «инородцев». Съезд определил также приоритетные направления деятельности: расширение сети учебных заведений, повышение образовательного уровня преподавательского состава.

19 января 1900 г. епископ Гурий указал: «До моего сведения доходит, что некоторые из священников-чуваши, после того как я у них в селах побывал и, на основании действительных данных, составил доброе о них мнение и стал удостоивать вниманием и доверием, начали манкировать своими миссионерскими обязанностями и прямо-таки предаваться беспечности и лени... Пусть они всегда помнят, кем они были и кем стали... Я вправе требовать от них самой усердной и постоянной деятельности по просвещению их сородичей, а за небрежность и лень в этом строго взыскивать с них... Именно я буду лишать их за это священнических мест и назначать на псаломнические должности на более или менее продолжительное время... (См.: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 181).

В апреле 1904 г. при отъезде преосвященного Гурия на Симбирскую кафедру инородческие священники, диаконы, псаломщики и учителя — всего 77 человек — преподнесли ему в дар святой образ святого Гурия, Казанского чудотворца, и приветственный адрес, в котором было сказано: «Заботами Вашими во всех инородческих селениях Самарской епархии открыты церковные школы, во многих инородческих селениях построены новые храмы, открыты приходы с причтами. Во всех храмах инородческих приходов ныне совершается христианское богослужение на родном языке инородцев. При Вашем же содействии изданы и распространены среди инородцев сотни тысяч экземпляров книжек и брошюр религиозно-нравственного содержания на местных языках» (См.: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 7).

В январе 1907 г. Д. Ф. Филимонов получил два письма от И. Я. Яковлева сперва о болезни, а затем о смерти (5 января) Симбирского и Сызранского архиепископа Гурия. 22 января он написал Яковлеву: «Смерть владыки Гурия глубоко поразила нас... Мы инородцы в лице покойного

архипастыря потеряли одного из главных покровителей и старателей. В приволжских епархиях нет теперь ни одного такого архиерея, — преданного, искреннего просветителя инородцев и сильного защитника их» (См.: НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 1 об.).

⁴⁴ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 295 об.

⁴⁵ Там же. Д. 4. Л. 114 об.

⁴⁶ Там же. Д. 1. Л. 301 об.

⁴⁷ Там же. Д. 4. Л. 115.

⁴⁸ Там же. Л. 112 об.—113 об.

⁴⁹ Письмо хранится в Чувашском национальном музее.

⁵⁰ СЕВ. 1900. № 18. С. 755—756.

⁵¹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 2. Л. 282—287.

⁵² Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 361. Карт. 28. Д. 36. Л. 19.

⁵³ СЕВ. 1900. № 9. С. 109.

⁵⁴ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 48.

⁵⁵ *Филимонов Д.Ф.* Приход Христорождественской церкви села Туармы Бугульминского уезда Самарской епархии. — В кн.: *Чигерина С.В.* У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1905. Приложение № 10. С. 71.

⁵⁶ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 246. Л. 281—309.

⁵⁷ См.: НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 186. Л. 1—12.

⁵⁸ Рукопись статьи сохранилась: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л.

113.

⁵⁹ Сотрудник Братства св. Гурия. 1910. № 48. С. 759.

⁶⁰ Известия по Казанской епархии. 1890. № 4. С. 69.

⁶¹ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 187. Л. 534.

⁶² ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 74.

⁶³ ОР РГБ. Ф. 361. Карт. 28. Д. 36. Л. 35.

⁶⁴ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 227.

⁶⁵ Там же. Л. 4, 235.

⁶⁶ Там же. Л. 291—292.

⁶⁷ Там же. Д. 1. Л. 84.

⁶⁸ Там же. Д. 12. Л. 75.

⁶⁹ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 170. Л. 230.

⁷⁰ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 91.

⁷¹ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 163. Л. 274; Отд. 2. Ед. хр. 246. Инв. № 608. Л. 8.

⁷² Там же. Отд. 2. Ед. хр. 246. Л. 26.

⁷³ Там же. Л. 9.

⁷⁴ Там же. Л. 10.

⁷⁵ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 77.

⁷⁶ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 246. Инв. № 608. Л. 17.

⁷⁷ Там же. Отд. 1. Ед. хр. 195. Л. 490.

⁷⁸ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 168—169.

⁷⁹ Там же. Л. 170, 173—174.

⁸⁰ Там же. Л. 179.

⁸¹ Там же. Д. 5. Л. 45.

⁸² Там же. Д. 3. Л. 187.

⁸³ Там же. Д. 5. Л. 44.

- ⁸⁴ Письмо хранится в Чувашском национальном музее.
⁸⁵ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 171.
⁸⁶ Там же. Л. 169.
⁸⁷ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 256. Л. 49—50.
⁸⁸ Там же. Л. 52.
⁸⁹ Там же.
⁹⁰ Там же. Л. 56.
⁹¹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 89—93.
⁹² Там же. Л. 89 об.
⁹³ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 271. Л. 101.
⁹⁴ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 264.
⁹⁵ Там же. Л. 285.
⁹⁶ Там же. Л. 289.
⁹⁷ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 246. Инв. № 608. Л. 177.
⁹⁸ Там же. Л. 181.
⁹⁹ Там же. Ед. хр. 188. Инв. № 454. Л. 84—85.

Переводчик и автор поучений

¹ Сохранилась рукопись этой книги: НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 171. На ее обложке по-русски написано: Начальное учение православной христианской веры на чувашском языке. Казань, 1872.

² ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 331; НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 161. Л. 443.

³ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 7. Л. 14.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 8.

⁵ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 265.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 8 об.

⁷ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 267 об.

⁸ Там же. Д. 275. Л. 276.

⁹ Там же. Д. 3. Л. 192.

¹⁰ Там же. Л. 215.

¹¹ Там же. Л. 217, 338.

¹² НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 187. Л. 275.

¹³ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 2. Л. 200.

¹⁴ Там же. Л. 223—228.

¹⁵ Там же. Д. 1. Л. 104—122, 172—185.

¹⁶ Там же. Л. 347—383; НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 215. Л. 11—15.

Названия переводных работ Д.Ф.Филимонова с 1900 по 1904 г. см.: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 196.

¹⁷ Список редактированных Д.Ф.Филимоновым работ см.: НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 161. Л. 191. Здесь указано 43 названия. Список наверняка неполный: Д.Ф.Филимонов писал, что позабыл названия некоторых переводов.

¹⁸ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 2. Л. 70.

¹⁹ Там же. Л. 121.

²⁰ Там же. Л. 78; Д. 5. Л. 25.

²¹ Там же. Д. 5. Л. 32.

²² Там же. Л. 58.

²³ Там же. Д. 2. Л. 137. См. список чувашских священников: НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 178. Л. 233—236.

²⁴ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 218 об.

²⁵ Там же. Д. 1. Л. 29.

²⁶ Там же. Д. 5. Л. 101.

²⁷ Письмо хранится в Чувашском национальном музее.

²⁸ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 180.

²⁹ Сохранилась ведомость о переводческих трудах Самарской переводческой подкомиссии за период времени с 1900 по 1911 гг.: ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 112—118, 180 об.—182 об.; Д. 2. Л. 214—217 об.

³⁰ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. Л. 164—165.

³¹ Там же. Д. 12. Л. 163.

³² НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 247. Л. 242.

³³ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 7.

³⁴ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 246. Инв. № 608. Л. 181.

Этнографические заметки

¹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 273.

² Там же. Л. 255.

³ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 195. Л. 482—505.

⁴ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 302—304.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 84.

⁶ Там же. Д. 3. Л. 299.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 161. Л. 182.

⁸ Там же. Отд. 2. Ед. хр. 72. Л. 43—63, 69—95.

⁹ Там же. Л. 65.

¹⁰ Там же. Л. 67.

¹¹ Отчеты о деятельности Общества изучения местного края ЧАССР за 1924—26 годы. Чебоксары, 1927. С. 32; Первый Всечувашский краеведческий съезд (15—21 июня 1928). Чебоксары, 1929. С. 118.

¹² НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 572. Л. 1—7.

Общественная работа

¹ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 9.

² ОР РГБ. Ф. 361. Карт. 28. Ед. хр. 36. Л. 2.

³ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 9.

⁴ Сохранился черновик письма: НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 371. Л. 468—471.

⁵ См. этот номер «Московских ведомостей»: НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 371. Л. 466.

⁶ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 1. Л. 222. Сохранился список жертвователей: НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 187. Инв. № 453. Л. 249.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 187. Л. 213.

⁸ Там же. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 10.

¹⁰ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 3. Л. 284.

¹¹ Там же. Л. 285.

- ¹² Там же. Л. 533 об.
¹³ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 10.
¹⁴ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 3. Л. 202.
¹⁵ Там же.
¹⁶ Письмо хранится в Чувашском национальном музее.
¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 19.
¹⁸ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 46.
¹⁹ Там же. Л. 47.
²⁰ Там же. Д. 5. Л. 27.
²¹ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 247. Инв. № 615. Л. 314.
²² Там же. Ед. хр. 188. Л. 178.
²³ Там же. Л. 179—180.
²⁴ Там же. Л. 95, 101, 121; ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 249 об.
²⁵ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 4. Л. 97.
²⁶ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 246. Л. 19.

Семейная жизнь

- ¹ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 187. Л. 213.
² ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 93.
³ Там же. Л. 3.
⁴ ОР РГБ. Ф. 361. Карт. 28. Д. 36. Л. 31.
⁵ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 2.
⁶ Там же. Л. 25.
⁷ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 2.
⁸ 12 июня 1904 г. Н.В.Николевский записал: «Сын о. Филимонова исключен из Чебоксарского духовного училища по малоуспеваемости...» (НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 144. Л. 54).
⁹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 125.
¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 1.
¹¹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 124.
¹² НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 256.
¹³ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 5. Л. 125.
¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 26.
¹⁵ Там же. Л. 27.
¹⁶ Яковлев И.Я. Воспоминания. С. 595.
¹⁷ СЕВ. 1913. № 5. С. 67.
¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Л. 26.
¹⁹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 11. Л. 171.
²⁰ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Л. 26.
²¹ Там же. Л. 27.

В годы революции и гражданской войны

- ¹ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 246. Инв. № 608. Л. 45.
² Там же. Л. 81.
³ Там же. Л. 47.
⁴ Хыпар. 1917. 31 августа.
⁵ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 40.
⁶ Там же. Д. 1. Л. 397.

- ⁷ Там же. Д. 5. Л. 79.
- ⁸ Опубликовано: Александров Г. Мнение священника о просветителе Яковлеве // Чăвашĕн. 1993. 26 июня.
- ⁹ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 388—393, 620—625.
- ¹⁰ Там же. Л. 621—622.
- ¹¹ Там же. Д. 2. Л. 29.
- ¹² Там же. Д. 5. Л. 13.
- ¹³ Там же. Д. 4. Л. 149—151.
- ¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 29.
- ¹⁵ Там же. Отд. 1. Ед. хр. 303. Л. 12.
- ¹⁶ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 194.

В советское время

- ¹ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 306. Л. 155.
- ² Там же. Отд. 2. Ед. хр. 188. Инв. № 455. Л. 34 об.
- Впервые свою биографию Д.Ф.Филимонов стал писать 20 октября 1887 г. Он писал тогда: «Мне, как природному чувашину, следовало бы писать по-чувашски, но я по привычке, выработанной во мне образованием и пропедией жизнью, пишу по-русски» (ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 1. Л. 343).
- ³ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 12. Л. 9.
- ⁴ Там же. Л. 12.
- ⁵ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 291. Л. 150.
- ⁶ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 9. Л. 122.
- ⁷ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 291. Л. 150.
- ⁸ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. I. Д. 2. Л. 25.
- ⁹ Там же. Д. 8. Л. 85.
- ¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 291. Л. 150.
- ¹¹ Там же. Л. 150 об.
- ¹² Чувашский национальный музей. Ф. 79. Оп. 27. Инв. № 16889/12.
- ¹³ Цит. по кн.: Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары, 1972. С. 306.
- ¹⁴ НА ЧГИГН. Отд. 1. Ед. хр. 72. Л. 118.
- ¹⁵ Чувашский национальный музей. Ф. 79. Оп. 27. Инв. № 16889/12.
- ¹⁶ Там же.

Школьное образование для нерусского населения Самарской губернии — чувашей, мордвы, крещеных татар, удмуртов — зародилось лишь после отмены крепостного права. Первую начальную школу для чувашей — училище Министерства народного просвещения — открыли в 1871 г. в чувашско-русском селе Девализеркино Бугульминского уезда. В том же уезде в 1879 г. в селе Туарма открылась церковно-приходская школа. А в следующем году — земская школа в селе Микушкино Бугурусланского уезда.

Развиваться просветительское дело стало с назначением на Самарскую кафедру епископа Гурия в октябре 1892 г. Преосвященный Гурий привлекал инородческих священнослужителей из Симбирской и Казанской епархий, а также выпускников Казанской инородческой учительской семинарии и Симбирской чувашской учительской школы в церкви и школы нерусских селений.

Чувашские священники открывали церковноприходские школы с обучением на родном языке, считая своей обязанностью дать образование соплеменникам. Обучение в них велось по программе Н.И.Ильминского. Сущность системы казанского профессора состояла в том, что первоначальное обучение в нерусских школах шло на родном языке учащихся. Родной язык допускался в церковное богослужение. Принципы системы Н.И.Ильминского легли в основу правил

«О мерах к образованию населяющих Россию инородцев»,
утвержденных правительством 26 марта 1870 г. «Единственно
только в Самарской епархии система Ильминского была
проведена широко, последовательно и настойчиво», — писа-
ла публицистка С.В.Чичерина в своей книге «У приволж-
ских инородцев» (СПб., 1905, с. 391).

Большой вклад в развитие школьного образования среди
самарских чувашей внес священник Антоний Семенович
Иванов. Родился он 15 января 1871 г. в деревне Старые Са-
вруши Чистопольского уезда Казанской губернии (ныне Ак-
субаевский район Республики Татарстан) в крестьянской
семье. По окончании Казанской инородческой учительской
семинарии в 1890 г. его назначили учителем в Микушкин-
скую земскую школу Бугурусланского уезда. Проработав там
год, пытался поступить в Самарскую духовную семинарию,
но не удалось из-за незнания древних языков. Затем он
сдал экзамен «на знание предмета дьяконского служения»,
и 17 сентября 1892 г. Самарский епископ Владимир принял
его в духовное звание — назначил дьяконом церкви в селе
Ибряйкино Бугульминского уезда¹. 5 декабря 1893 г. Самар-
ский преосвященный Гурий рукоположил о. Иванова в сан
священника и назначил в село Девлизеркино. Следует заме-
тить, что до поступления епископа Гурия на Самарскую
кафедру в епархии был лишь один священник из чувашей
— Г.И.Перепелкин, служивший с августа 1882 г. в церкви
села Девлизеркино. Вторым стал А.С.Иванов. Священников
из других национальностей не было ни одного.

22 февраля 1899 г. о. Иванова перевели в чувашское
село Нижняя Ивановка Самарского уезда. Здесь он выстроил
для церковной школы новое просторное и удобное здание и
вошел в сельское общество с ходатайством об отпуске денег
на ее содержание. Известно, что сельский сход решил выде-
лить 95 рублей.

В 1902 г. А.С.Иванова назначили наблюдателем ино-
родческих церковноприходских школ Бугульминского и час-
тично Бугурусланского уездов. Он обосновался в Бугульме.
Надо отметить, что в епархии было семь уездных наблюдателей,
из них только один Новоузенский одновременно состоял
приходским священником, остальные были без приходов.

Будучи наблюдателем, о. Иванов часто ездил в чувашские селения, беседовал с прихожанами, совмещая таким образом просветительную и миссионерскую деятельность. Малоопытным учителям давал советы и указания, как правильно поставить учебно-воспитательное дело². «Учитель-инородец, — учил он, — должен искренне любить своих соплеменников, пребывающих во тьме и невежестве, не чуждаться их, не презирать их и не превозноситься пред ними своим образованием. Только при любви к инородцам, при искреннем желании служить духовному просвещению их можно быть вполне полезным учителем среди инородцев»³.

А.С.Иванов добивался, чтобы в подчиненных ему начальных церковных школах обучение шло по системе его учителя Н.И.Ильминского. 8 апреля 1903 г. А.С.Иванов писал священнику села Туарма Бугульминского уезда Д.Ф.Филимонову: «Я был во всех инородческих школах Бугульминского уезда и в 30 школах Бугурусланского уезда и видел, что во многих школах, особенно в Бугурусланском уезде, по системе Н.И.Ильминского преподавание не ведется и многие учителя даже не знакомы с этой системой»⁴.

В защиту системы Ильминского А.С.Иванов написал доклад «Церковно-школьное образование и просвещение инородцев Самарской епархии по системе Н.И.Ильминского» и представил его Казанскому миссионерскому съезду, состоявшемуся 13—26 июня 1910 г. Главная идея этой работы — образование и просвещение крещеных «инородцев» должно вестись по системе Ильминского во всех национальных школах: церковных, земских и министерских. Только путем широкого применения системы Ильминского, отмечал он, возможно утвердить «инородцев» в христианстве, искоренить среди них язычество и удержать их от отпадения в магометанство и духовно слить с великим русским народом. А.С.Иванов считал, что общее наблюдение за учебно-воспитательным делом в нерусских школах всех типов должно находиться в руках лиц, сочувствующих системе Ильминского и свободно владеющих национальными языками⁵.

Для повышения педагогической подготовки учителей инородческих церковноприходских школ под руководством А.С.Иванова были устроены учительские курсы при Шенталинской второклассной школе. Курсы продолжались три

недели — с 10 по 31 августа 1903 г. На курсы было вызвано до 50 учителей нерусских школ Бугульминского и Бугурусланского уездов⁶. Для их самообразования в городе Бугульме была открыта бесплатная библиотека. Летом 1909 г. в Шентале провели месячные курсы для учителей церковно-приходских школ всей Самарской епархии⁷. Работой курсов руководил о. Иванов.

В национальных школах основное внимание Антоний Семенович обращал на преподавание закона Божия и церковного пения как на главные предметы по религиозно-нравственному воспитанию учащихся. На съезде инородческих законоучителей Бугульминского уезда в 1903 г. А.С.Иванов прочитал составленную им и одобренную епископом Гурием записку «О постановке закона Божия в инородческих церковных школах»⁸, которая была принята съездом.

С целью улучшения подготовки национальных учительских кадров во второклассных церковно-учительских школах А.С.Иванов в конце 1907 г. обратился с докладом в училищный совет при Св. Синоде.

Второклассные церковно-учительские школы возникли в 1896 г., они имели целью «подготовить учителей и учительниц для школ грамоты» (§ 34 Положения о церковных школах), открывались духовенством как для русского населения, так и других народностей православного вероисповедания. При открытии этих школ не принимались во внимание особые условия жизни нерусских национальностей. Все подобные школы открывались применительно к условиям жизни русских и для подготовки учителей в русские школы грамоты. Поэтому во всех второклассных школах, не исключая инородческих, курс учения был один, преподавание велось по одной программе, подготовка учителей как для русских школ, так и для национальных ничем не отличалась. Собственно национальных второклассных школ, имеющих целью готовить учителей для нерусского населения, вовсе не было.

В своем докладе А.С.Иванов рассмотрел деятельность Шенталинской инородческой второклассной школы Бугульминского уезда. Эта школа была открыта в 1898 г. с целью подготовки учителей для нерусских церковноприходских школ Самарской епархии. С 1901 г. (до этого года выпуска

не было) в этой школе оканчивало курс ежегодно по 5 учеников из «инородцев», что было крайне недостаточно для нерусских церковноприходских школ одного Бугульминского уезда. Кроме того, национальные учителя, получившие образование в Шенталинской второклассной школе, большею частью оказывались малоопытными, слабо подготовленными, а главное — совершенно неизвестными с строем учебно-воспитательного дела и с приемами и методами преподавания в нерусских школах.

В программу второклассных инородческих церковноприходских школ А.С.Иванов рекомендовал внести ряд новшеств: 1) в программу церковного пения ввести преподавание церковного пения на национальном языке; 2) для учеников из «инородцев» ввести уроки национального языка в двух старших классах, по одному уроку в неделю⁹. Неизвестно, были ли приняты эти рекомендации.

Благодаря хлопотам А.С.Иванова с 1 сентября 1911 г. была повышена зарплата учителям церковноприходских школ Бугульминского уезда. О необходимости повышения оплаты труда учителей он писал обер-прокурору Св. Синода. Учителя стали получать по 360 рублей, законоучителя — по 30 рублей в год¹⁰.

В 1911/1912 учебном году А.С.Иванов 182 раза посетил школы, из них 135 церковные и 20 земские Бугульминского уезда, 27 церковные школы Бугурусланского уезда. Для осмотра этих школ он совершил 13 поездок, продолжавшихся от 2 до 13 дней. Всего на поездки было употреблено 74 дня, сделано более 2000 верст на лошадях и 250 верст по железной дороге. Кроме того, три раза ездил на экзамены, на что было употреблено около 10 дней, проехал на лошадях 150 верст, по железной дороге 240 верст¹¹.

23 февраля 1913 г. в городе Бугульме в собственном доме А.С.Иванова состоялось его чествование по случаю исполнившегося 10-летия служения на должности наблюдателя инородческих церковноприходских школ. Участниками торжества были 5 священников, 1 диакон, более 25 учителей и учительниц. Они преподнесли о. А.С.Иванову икону Спасителя с адресом¹². Ему прислали свои поздравления Переводческая комиссия из Казани — председатель профессор М.А.Машанов, члены — профессора Н.Ф.Катанов, А.П.Юнгеров, о. Т.Е.Егоров,

делопроизводитель комиссии Н.В.Никольский, а также директор Казанской инородческой учительской семинарии А.А.Воскресенский, инспектор Симбирской чувашской учительской школы И.Я.Яковлев, Сухумский епископ Андрей, Самарский епископ Симеон, наблюдатель церковноприходских школ епархии А.М.Никольский¹³.

Благодаря деятельности А.С.Иванова и других нерусских священников к началу 1914 г. в Самарской епархии всех инородческих школ стало 141 и смешанных 59. В Бугульминском уезде имелось 57 национальных школ, из них чувашских 34 (чисто чувашских 24, смешанных 10), мордовских 16, крещенотатарских 3, удмуртских 4. В них работали 54 нерусских учителя, из них чувашей 37, мордвы 10, крещенотатарских 3, удмуртов 4. Русских учителей и учительниц, хорошо владевших языком обучаемых «инородцев», было 5, незнающих национального языка — 9. Вместе с тем к 1917 г. во всем Бугульминском уезде на 30 тысяч чувашского населения имелось лишь одно единственное Девлизеркинское чувашское министерское училище и ни одной земской школы; на 150 тысяч татарского населения не было ни одной министерской и ни одной земской школы. В Бугурусланском уезде, где чувашей насчитывалось более 40 тысяч, существовала одно министерская школа и одна земская школа в селе Микушкино и 18 чувашских церковноприходских школ. Справедливо писал А.С.Иванов после Февральской революции 1917 г.: «Старый режим был тяжел для русских, но во много раз он тяжелее был для инородцев. Представители старой власти с большим подозрением смотрели на инородцев, всякое проявляющееся самосознание в инородцах искоренялось, стремление к просвещению заглушалось, печать на инородческом языке подвергалась самой строгой цензуре, преимущественно печатались книги и брошюры только духовно-православного содержания, министерство и земство совершенно не заботились об образовании инородцев»¹⁴.

Если курс учения в нерусских церковноприходских школах Бузулукского, Самарского, Ставропольского уездов составлял 3 года, то в Бугульминском и Бугурусланском уездах — 4 года, и это в немалой степени благодаря деятельности А.С.Иванова. Четырехгодичный курс учения давал возможность проходить программный материал и основательнее и шире.

А.С.Иванов участвовал в переводческих трудах с русского на чувашский язык. Переводческой работой он начал заниматься в селе Нижняя Ивановка. Следует заметить, что переводческим делом в Самарской епархии занимались и другие чувашские священники. Центром переводческой деятельности являлась переводческая подкомиссия при Самарском епархиальном комитете Православного миссионерского общества.

В эту переводческую подкомиссию осенью 1900 г. А.С.Иванов представил свой первый перевод «Святая земля и бывшие в ней священные события», выпуск 1. В 1904 г. за переводы он был удостоен благословения Св. Синода с выдачей установленной грамоты.

В сентябре 1913 г. председатель переводческой подкомиссии Д.Ф.Филимонов доложил Самарскому епископу Симеону, что А.С.Иванов весьма усердно занимается переводом книг и брошюр, что им переведено на чувашский язык разных книг в 34 названиях, из них 9 названий уже отпечатаны¹⁵. Филимонов представил список переводческих трудов А.С.Иванова и просил ходатайствовать перед Св. Синодом о награждении его саном протоиерея. Этот список сохранился¹⁶. Из него видно, что А.С.Иванов переводил на чувашский язык, как правило, жития святых и церковные поучения. Лишь две работы посвящены борьбе с пьянством.

В годы первой русской революции А.С.Иванов осудил молодую чувашскую интеллигенцию за участие в общественно-политической борьбе с самодержавием. 20 декабря 1906 г. он писал И.А.Износкову, чиновнику особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода: «Весьма печально и прискорбно, что чувашские юноши, получившие образование в духовных семинариях, учительских институтах, университетах, вместо того, чтобы совместно работать с духовенством над просвещением и образованием темных своих соплеменников, увлеклись освободительным движением и присоединились к революционерам»¹⁷.

Как известно, с 21 января 1906 г. в городе Казани под редакцией Н.В.Никольского стала выходить единственная чувашская газета «Хыпар» (Весть). С 1 июня того же года издание газеты перешло в руки революционно настроенных

молодых сотрудников. Газета изменила свое первоначальное направление и стала выступать против чувашского духовенства и церковных школ. А.С.Иванов сообщил 20 декабря 1906 г. И.А.Износкову: «Издаваемая в г. Казани чувашская газета «Хыпар» с переходом в другие руки (редактора П.Алексеева*) приняла весьма вредное противоцерковное и противоправительственное направление. Она может оказывать и уже в некоторых местах оказывает весьма вредное влияние на инородцев-чуваш»¹⁶. А.С.Иванов распорядился, чтобы учителя чувашских церковноприходских школ Бутульминского и Бугурусланского уездов не выписывали и не читали газету «Хыпар».

25 апреля 1907 г. А.С.Ивановым было получено письмо из Симбирска, и он тотчас же написал Н.В.Никольскому: «Сегодня я получил из Симбирска очень печальное известие: в Симбирской чувашской школе будто бы большие беспорядки, революционный комитет постановил убить И.Яковлева, священника В.Никифорова и учителя Кочурова за грубое обращение с учениками. Правда ли все это, не могу сказать. Все это весьма печально и возмутительно. Молодое поколение совершенно испортилось, оно не жалеет никаких средств для достижения своих целей. Кругом происходящее вокруг нас поражает, удивляет и возмущает. Когда только наша страна успокоится и примет нормальный вид?»¹⁹

31 мая того же года А.С.Иванов получил из Самары написанную печатными буквами открытку, на одной стороне которой были нарисованы два здоровенных кулака и сделана надпись «Наиболее подходящий для Вас подарок». На другой стороне открытки, написанной по-чувашски, говорилось: «Ылтӑн хӗрес илнипе ан савӑн. Школсене сӳренӗ чух сыхланса сӳре. Тип кутран сана нумайшӗ йарасшӑн. Шайтан пупӗ. Вилӗме кӗт. Редакция «Хыпар» (Не радуйся, что получил золотой крест. Берегись во время поездок в школы. Тебе грозит смерть, проклятый поп. Многие хотят е... тебя в жопу)²⁰.

После прочтения этой открытки А.С.Иванов сообщил Д.Ф.Филимонову: «Революционеры обрекли меня в свою жерт-

* Под редакцией П.А.Алексеева «Хыпар» выходила с 26 ноября 1906 г. (№ 44).

ву кровавую, они ищут моей гибели. Смерти я не боюсь, готов умереть за веру, царя и отечество, но, в случае исполнения угрозы, мои дети должны остаться без средств. Тяжело переживать такие трудные минуты»²¹.

В конце XIX в. в Самарской и Казанской губерниях участились факты перехода крещеных и некрещеных чувашей в ислам. Это явление было повсеместным в чувашско-татарских селениях или в чувашских деревнях, расположенных по соседству с татарскими. Теме о распространении ислама среди чувашей А.С.Иванов посвятил статьи «Царство ислама среди чуваш»²², «Отступническое движение крещеных и некрещеных чуваш Самарской губернии в магометанство»²³, «Фанатизм татар-мусульман, как главное препятствие успешной проповеди христианской среди инородцев»²⁴.

Революция 1905—1907 гг. и переход некоторых чувашей в ислам вызвали у А.С.Иванова тревогу за судьбу православия среди «инородцев». Об этом он высказался в статье «Братства или союзы ревнителей православия в инородческих приходах»²⁵. Основное содержание статьи сводится к следующему. Христианской миссии среди «инородцев» грозит опасность со стороны ислама и так называемого освободительного движения. Много вреда христианской миссии приносят татарские газеты и чувашская газета «Хыпар». Благодаря влиянию последней некоторые чуваша начинают ко всему относиться отрицательно; прежняя религиозность их постепенно ослабевает; искренней преданности церкви, какая замечалась ранее, теперь уже нет, напротив, они начинают проявлять враждебность к церкви и ее служителям. Некоторые молодые учителя начальных чувашских школ, увлеченные освободительным движением, тоже начинают проявлять враждебность к церкви. В некоторых местах свобода совести обратилась в свободу насилия, глумления и развращения. Враги церкви организуют всевозможные союзы, общества, комитеты, издают и распространяют в миллионах экземпляров листки и брошюры, наполненные ложью и клеветой на церковь и правительство²⁶.

А.С.Иванов отмечает, что духовенству инородческих приходов предстоит серьезная борьба, с одной стороны, с исламом и отживающим язычеством, с другой — с врагами

церкви Христовой. «Индифферентно относиться ко всему происходящему вокруг нас в настоящее время было бы преступлением», — подчеркивает он²⁷.

Одной из мер борьбы с исламом и врагами церкви, а также в деле утверждения «инородцев» в христианстве и просвещения их светом Евангельского учения, съездом нерусских священников Самарской епархии (20—23 июня 1906 г.) и Самарским комитетом Православного миссионерского общества были признаны братства или союзы ревнителей православия, преследовавшие просветительные, миссионерские и благотворительные цели. В статье «Братства или союзы ревнителей православия в инородческих приходах» А.С.Иванов показал, как открывать названные братства, из кого они должны состоять, в чем должны состоять их задачи, какую помощь могут оказывать пастырю-миссионеру²⁸.

Для оживления пастырско-миссионерской деятельности и объединения чувашских священников А.С.Иванов предполагал создать особый журнал²⁹. В нем чувашские священники и учителя должны были печатать статьи миссионерского и школьного содержания. Местом издания журнала А.С.Иванов намечал Казань или Симбирск. Однако ему не удалось осуществить этот замысел.

В 1894 г. на священников нерусских приходов Самарской епархии были возложены миссионерские обязанности. А.С.Иванов считал, что пастырям и миссионерам для успеха своего дела необходимо знать историю христианского просвещения того народа, среди которого они служили. С целью изучения истории «инородцев» Поволжья и в частности истории их христианского просвещения Антоний Семенович собирал книги, и у него образовалась довольно большая библиотека. Это подтверждается показаниями его современников. Так, 11 ноября 1900 г. учитель земской школы села Нижней Ивановки Самарского уезда Г.Ф.Федоров (впоследствии известный эсер Алюнов) писал Н.В.Никольскому: «У батюшки (А.С.Иванова. — Г.А.) масса книг о чувашах и масса сведений о чувашах вообще и самарских в частности»³⁰. О наличии большой библиотеки у А.С.Иванова писал и Д.Ф.Филимонов³¹.

А.С.Иванов написал и опубликовал статьи «Из истории христианского просвещения чуваш Самарской епархии во

второй половине XIX столетия»³² и «Христианская миссия среди инородцев Поволжья в царствование императора Александра I»³³.

В статье «Жизнь и служение пастыря-миссионера в инородческом приходе»³⁴ А.С.Иванов показал, какими способами должен владеть миссионер для успешного осуществления своей службы.

Во время поездок по чувашским селениям для обозрения школ А.С.Иванов вел в школах миссионерские беседы с чувашами. Так, в 1903 г. им были проведены беседы в школах: Арезяпкинской, Исаклинской, Алексеевской, Новосережинской, Лошманской, Рысайкинской, Булантамакской и особенно в деревнях Старо- и Новосуркино. В эти две последние деревни, населенные в подавляющем большинстве язычниками, притом находившимися под влиянием соседей татар-мусульман, А.С.Иванов совершил нарочито с миссионерской целью 6 поездок, причем здесь вел только частные беседы в их домах³⁵. Об этих беседах он писал, что должен был вести их с большой осторожностью, так как были случаи уклонения язычников от бесед с ним, и что поэтому он сначала говорил об обыденных предметах, а потом уже постепенно переходил к религиозным предметам, но и тут больше останавливался на рассказах житий святых, чем обыкновенно и достигал того, что слушатели, увлеченные такими рассказами, благодарили его и просили что-нибудь еще им рассказать³⁶.

В 1914 г. Самарский епархиальный комитет Православного миссионерского общества выдал А.С.Иванову денежное пособие 200 рублей за его миссионерские поездки в некрещенные деревни Старо- и Новосуркино Бугульминского уезда и за наблюдение и руководство за миссионерским делом среди «инородцев» в других селениях Бугульминского и Бугульманского уездов при обозрении школ³⁷.

Чувашские священники Самарской епархии время от времени собирались на съезды. На них обсуждались вопросы религиозно-нравственного воспитания в начальных школах и перевода и издания книг на чувашском языке. Съезды были проведены в 1900, 1903, 1905, 1906, 1909, 1911 годы. Лишь на последнем съезде не присутствовал А.С.Иванов.

12 марта 1904 г. Самарская духовная консистория рассмотрела проект правил о миссионерских съездах инород-

ческих священников-миссионеров Самарской епархии, составленный А.С.Ивановым при участии Д.Ф.Филимонова. Консистория утвердила представленный проект с незначительными изменениями.

В феврале 1913 г. А.С.Иванов получил из Св. Синода предложение занять должность епархиального инородческого миссионера Пензенской епархии. Он отказался от этого предложения по той причине, что в Пензенской епархии чувашей немного, а много мордвы, а он мордовского языка не знает и поэтому не может быть среди них миссионером³⁸.

А.С.Иванов вел активную общественную деятельность. Он был избран от Бугульминского уезда делегатом на I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством, который состоялся в Петербурге в конце декабря 1909 г. О своем участии в работе этого форума он рассказывал в «Самарских епархиальных ведомостях» (1910, № 4).

А.С.Иванов предложил Самарскому преосвященному Константину организовать «Общество ревнителей распространения идеи трезвости» и представил проект устава названного «Общества». Епископ велел напечатать рапорт А.С.Иванова и его проект устава в «Самарских епархиальных ведомостях» и разрешил ему обсудить проект устава на благочиннических съездах духовенства Бугульминского уезда. Свою резолюцию преосвященный Константин закончил фразой: «Желательно обсудить и в других уездах»³⁹.

29 августа 1910 г. А.С.Иванов выступил с докладом о борьбе с пьянством на съезде духовенства Самарской епархии⁴⁰.

В августе 1912 г. А.С.Иванов был командирован епархиальным начальством на Всероссийский съезд по борьбе с алкоголизмом в город Москву. На рассмотрение съезда он представил 4 доклада⁴¹.

В марте 1913 г. его назначили председателем Бугульминского уездного комитета по борьбе с пьянством⁴². В 1910—1913 годы на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» А.С.Иванов неоднократно выступал против все более распространявшегося пьянства, призывая местное духовенство возглавить и создать в каждом селении «Общество трезвости»⁴³.

Как представитель Бугульминского уездного земства

А.С.Иванов участвовал в работе общеземского съезда по народному образованию, проходившему в Москве 15—31 августа 1911 г.

Следует заметить, что А.С.Иванов выступил против распространения среди простого русского народа произведений Л.Андреева, А.Арцыбашева, М.Горького и других авторов. Произведения этих писателей, по его словам, «действуют самым разлагающим образом на веру и нравственность. Все эти издания с своим противорелигиозным направлением по прочтении оставляют в читателях яд сомнения, а в конце концов отравляют их неверием и безбожием, развращают, увеличивают преступления и потрясают основы жизни церковной и государственной. Результаты распространения подобных изданий налицо: неверие среди народа растет, нравственность падает, уважение к начальству и почтение к старшим среди молодежи отсутствует, молодежь без удержу предается хулиганству, вплоть до осквернения храма Божия — этой великой святыни русского православного народа»⁴⁴.

Лучшим памятником А.С.Иванову стали его собственные этнографические статьи о чувашах.

Сбором этнографического материала он стал заниматься в селе Девлизеркино. В 1899 г. в деревне Лашманкино (Малое Девлизеркино) по его просьбе были записаны чувашские свадебные песни⁴⁵.

По просьбе студента Казанской духовной академии Н.В.Никольского А.С.Иванов сообщил ему сведения о чувашских селениях Самарской губернии⁴⁶. 11 ноября 1900 г. учитель земской школы села Нижняя Ивановка Самарского уезда Г.Ф.Федоров писал Н.В.Никольскому: «о. Иванов просит меня передать тебе, что он, в случае нужды, может представить тебе и более подробную программу относительно доставления сведений»⁴⁷.

Преобладающая часть этнографических статей А.С.Иванова была опубликована им в журнале «Православный благовестник» (Москва). Его этнографические публикации и сегодня привлекают внимание исследователей.

А.С.Иванов является также автором множества статей и заметок на самые разные темы, которые печатались не только в провинциальных газетах и журналах, но и в столич-

ных. 23 октября 1906 г. он написал Н.В.Никольскому: «С 4 октября у нас в Бугульме выходит газета «Мирный путь»; в этой газете я пока принимаю самое деятельное участие, печатая в каждом № статьи по народному образованию и по другим вопросам»¹⁸.

8 мая 1897 г. А.С.Иванов был принят в члены-со-трудники Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, а 27 сентября 1904 г. он был избран действительным членом этого Общества.

В 1907 г. в «Известиях» Общества археологии, истории и этнографии А.С.Иванов опубликовал «Указатель книг, брошюр, журнальных и газетных статей и заметок на русском языке о чувашах, в связи с другими инородцами Среднего Поволжья с 1756 по 1906 год». В том же году «Указатель...» был издан отдельным оттиском. Этот «Указатель...» имел большое значение для своего времени, ибо он являлся единственным справочником опубликованной литературы о чувашах и других нерусских народах Среднего Поволжья с середины XVIII века до начала XX столетия. Подобного издания в то время у национальностей Волго-Уральского региона не имелось.

После Февральской революции 1917 г. А.С.Иванов принимал участие в работе Бугульминского союза учителей. 4 апреля он написал Д.Ф.Филимонову: «Переживаем чрезвычайно великие события. Дай Бог, чтобы все это было к лучшему. Думаю, теперь дело образования и просвещения инородцев будет поставлено широко и система Н.И.Ильминского не будет преследоваться»¹⁹.

9—12 мая 1917 г. А.С.Иванов участвовал в работе Самарского съезда учителей, на котором выступил с докладом «Положение дела начального образования инородцев Самарской губернии и меры к его улучшению». В докладе было сказано, что для нерусских школ нужны учителя из самих этих национальностей, что руководители инородческого образования также должны быть из самих нерусских народностей, обучение совершается по учебникам на родном языке. А.С.Иванов предложил образовать при губернской земской управе особую комиссию по образованию нерусских

народностей. Она должна была состоять из лиц, известных своею практическою или теоретическою работою в области образования национальностей, и разработать все вопросы по образованию «инородцев» Самарской губернии. Эта же комиссия должна была устраивать курсы, съезды, совещания для нерусских учителей, издавать книги и брошюры на национальных языках.

Учителей для нерусских школ А.С.Иванов предлагал готовить в учебных заведениях нескольких типов: 1) центральных училищах, 2) учительских школах и семинариях, 3) педагогических классах при высших начальных училищах⁵⁰.

В 1917 г. А.С.Иванов занимался не только сугубо школьными делами. Он принял весьма активное участие в чувашском национальном движении. 23 апреля в городе Бугульме по его инициативе возникло чувашское общество. Позднее, 20—28 июня он участвовал в работе Общечувашского национального съезда, состоявшегося в городе Симбирске. После рассмотрения ряда вопросов на съезде были проведены выборы кандидатов в Учредительное собрание. Выборы проводились путем тайного голосования при посредстве подачи записок. В голосовании участвовал 361 человек. На заседании 26 июня был объявлен результат подсчета голосов и признано, что 12 первых, в порядке большинства полученных голосов, кандидатов должны быть внесены в национальный список чувашских кандидатов в Учредительное собрание. Этот список был признан обязательным для всех чувашей, принимающих участие в выборах в Учредительное собрание, в смысле голосования за названный список. В список под № 12 был включен А.С.Иванов: за него было подано 49 голосов⁵¹.

Весной 1918 г. А.С.Иванов служил в комитете по школьному образованию при Бугульминском уездном земстве. 28 марта он сообщил Н.В.Никольскому, что ему едва ли долго придется служить в земстве, так как он замечает нерасположение к себе со стороны учительства. «Некоторые чувашские учителя, — писал Антоний Семенович, — в своих бумагах кстати и некстати замечают мою работу в комитете нежеланной. Работать очень тяжело. Если бы была возможность существовать, то сейчас же бросил эту работу»⁵².

1 апреля 1918 г. должность наблюдателя церковно-

приходских школ была упразднена. Одновременно А.С.Иванов лишился должности делопроизводителя Бугульминского уездного отделения епархиального комитета Православного миссионерского общества, которую он занимал вдобавок к своей основной работе с сентября 1909 г.

В 1919 г. А.С.Иванов более двух месяцев находился в тюрьме. Революционный трибунал оправдал его и он был освобожден⁵³.

С августа 1920 г. его утвердили третьим священником Николаевского собора города Бугульмы. 9 декабря того же года протоиерей собора скончался, и о. А.С.Иванов остался один при соборе.

14 января 1921 г. он написал Д.Ф.Филимонову: «Старшая дочь Лиза находится уже 5-й месяц в тюрьме, старший сын Петя служит в Кронштадте моряком на флоте. Вторая дочь Оля служит с мужем в Бухаре». 21 июля того же года А.С.Иванов сообщил Д.Ф.Филимонову: «Лизу совершенно оправдали и из-под ареста освободили. Теперь она живет дома и пока никуда не поступила»⁵⁴.

28 сентября 1923 г. А.С.Иванов известил Д.Ф.Филимонова: «Я третий раз был арестован и заключен в тюрьму. Меня обвинили в преследовании обновленческого декрета церкви, но за недоказанностью выпустили без суда.

Недавно получил с родины письмо, письмо весьма печальное. В прошлом году, когда я сидел в тюрьме, все мои братья и сестры умерли с голоду. В моей деревне померло до 50 человек с голоду»⁵⁵.

Удалось установить, что в 1932 г. А.С.Иванов прислал телеграмму Д.Ф.Филимонову в деревню Первое Степаново Цивильского района. В ней он поздравлял своего друга с 50-летием служения в священническом сане.

Где и когда окончил жизненный путь просветитель самарских чувашей А.С.Иванов, неизвестно. Он оставил заметный след в истории дореволюционной культуры чувашского народа. Следовало бы выявить его ненайденные рукописи, издать напечатанные в журналах этнографические статьи отдельной книгой.

Источники и литература

- ¹ НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 11. Инв. № 36. А. 114.
- ² Самарские епархиальные ведомости (СЕВ). 1904. № 9. С. 22.
- ³ Православный благовестник. 1908. № 4. С. 157.
- ⁴ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Ед. хр. 12. А. 62.
- ⁵ СЕВ. 1910. № 18. С. 1265.
- ⁶ СЕВ. 1904. № 9. С. 23.
- ⁷ См.: *Иванов А.* Педагогические курсы для учителей инородческих церковных школ Самарской епархии, устроенные летом 1909 г. // СЕВ. 1909. № 12. С. 794.
- ⁸ См.: Известия по Казанской епархии. 1904. № 26. С. 835—850.
- ⁹ Православный благовестник. 1908. № 4. С. 157.
- ¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 218. Инв. № 5692. А. 76.
- ¹¹ СЕВ. 1913. № 8. С. 144.
- ¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 237. Инв. № 5831. А. 268.
- ¹³ Там же. Отд. II. Ед. хр. 247. А. 744.
- ¹⁴ Там же. Отд. I. Ед. хр. 329. Инв. № 6281. А. 96.
- ¹⁵ Там же. Ед. хр. 247. А. 242.
- ¹⁶ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 2. А. 165.
- ¹⁷ НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 2208. А. 70.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. Отд. I. Ед. хр. 163. Инв. № 4866. А. 318.
- ²⁰ ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. А. 75.
- ²¹ Там же. А. 76.
- ²² Православный благовестник. 1907. № 19.
- ²³ Там же. 1908. № 4.
- ²⁴ СЕВ. 1906. № 23.
- ²⁵ Православный благовестник. 1907. № 13. С. 193—199; СЕВ. 1907. № 12. С. 436—442.
- ²⁶ Православный благовестник. 1907. № 13. С. 194.
- ²⁷ Там же. С. 195.
- ²⁸ Там же. С. 195—196.
- ²⁹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 163. Инв. № 4866. А. 320.
- ³⁰ Там же. Ед. хр. 218. Инв. № 5692. А. 76.
- ³¹ НА ЧГИГН. Отд. IV. Ед. хр. 11. А. 114.
- ³² Православный благовестник. 1901. № 1, 3, 4—6, 8, 10—13, 15, 17, 19, 20; 1902. № 20—21.
- ³³ Православный благовестник. 1907. № 18—21.
- ³⁴ СЕВ. 1906. № 15. С. 665—672.
- ³⁵ СЕВ. 1904. № 9. С. 19.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ СЕВ. 1914. № 14. С. 5.
- ³⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 237. Инв. № 5831. А. 268.
- ³⁹ СЕВ. 1910. № 4. С. 143.
- ⁴⁰ Там же. № 19. С. 55.
- ⁴¹ СЕВ. 1914. № 3. С. 88.
- ⁴² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 237. Инв. № 5829. А. 230.
- ⁴³ См.: СЕВ. 1910. № 15. С. 972—978; № 16. С. 1093—1101; 1912. № 10. С. 424—428; № 15. С. 352—355; 1913. № 15. С. 710—717.

- ⁴⁴ *Иванов А.* Так не должно быть //СЕВ. 1914. № 11. С. 416.
- ⁴⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 6. Л. 121—179.
- ⁴⁶ Там же. Отд. IV. Ед. хр. 11. Инв. № 36. Л. 111—118.
- ⁴⁷ Там же. Л. 114.
- ⁴⁸ Там же. Отд. I. Ед. хр. 163. Инв. № 4864. Л. 281.
- ⁴⁹ Там же. Ед. хр. 288. Л. 131.
- ⁵⁰ Там же. Ед. хр. 329. Инв. № 6281. Л. 125.
- ⁵¹ Резолюции и пожелания, принятые Общецувашским национальным съездом, состоявшимся в г. Симбирске с 20 по 28 июня 1917 г. Симбирск, 1917. С. 13.
- ⁵² ЦГА ЧР. Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 92.
- ⁵³ Там же. Л. 102.
- ⁵⁴ Там же. Л. 104 об.
- ⁵⁵ Там же. Л. 51.

18 чувашей до Октябрьской революции получили духовно-академическое образование. Один из них — Осип Григорьевич Романов.

О.Г.Романов родился 5 апреля 1874 г. в селе Бюрганы Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Буинского района Республики Татарстан) в крестьянской семье. В 1893 г., после окончания Казанской инородческой учительской семинарии, его направили в Саратовскую губернию. Сначала он учительствовал в церковноприходской школе в деревне Бикмурзино Кузнецкого уезда, затем — в селе Илимгора Хвалынского уезда. С сентября 1894 г. Романов — учитель Ишакской центральной чувашской двухклассной школы Братства святителя Гурия в Козьмодемьянском уезде Казанской губернии. В ноябре следующего года поступил в Симбирскую духовную семинарию (в 4 класс) и закончил ее в 1898 г. После этого стал студентом Казанской духовной академии.

В 1900 г. О.Г.Романов и другой чуваш — студент академии Н.М.Кедров задумали издать на чувашском языке книжки художественно-литературного содержания. Чтобы добиться разрешения цензуры на издание, они решили составить книжки назидательного содержания и дать им заглавие религиозного характера. Сюжеты для своих произведений они взяли из русских книг, но содержание приспособили к чувашской жизни. Каждый написал по одной повести.

Романов назвал книжку «Хёнхур куракан сынна турă пăрахмасть» (Страждущего человека Господь не оставляет), Кедров — «Асăна-аннĕне хисепле, хăнах аван пулĕ» (Почитай родителей, тебе же будет хорошо).

В то время в Казани право на издание литературы на нерусских языках принадлежало Братству св. Гурия. Дело-производитель Братства Н.А.Бобровников (директор Казанской учительской семинарии) разрешил печатать повести. Авторы предложили свои рукописи владельцу книжного магазина А.А.Дубровину, и книжки в том же году были напечатаны без указания авторов в типографии Казанского университета тиражом в 3000 экземпляров каждая. Их разослали чувашским священникам и учителям, через которых они разошлись по рукам грамотных чувашей. Книжки были признаны интересными и трогательными, отражающими чувашскую жизнь. Они стали первой печатной беллетристической на чувашском языке.

Завершая обучение, на IV курсе О.Романов написал кандидатское сочинение «Постановка учебно-воспитательного дела в начальной инородческой школе». По окончании академии со степенью кандидата богословия, с августа 1902 г. он работал учителем черемисской (марийской) начальной школы при Казанской учительской семинарии, а с 15 июля следующего года был назначен учителем истории и географии Кукарской учительской семинарии Яранского уезда Вятской губернии.

В 1903 г. О.Романов обработал рассказ учителя Каменно-Ключской школы Хвалынского уезда Саратовской губернии Д.Архипова о бегстве чувашей под влиянием пропаганды мусульман из России в Турцию и о встрече автора с ними в Константинополе. Получилась трогательная повесть на чувашском языке о действительных событиях из жизни чувашей — «Константинопольри чăвашсем» (Чуваши в Константинополе). Издана она в Казани в 1903 г. В том же году это сочинение на русском языке Романов напечатал в журнале «Исторический вестник» (№ 2).

С августа 1905 г. О.Г.Романов — инспектор народных училищ Буинского уезда. Но недолго. 23 декабря того же года в селе Убеях состоялось собрание чувашских учителей из ряда уездов Казанской, Симбирской и Самарской губер-

ний. Их пригласил председатель Буинской уездной земской управы М.Б.Бонч-Осмоловский для обсуждения разных нужд учителей. После завершения собрания учителя организовали Буинское уездное отделение Всероссийского учительского союза, запрещенного правительством. Попечитель Казанского учебного округа полагал, что эта организация возникла благодаря потворству инспектора О.Романова. За что в феврале 1906 г. последний был уволен с занимаемой должности и назначен учителем в Яранскую женскую гимназию. Инспектор Симбирской чувашской учительской школы И.Я.Яковлев обратился с письмом к директору Казанской учительской семинарии А.А.Воскресенскому, в котором сообщил: «Увольнение Романова от занимаемой должности есть полное торжество революционеров». Иван Яковлевич просил Воскресенского заступиться за Романова перед попечителем учебного округа.

Слово, видно, было замолвлено, и с 1 марта 1907 г. О.Романова назначили инспектором народных училищ Орловского уезда Вятской губернии. Работая здесь, он написал разгромную рецензию на 5 книжек чувашских народных сказок, изданных писателем-самоучкой И.Н.Юркиным, в которой особо подчеркнул: «Издания эти... являются дополнением к освободительным (революционным. — Г.А.) листкам и рассчитаны на развращение нравственности мирных и трудолюбивых чуваш». Рецензия была опубликована в газете «Симбирянин» (1907, №237). Симбирское губернское начальство потребовало от И.Я.Яковлева внести ясность в политическую оценку брошюр Юркина, изданных на чувашском языке. В своем ответе Иван Яковлевич писал: «С этим мнением г. Романова я совершенно не согласен. По моему мнению, Юркин вовсе не задавался какими-либо пропагандистскими целями, а просто неумело собрал и неумело издал некоторые чувашские народные произведения, примешав к ним, и тем обесценил их, частью кое-что переведенное, а частью, может быть, даже и свое собственное. На эти сказки, которые, повторяю, не сочинены Юркиным, а, по-видимому, записаны со слов народа, и указывает г. Романов, называя их «дикими описаниями братоубийства, матереубийства и прелестей двоеженства!» Чего нет в русских сказках? Стоит только развернуть сборник сказок А.Н.Афанасьева, чтобы убедиться в

этом. А главное то, что нигде нет выражения со стороны Юркина сочувствия всему этому, нигде не встречается даже его суждений по поводу этих сказок.

Вообще ничего предосудительного в брошюрах Юркина я не нахожу и уж совершенно не усматриваю никакой связи с теми «освободительными листками», на которые указывает г. Романов».

Таким образом, И.Я.Яковлев рассеял сомнения губернского начальства в благонадежности И.Н.Юркина.

В марте 1908 г. Романова назначили инспектором народных училищ Ардатовского и Курмышского уездов Симбирской губернии, а с 22 сентября того же года он был определен от Министерства народного просвещения членом Курмышского уездного отделения Симбирского епархиального училищного совета. 31 августа 1909 г. Романов занял должность инспектора народных училищ Курмышского уезда, а через два года он — учитель истории и географии Порецкой учительской семинарии.

Из документов Порецкой учительской семинарии можно узнать, что в 1913 г. О.Романов имел трения с директором семинарии по вопросу ведения денежной отчетности. Из-за столкновений с ним Осип Григорьевич стал пристрастно относиться к его сыну, ученику семинарии. 29 декабря 1913 г. попечитель Казанского учебного округа объявил выговор Романову. Его сыну Валериану, окончившему начальную школу при семинарии, из-за прохладных отношений отца с директором, не было выдано свидетельство об окончании школы. Попечитель распорядился выдать ему свидетельство, что было исполнено в семинарии 28 января 1914 г.

В июле 1916 г. О.Г.Романова вызвали в Петроград в Министерство народного просвещения, где его назначили исполняющим обязанности директора намеченной к открытию учительской семинарии в городе Стерлитамаке. Однако семинария в Стерлитамаке не была открыта, и 17 октября 1916 г. министр народного просвещения устроил Романова директором Илукстской учительской семинарии в городе Ярославле.

Здесь у него случился конфликт с педагогами и учащимися, который 20 марта 1917 г. рассматривался на заседании

Ярославского совета педагогического общества. Совет предложил Романову, преподавателям и учащимся семинарии принять все меры к восстановлению нарушенного доверия и этим обеспечить нормальное течение учебной жизни. Доверие, видимо, полностью восстановить не удалось. И, закончив учебный год, О.Г.Романов выехал в город Тетюши Казанской губернии, где по решению губернского земства был определен директором открывшейся учительской семинарии.

В Тетюшской семинарии после Октябрьской революции произошли изменения. Учащиеся стали играть все более активную роль, создав свой совет, куда вошли М.Кузьмин (Сеспель), В.Дмитриев и их близкие товарищи. Совет учащихся пользовался авторитетом у семинаристов, вместе с педагогическим советом или без него решал важные вопросы реорганизации учебного процесса, прежде всего добивался изменения учебной программы и всего семинарского распорядка в духе нового времени.

Однажды группа семинаристов во главе с Михаилом Кузьминым пришла к заведующему внешкольным подотделом Тетюшского уездного Совета Я.А.Андрееву с жалобой на директора О.Г.Романова. Его обвиняли в том, что он настроен против Советской власти, на уроках и в разговорах декларирует антисоветизм, мероприятия Советской власти подвергает критике и осмеянию. При проверке жалобы все это подтвердилось. Уездным отделом народного образования Романов был снят с должности директора семинарии.

Драматично сложилась дальнейшая судьба Осипа Григорьевича.

В годы гражданской войны Романов воевал на стороне белых, был командиром отряда. Под натиском Красной армии отступал и в конце концов оказался в Харбине, где прожил около 15 лет. Работал там библиотекарем, с 1932 г. преподавал в первой железнодорожной школе II ступени для детей граждан СССР и на подготовительных курсах при политехническом институте.

Из Китая в июле 1935 г. Романов с детьми вернулся в Москву. Жил у дочери Галины, работавшей библиотекарем в Государственной библиотеке СССР им. В.И.Ленина. Здесь Романов провел остаток своей жизни, получая пенсию по

старости. Дожил до 93 лет. Похоронен в 1967 г. на одном из кладбищ Москвы.

Из личного формуляра О.Г.Романова, хранящегося в Центральном государственном архиве Чувашской Республики, удалось узнать, что он был женат на дочери священника. К концу 1916 г. в его семье было восемь детей: четыре сына и четыре дочери. После возвращения из Харбина все они обучались в советских институтах. Как сложилась их дальнейшая судьба, неизвестно.

Революция 1905—1907 годов дала толчок к возникновению и развитию революционно-национального движения среди чувашей. Его возглавили лучшие представители молодой чувашской интеллигенции. Один из них — Гавриил Федорович Алюнов (до 1909 г. Федоров), подлинный борец за лучшую жизнь родного народа. Он любил своих соплеменников и мечтал поднять их до уровня передовых наций.

Родился Г.Ф.Федоров 27 февраля (по новому стилю 10 марта) 1876 г. в селе Янтиково Буинского уезда Симбирской губернии (ныне Яльчикский район Чувашии) в крестьянской семье. В 1888 г. окончил Тойсинскую начальную школу. Поработав два года в хозяйстве родителей, Гавриил поступил в Симбирскую чувашскую учительскую школу. Здесь обучался бесплатно на стипендию от Симбирского губернского земства. В 1895 г. закончил школу со званием учителя начального училища. В его свидетельстве по 10 предметам была поставлена оценка «5», лишь по одному предмету — рисованию и черчению — стоит «4»¹.

Молодого педагога оставили в школе исполняющим дела учителя русского языка в 1 классе. Характеризуя его способности, инспектор школы И.Я.Яковлев сообщал попечителю Казанского учебного округа, что «Федоров прекрасно владеет русским языком, имеет отличные способности и усерден к делу»².

В конце учебного года в жизни молодого учителя произошла крупная неприятность. И.Я.Яковлев получил анонимное письмо, поносящее честь его жены Екатерины Алексеевны. Изучая почерк письма, они решили, что письмо написано Федоровым. Их старший сын Алексей — гимназист 8 (последнего) класса — явился к Федорову с револьвером в руке и угрожал его застрелить, требуя от него стать на колени и признать свою вину. Федоров отказался признать себя автором анонимки³. После завершения учебного года он, обиженный на Яковлевых, под предлогом семейных обстоятельств перевелся в Янтиковское начальное училище Цивильского уезда Казанской губернии.

Между тем автор анонимного письма был установлен: это был одноклассник Федорова, писавший схожим с ним почерком. Но И.Я.Яковлев не реабилитировал Федорова, а лишь сказал: «Федоров — отрезанный ломоть».

В 1897 г. Г.Федоров поступил в 4-й класс Симбирской духовной семинарии.

Следует отметить, что в 1893 г. Святейший Синод разрешил Симбирскому архиепископу принимать ежегодно в Симбирскую духовную семинарию в 4-й класс троих учителей из чувашей, окончивших Симбирскую учительскую школу и проработавших не менее двух лет, для получения ими богословского образования. Они принимались по рекомендации инспектора чувашских школ Казанского учебного округа И.Я.Яковлева, питались и жили в Симбирской чувашской учительской школе. Их освобождали от изучения древних (греческого и латыни) и новейших (немецкого, французского, английского) языков. Расходы на их содержание обеспечивались средствами на распространение православия среди язычников в империи.

В семинарии Федоров сблизился с преподавателем В.Г.Архангельским, оказавшим на него сильное идейное влияние⁴.

Сохранилось письмо Федорова, относящееся ко времени его учебы в семинарии. Оно написано 27 ноября 1899 г. и адресовано Н.В.Никольскому, студенту 1 курса Казанской духовной академии. В нем он пишет:

«Многоуважаемый Николай Васильевич!

Ваше письмо польстило мне до чёртиков. Но удовле-

творить Вашу просьбу — я решительно не в состоянии.

Во-первых, я сам, по поставленным Вами вопросам, не читал ни одной книжки. Удивляться этому не приходится: неуважение к прошлому своей народности я унаследовал от г. Яковлева, который, насколько мне известно, никогда (серьезно, «научно») не задумывался над вопросом: от обезьян какого света он происходит — старого или нового?

Во-вторых, с тем же г. Яковлевым я далеко не в таких нежных отношениях, чтобы бывать у него и расспрашивать его о безразличных для него вещах. Странного и в этом ничего не должно быть, если принять во внимание то обстоятельство, что мы, чуваша — народ крайне эгоистичный и необщительный. Можете представить против этого положения, если хотите, сотни возражений, но знайте, что я без боя не сдамся. Не знаю, что будет дальше впереди, а до сих пор я не встречал еще ни одного чувашенина-интеллигента, который бы в той или другой мере не оправдывал высказанного мною положения.

Мне кажется, по Вашим вопросам достаточно материала должно быть у вас же, в Казани. Архив братства (свяителя Гурия. — Г.А.), инородческой семинарии, крещено-татарская школа, гг. Бобровников*, Никифоров**, Ашмарин*** — ужели их не достаточно для Вас? Странно!...

Вам, вероятно, хорошо живется в академии. Одно слово «студент» — и то много должно влиять на настроение. А мы еще все киснем в семинарии. Положим уже последний год.

У нас с Кон. Ив. идет довольно дружная переписка. Он уже окончательно заинтересовал меня своим Баку. Там, дескать, черкешенок много «чудесных» (эпитет его). Писал он также мне, что г. Кондратьев остался от него в самом, что называется, пессимистическом настроении духа. Может быть Вы

* Николай Алексеевич — директор учительской семинарии.

** Федор Никифорович — уроженец села Альменево Ядринского уезда (ныне Вурнарский район). Обучался в Московской духовной академии, IV курс — последний — окончил в Казанской. С 1 июля 1896 г. — учитель мордовской начальной школы при Казанской учительской семинарии.

*** Николай Иванович — известный исследователь чувашского языка, этногенеза и фольклора. По окончании Лазаревского института восточных языков в Москве (1894) преподавал географию в Казанской учительской семинарии.

не поленитесь сообщить мне, где он теперь.

Весьма возможно, что на будущий год я переберусь к Вам, в Казань. Поэтому Вы окажете мне очень большую услугу, если заранее — хотя бы несколько — познакомите меня с академией.

Напрашиваться на переписку с моей стороны может быть несколько и невежливо, но что же делать? Я так дурно воспитан, что правилам вежливости подчиняюсь далеко не всегда.

Прощайте! Поклонитесь всем «нашим» и прочим знакомым.

Остаюсь Вашим слугою

Г.Федоров.

Поругайте, пожалуйста, Даулея*, — почему он не пишет? Уже ли подобное важничанье совместимо со званием «студента»?

Ф.»⁵

Из этого письма можно сделать вывод, что Федоров был уже знаком с Никольским до написания этих строк, что оно — его первое послание к нему. По-видимому, в своем первом письме к Федорову Никольский спрашивал о наличии исторических материалов о чувашах в Симбирске.

Окончив в 1900 г. семинарию по 1 разряду (с отличием), Г.Федоров стал учительствовать в Ивановской земской школе Самарского уезда. Поработав там два года, он поступил в высшее учебное заведение — известный Демидовский юридический лицей в Ярославле.

Летом 1905 г. Г.Федоров побывал в родной деревне, оттуда заехал в Симбирск. Здесь имел встречу с Д.П.Петровым, только что окончившим Симбирскую чувашскую учительскую школу. Последний в своей книге «1905 год среди чувашей» (Чебоксары, 1925) о встрече с Федоровым вспоминал так: «Летом 1905 г. в городе проходили митинги, а мы в школе переводили книги: Ф.Н.Николаев (Сергеев) — апостола Павла, а я исправлял текст псалтыря. В городе встречаю Гавриила Алюнова, он говорит мне: «Стыдно, что вы делаете? Сейчас надо переводить не Библию, а «Капитал»

* Крещеный татарин, товарищ Н.В.Никольского по академии.

Маркса». Я не знаю как и возразить, а лишь говорю: «Это мы и сами знаем»⁶.

Осенью 1905 г. Г.Федоров активно участвовал в революционных событиях в Ярославле. «Студент Федоров в ноябре и декабре постоянно агитировал среди фабричных рабочих г. Ярославля, призывал их к вооруженному восстанию и был одним из руководителей боевой дружины, образованной при Ярославском комитете РСДРП», — сообщил 27 января 1907 г. начальник Ярославского жандармского управления казанскому коллеге⁷.

Во время расстрела демонстрации в Ярославле 9 декабря 1905 г. Федоров был ранен⁸. Остаться в городе стало опасно, и Г.Федоров, студент IV — последнего — курса, оставив учебу, уехал на родину. Пожив некоторое время у отца (мать умерла 2 октября 1900 г.), он выехал в Казань, где устроился надзирателем (воспитателем) в общежитии инородческой учительской семинарии.

Гавриил Федорович стал регулярно встречаться с вышедшим из Казанской тюрьмы известным чувашским эсером-максималистом Т.Н.Николаевым (Хури). В Казань приехал и В.Г.Архангельский⁹, учитель Федорова, и устроился литературным сотрудником в редакции газеты «Волжский вестник».

В середине июня 1906 г. редактором-издателем этой газеты стала сторонница партии эсеров дворянка А.А.Знаменская. Архангельский был идейным вдохновителем газеты. Федорову дали должность секретаря редакции.

Еще до прихода в эту газету Г.Ф.Федоров опубликовал в ней 6 мая библиографическую заметку о брошюре В.И.Ленина «Пересмотр аграрной программы рабочей партии», изданной в Санкт-Петербурге в начале апреля 1906 г. В брошюре дан краткий анализ различных проектов программы, предлагаемых социал-демократами, и изложена собственная аграрная программа автора. Г.Ф.Федоров усмотрел в брошюре ряд непоследовательностей и отсутствие у Ленина четкой аграрной программы. Он охарактеризовал Владимира Ильича как «аграрного фокусника» и закончил статью выводом — «Книжечка читается с интересом, и читатель скажет: «Ай да Ленин, ловко умеет выворачиваться во всех положениях».

Свои статьи Федоров подписывал по разному: «Се —

рый», «Серый чувашин», «Серый крестьянин», «Симбиряк». Одна-ко с лета 1906 г. окончательно остановился на псевдониме «Алюн». С этого времени старое чувашское родовое имя стало и партийной кличкой Федорова, и его фамилией. Даже письма близким людям он подписывает «Алюн Кевёрли», то есть «Гавриил Алюнов». И лишь в полицейских документах он вплоть до 1909 г. именовался Федоровым.

23 и 26 июля под псевдонимом «Симбиряк» Федоров опубликовал фельетон «О двух генералах». По недвусмысленным указаниям в тексте легко можно было понять, что он направлен против Симбирского архиерея Гурия и инспектора Симбирской чувашской учительской школы И.Я.Яковлева. В публикации указывалось, что последний присвоил себе деньги, пожертвованные кем-то на Симбирскую чувашскую учительскую школу, а также участок земли, отведенный городской думой школе. Автор фельетона уверял, что «выстроенный на чужой земле дом и присвоенный на началах какой-то давности земельный участок» были проданы Яковлевым за 26 тысяч рублей, что он сократил стоимость содержания воспитанников в школе с 50 рублей в год до 40 и даже 30. Из-за чего ученики голодали, спали вповалку на грязном полу, наживали болезни и даже умирали.

30 июля и 1 августа фельетон перепечатала газета «Симбирские вести».

Напрашивается вопрос: почему выдающийся просветитель чувашского народа стал объектом столь жесткой критики своего ученика? Не потому ли, что тот когда-то сильно обидел автора? Скорее всего, причину нападков можно объяснить негативным отношением Яковлева к революции и революционерам. Известно, что в 1905 г. он ездил по деревням Буинского уезда Симбирской губернии и отговаривал крестьян от самовольного захвата частновладельческих, церковных и прочих земель. После этих поездок самозахват земли в уезде прекратился.

И.Я.Яковлев считал, что суть не в том или ином режиме (царском или нецарском), что надо и можно работать ради дела при всяком правительстве. «Во мне самом, — писал он, — никогда ничего не было революционного. Я всегда считал, что всего можно достигнуть без потрясений, насилий, мирным путем»¹⁰.

Печатая статьи против Яковлева, Федоров хотел ослабить его влияние на чувашский народ, мечтая подтолкнуть трудящихся к активному участию в революционных событиях.

27 августа Федоров напечатал статью под заголовком «Два слова о щедринских героях». В ней, в частности, он писал: «В настоящее время горит, выражаясь фигурально, вся Россия — в этом уже никто не сомневается... Отчего «мероприятия» правительства дают в результате вместо «успокоения» умножение беспорядков и волнений? Да оттого, читатель, что наш правительственный механизм сфабрикован из хлама и отбросов и, по своей конструкции, совершенно не приспособлен к удовлетворению наболевших нужд 100-миллионного народа; оттого, что развившийся во всей империи пожар нельзя тушить скоропалительными судами и массовыми убийствами пробудившихся и пробуждающихся от векового сна граждан; оттого, что в XX веке нельзя управлять великой империей пулями, штыками и нагайками; словом — оттого, что бюрократия делает все, за исключением одного: она не хочет отказаться от прав расточительного и ни на что полезное неспособного хозяина и уступить свое место полноправному народному представительству».

А в статье «Сытые о голодных» от 6 сентября Федоров рассказал о следующем. В голодный 1891 год его отец — сельский староста — участвовал в распределении и раздаче ссуд голодающим односельчанам. Был составлен список наиболее нуждающихся крестьян. Земский начальник ознакомился с ним, был поражен размером испрашиваемой ссуды и количеством голодающих. Чиновник решил лично разобратся и в один из июльских дней в сопровождении волостного старшины, писаря, трех урядников и 30 понятых, т.е. крестьян из окрестных селений, нагрянул в деревню. У всех, кто был включен в список на получение ссуды, произвели тщательный обыск. У некоторых крестьян при этом нашли несколько десятков пудов хлеба. Отец Федорова по-русски объяснялся плохо, и Гавриилу пришлось исполнять роль переводчика. Он объяснил земскому начальнику со слов отца, что сельчане не надеялись получить помощь в необходимом объеме и, по их мнению, все то, что у них нашлось, будет израсходовано ими в самое непродолжительное время.

Земский начальник сократил размер ссуды. В результате в деревне в скором времени началась цинга.

В статье «На почве земельного голода», напечатанной 12 сентября, Федоров сообщил, что из-за нехватки земли чувашские и татарские крестьяне трех волостей Буинского уезда с будущего года хотят распределить всю наличную землю, включая удельные и казенные оброчные земли.

Не осталось вне критики Г.Ф.Федорова и школьное образование. 10 сентября он напечатал статью «О родительских комитетах и совещаниях». Причиной для написания этой статьи явилось предложение Министерства народного просвещения возобновить при средних учебных заведениях родительские совещания и комитеты. Федоров писал, что для правильного течения учебных занятий требуется не учреждение родительских комитетов и совещаний, а коренная реформа всего учебно-воспитательного строя.

В статье «Под сенью Богородицы» от 29 сентября Г.Ф.Федоров подверг критике печатные издания монастырей.

Объектами политической критики Г.Федорова являлись премьер П.А.Столыпин (статья «Столыпинская логика» от 5 октября), октябристы и их лидер А.И.Гучков (статьи «А.Гучков в роли примирителя» от 14 сентября, «К поволжскому съезду октябристов» от 22 сентября), реакционные движения (статьи «Черносотенный террор», «Истинно-русское разоблачение», «О некоторых ограничениях» от 7, 13, 15 октября).

По инициативе Г.Ф.Федорова и Т.Н.Николаева (Хури) создается комитет по созыву в Симбирске съезда чувашских учителей и деятелей просвещения. На форум съехались не менее 50 учителей из Казанской, Симбирской, Уфимской и Самарской губерний. Съезд состоялся 1—2 августа нелегально. На нем решили создать союз интеллигентных чувашей и назвать его «Кружок по образованию чуваш». Часть эсеров во главе с Хури хотела поставить создаваемую организацию под эгиду своей партии. Но социал-демократ М.Д.Демьянов выступил категорически против. Г.Ф.Федоров, представившись беспартийным, сумел повлиять на делегатов. Съезд решил, что союз чувашских учителей — организация не партийная, а профессиональная и является филиалом Всероссийского союза учителей. Гавриила Федоровича избрали председателем комитета организации.

Как избранный съездом член редакционной комиссии Федоров участвовал во взятии в руки эсеров издания чувашской газеты «Хыпар», основанной Н.В.Никольским 8 (21) января 1906 г.

О работе съезда он 5 августа рассказал в газете «Волжский вестник». Федоров писал, что съезд учителей созван группой молодых чувашских интеллигентов для обсуждения возможности объединения всех прогрессивно настроенных педагогов в союз с широкими просветительными и политическими задачами. «Можно смело надеяться, — писал Гавриил Федорович, — что народившемуся союзу удастся объединить если не всех, то, по крайней мере, большинство деятелей по образованию чуваш, и сыграть в деле развития общекультурного и политического самосознания чуваш крупную роль».

16 августа Г.Ф.Федоров был задержан на сходке в квартире бывшего мирового судьи Куприянова, но вскоре отпущен.

Осенью 1906 г. казанские эсеры от слов перешли к террору. 25 сентября боевики совершили налет на вице-губернатора Кобеко — бросили под его карету две бомбы. Одна из них взорвалась и ранила Кобеко. Власти активно занялись поисками злоумышленников. 30 сентября на квартире Федорова был произведен обыск. Ничего предосудительного при этом обнаружено не было.

Здесь уместно заметить, что среди чувашских эсеров в то время во взглядах на применение террора единодушия не было. Участник революционных событий 1905 г. Д.П.Петров вспоминал: «По вопросу о терроре большинство чувашских революционеров колебалось, некоторые категорически выступали против него (Г.Алюнов), только Т.Н.Николаев с двумя-тремя молодчиками непоколебимо стоял за его применение. Николаев, осуждая Алюнова за непризнание террора, говорил ему: «Ты не эсер, ты — социал-демократ». А тот отвечал: «Не обижаюсь, ведь марксизм — высшая ступень научной теории». — «Почему же тогда ты не вместе с социал-демократами?» — спрашивал Николаев. Алюнов отвечал, что у чувашей нет рабочего класса, а социал-демократия — это партия рабочего класса, а раз нет класса — нет и партии, вот и приходится числиться эсером. Петров замечает: «Это он говорил как бы шутя, но сказанное им носило серьезный характер: это чувствовалось в его речах, замечалось и в его

письмах ко мне из Берлина»¹¹.

13 октября в Казани взлетела в воздух химическая лаборатория по изготовлению взрывателей. При взрыве погибли четыре террориста, личности троих полиции удалось установить. Ими оказались студенты университета Сергей и Михаил Зефиры и В.П.Васильев, убийца Пензенского полицей-мейстера. М.Зефирин незадолго до взрыва был сотрудником «Волжского вестника». Это привлекло внимание жандармов к газете.

В архиве сохранилось сообщение, отправленное из Казани в Петербургский департамент полиции: «13 октября в задней комнате редакции «В.В.» («Волжского вестника». — Г.А.) происходил около 12 ч. дня тайный разговор между находившимися там Виктором Постниковым*, Гавриилом Федоровым, председателем боевой дружины Исидором Игнатьевым (редактор чувашской газеты «Хыпар»)** и пришедшим неизвестным. Последний объявил, что «все готово». Тогда Игнатьев произнес: «Значит нужно послать сказать Зефирину, что начальник управления (жандармского. — Г.А.) поедет сегодня около 2-х часов дня в крепость (в кремль. — Г.А.). И затем был куда-то послан мальчик. Агентурным путем было установлено, что он ходил к Зефирину в квартиру, где потом произошел взрыв»¹².

Ночью 16 октября жандармы пришли к Г.Ф.Федорову и произвели обыск. При этом они обнаружили следующие вещи:

1. Печатный устав Всероссийского союза учителей и деятелей по народному образованию.

2. Литографированные выборки по вопросам тактики из журнала 1-го Всероссийского съезда учителей.

3. Лист бумаги, на котором были написаны чернилами «Заметки по аграрному вопросу: как учат социал-демократы и социалисты-революционеры».

4. Полулист писчей бумаги, на котором была написана карандашом резолюция «Союза интеллигентных чуваш» о порядке борьбы с правительством.

* Сотрудник газеты, студент ветеринарного института.

** Сидор Игнатьевич Игнатьев — уроженец села Игорвары Цивильского уезда. С 9 августа 1906 г. редактор «Хыпара». 31 октября 1906 г. был заключен в тюрьму.

Гавриила Федоровича увели в Казанскую тюрьму. За принадлежность к партии эсеров были арестованы и остальные сотрудники «Волжского вестника».

24 октября Федоров пытается тайно передать из тюрьмы записку редактору-издателю газеты А.А.Знаменской. Она должна была эту записку переслать в Ярославль Е.Р.Верховой. Однако послание, вложенное в дверь из прихожей в комнату свиданий, было обнаружено жандармским унтер-офицером и представлено начальнику Казанского жандармского управления. Федоров пишет:

«Многоуважаемая Елена Романовна!

Спасибо Вам за письмецо. Я его получил сегодня в губернской тюрьме. О моем аресте Вы, вероятно, уже знаете. Я об этом просил написать, еще про арест, г-жу Шихобалову, надзирательницу учительского пансиона и сотрудницу «Волжского вестника»; о том же написал С.А-чу через жандармское управление третьего дня.

Я решил было бесповоротно покинуть Казань не позднее 20 числа октября, да, как видите, не удалось — засадили. Настроение у меня пока приличное, так как я не теряю надежды, что меня на этих днях выпустят на волю. Единственная серьезная улика против меня та, что состоял секретарем «Волжского Вестника»; было бы слишком чудовищно, если бы за такой совершенно лояльный и мирный труд продержали долго и выслали в места хотя бы не столь отдаленные...

Политических в нашей тюрьме около 50 человек, большинство — студенты. Из этого числа в общих камерах содержится 35 человек. Последние находятся в близком общении друг с другом и пользуются общей прогулкой в продолжение двух с половиной часов ежедневно. В.Г. (Архангельский. — Г.А.) первые дни сидел в одиночке, а в настоящее время мы с ним с одной камере. Его дело немножко серьезнее моего...

После освобождения тотчас выеду в Ярославль и предамся науке. Думаю, что те репрессии, о которых говорится в «С.Р.», меня не коснутся. Во всяком случае для отчаяния я не имею пока никакого повода.

* Северная речь — ярославская газета, выходившая 20.VI.—31.XII.1906 г.

Поклон Ник. Вас. и всем Вашим студентам и студенткам. Признаться, я уже порядочно соскучился по Ярославлю: такой детворы, как у Вас, и такого уютного угла, как у Вас же, я ведь не видел уже больше 5 месяцев. Пока всего наилучшего. Поклон С.А-чу. За хлопоты — ему спасибо. Остаюсь в полном здравии и в полной надежде на скорое освобождение.

Г.Федоров.

Казанская губернская тюрьма, камера № 11.

22 октября 06 г.»

Начальник Казанского жандармского управления полковник Калинин выслал копию записки в Ярославское жандармское управление с просьбой сообщить о политической благонадежности Федорова и Верховой.

27 октября у А.А.Знаменской тоже был произведен обыск. У нее обнаружили записку неизвестного автора на имя Николаева (Хури) с рецептом для окраски волос. Полковник Калинин сообщал начальнику Пензенского губернского жандармского управления: «Редактор-издательница газеты «Волжский вестник» Знаменская принимает живейшее участие в деятельности организации партии социалстов-революционеров, помогает ей деньгами, дает работу в газете всем приезжающим в Казань нелегальным, а в помещении редакции, при которой и квартира Знаменской, постоянно бывает сходка членов этой организации...»¹³ 4 ноября он же доложил в департамент полиции: «Каждый номер «Волжского вестника» был наполнен самыми зажигательными статьями, направленными к возбуждению умов населения, причем часто печатался чистейший вымысел о самом незначительном событии с одной предвзятой целью: подействовать на малоразвитого читателя и восстановить его против правительства и представителей местной администрации»¹⁴. А 15 ноября полковник ставит в известность губернатора М.В.Стрижевского, что Знаменская, Архангельский, Федоров и Постников принадлежат к местной организации партии эсеров, до своего ареста составлявшие в Казани центр, вокруг которого группировалась вся организация. Калинин утверждал, что газета «Волжский вестник» — орган этой организации¹⁵.

8 декабря Г.Ф.Федоров известил губернское жандармское управление, что в ближайшее время к нему на свидание придут отец Ф.А.Алексеев и кум Д.С.Степанов, которые могут говорить только по-чувашски. «Ввиду того, — писал он, — что они придут издалека (120 верст на лошадях), и, в случае моей высылки, я не увижу их более, прошу дать им свидание не менее двух раз, по 1 часу каждое». Прокурор Казанского окружного суда удовлетворил его просьбу.

Министр внутренних дел решил сослать Г.Ф.Федорова, В.Г.Архангельского и В.А.Постникова под гласный надзор полиции в Тобольскую губернию на три года, определив начало ссылки с 11 декабря 1906 г. А.А.Знаменская была выслана на 3 года за границу. Федоров и Архангельский были отправлены из Казани под конвоем 3 января 1907 г., Постников — 17-го. Прибыв в Тюменскую тюрьму и находясь там в ожидании отправки в Березовский уезд, Федоров узнал, что ссылка ему заменена высылкой в Германию по ходатайству совета профессоров Демидовского лицея. Так он оказался в Берлине. В своей книге «1905 год среди чувашей» Д.Петров вспоминал: «В своих письмах из Берлина Гавриил Алюнов очень хвалил немецких социал-демократов. В одном из писем он сообщил мне, что разговаривал с Ледебуром*, что последний знает хорошо о чувашах и других малых народностях, чем восхитил своего собеседника. Алюнов в том письме отметил, что в Германии о чувашах знают лучше, чем в России»¹⁶.

Из Берлина Г.Ф.Федоров прислал в симбирскую газету «Волжские вести» корреспонденцию под названием «Сплошная драма». 27 апреля 1907 г. она была опубликована. В ней сообщалось, что в голодный 1901 год экономии на питании в Симбирской чувашской школе, где «вместо щей подавали какую-то вонючую жидкость, вместо хлеба — какой-то суррогат, вместо каши — какие-то пшениные коми». Экономия, якобы, составила крупную сумму, которая ушла на покупку дома Яковлева.

Жить все три года ссылки в Германии Г.Ф.Федоров не мог из-за отсутствия денег: он решил нелегально вернуться на родину досрочно. Друзья сделали ему подложный пас-

* Георг Ледеbur — немецкий социал-демократ. В течение ряда лет — член ЦК немецкой социал-демократии. В 1900-18 и 1920-24 годы — депутат рейхстага.

порт. В Симбирском комитете эсеров Д.П.Петров получил чистый бланк паспорта, на котором стояла печать Большеберезниковского волостного старшины Карсунского уезда Симбирской губернии. Петров вписал в паспорт фамилию Соколова Софрона Яковлевича — крестьянина села Березники. Этот паспорт был послан Петровым в Берлин, и в мае 1907 г. Г.Ф.Федоров вернулся в Россию, остановился в Казани. В какой-то момент беглец оказался в поле зрения жандармов. Об этом можно узнать из документа, хранящегося в Национальном архиве Республики Татарстан. Название этого документа — «Сведения о лице, состоящем членом партии социалистов-революционеров, имеющиеся в Казанском губернском жандармском управлении, с 18 августа 1907 г.» В листке имеются следующие сведения о Федорове:

«Звание: бывший студент Демидовского лицея.

Приметы: высокого роста, блондин, лет около 30, маленькая бородка буланже, усы большие, волосы длинные. Одет: черный пиджак, брюки на выпуск, новая черная шляпа.

Имеется ли в Управлении фотографическая карточка: имеется.

Где ныне проживает: купеческие №№.

Деятельность по партии: бежавший из места ссылки (из Германии)».

Гавриил Федорович стал жить в Самаре. 16 марта 1908 г. симбирская газета «Народные вести» опубликовала его «Письмо в редакцию». В нем он повторил все те же обвинения в адрес И.Я.Яковлева, какие уже были высказаны в его предыдущих газетных публикациях. Яковлев, прочитав «Письмо», тотчас обратился с заявлением к прокурору Симбирского окружного суда о привлечении автора к суду, который был назначен на 18 марта 1908 г. еще до появления названного «Письма».

Здесь необходимо сказать о предыстории этого суда.

3, 22, 24 марта 1907 г. газета «Симбирские вести» опубликовала статью Д.П.Петрова «Современная бурса». Этот же автор 29 марта в газете «Вестник народа» напечатал статью «О забытом уголке», а 1 мая в газете «Волжские вести» увидела свет его статья «Из области уголовных преступлений». 27 апреля «Волжские вести» поместили статью Г.Ф.Федорова «Сплошная драма». Все четыре публикации были

направлены против Яковлева, порочили его честь и деловую репутацию. 15 мая Иван Яковлевич обратился в Симбирский окружной суд с иском о привлечении к суду Петрова, редакторов и издателей упомянутых газет. Дело слушалось 23 ноября 1907 г. Суд признал редакторов и издателей виновными в клевете и приговорил их к различным срокам заключения. Обвиняемые ходатайствовали о пересмотре решения суда. Дело слушалось вторично в Симбирском суде 18 марта 1908 г.

14 апреля 1908 г. Г.Ф.Федоров обратился с письмом к Ф.Д.Данилову, преподавателю чистописания Симбирской чувашской учительской школы. Признаваясь в авторстве фельетона «О двух генералах», он в свое оправдание пишет, что фельетон был состряпан наспех. Гавриил Федорович писал:

«Письмо это Вы должны получить, по моему расчету, в дни, когда в Чувашской школе говеют. Я лишен этого утешения уже 2-й год и хочу заменить его маленькой исповедью, которая, надеюсь, не покажется Вам странною. Я знаю Вас уже 12-й год, за этот длинный период времени между нами не возникало никаких недоразумений на почве взаимного понимания. Мало этого: между нами нет и не может быть ничего, из-за чего я мог бы говорить Вам неправду. Я уверен, что Вы согласны с этим, и потому обращаюсь к Вам, дорогой Федор Данилович, с настоящим письмом. За последние два года вокруг и около моего имени создавалась ложь, которая, по доходящим до меня сведениям, с особенной энергией культивируется в стенах Чувашской школы, и мне хочется, чтобы хоть один человек в этом учреждении знал правду. Около месяца тому назад я намеревался избрать своим собеседником Дмитрия Ивановича*. Но после того, как я встретил его фамилию в отчете о делах 18 марта в «Симбирянине»**, я уже не могу этого сделать. При всем скромном мнении о себе, я не могу быть откровенным с человеком, который делает себе карьеру ценою позора. (На этих днях я

* Кочурова, преподавателя Симбирской чувашской школы. 18 марта 1908 г. он по просьбе И.Я.Яковлева присутствовал на суде в качестве свидетеля.

** Симбирская газета.

получил известие, что он претендует на инспектуру*.) Мне было больно хоронить человека, с которым я делил все в продолжение многих лет, но жизнь, как Вы знаете, сильнее желаний и не щадит никаких иллюзий.

Исходным моментом для лжи, о которой я упомянул выше, стал последний мой фельетон. Каждый, кто читал его, конечно имеет определенное мнение об его содержании и авторе. Но для того, чтобы судить беспристрастно о каком бы то ни было литературном произведении, необходимо знать ту конкретную обстановку, в котором оно увидело свет. К сожалению, последнее обстоятельство в отношении к моему фельетону известно только мне и госпоже Знаменской. А заключается оно в следующем. За день до появления этого фельетона были внезапно арестованы все ответственные сотрудники «Волжского Вестника», за исключением госпожи Знаменской и меня. (Архангельского в это время в Казани не было.) Мы уже второй номер составляли с ней вдвоем. Была суббота. Я работал с утра как вол: делал вырезки, правил хронику, написал передовицу, принимал посетителей. Голова не мыслила, а горела. Около 2 ч. пополудни вошла в редакторскую комнату Знаменская и заявила: «А ведь у нас для праздничного номера фельетона, кажется, нет?» (Привожу ее слова, конечно, только приблизительно.) И у меня с быстротой молнии создался план фельетона, которому суждено было получить и громкую и печальную известность. Я ей сказал, что фельетон будет, и приблизительно часа в полтора написал то, что было помещено в воскресном номере. До сдачи в набор никто, кроме меня, не знал, о чем я написал, так как я пользовался полным доверием Знаменской. Последняя читала при сводке и осталась очень довольна. На другой день уже с утра стоял около «генералов» шум. Я перечел написанное «по-печатному» со свежей головой, и тут только понял, какую кашу я заварил. Оказалось, вместо фельетона получился у меня «непристойный пасквиль». (Так назвал его в письме Алексей Иванович**.) Публика была в

* С сентября 1908 г. Д.И.Кочуров занял должность инспектора четырехклассного городского училища в городе Ханская Ставка Астраханской губернии.

** Старший сын И.Я.Яковлева, в указанное время приват-доцент Московского университета.

восторге, в том числе и Знаменский, которого я в этот день случайно встретил в столовой. Но мне, ей Богу, было не до восторга. А закончил я свой фельетон в понедельник, уже главным образом потому, что надо было начатое кончить. Я признаю, что в этом фельетоне вылилась та желчь, которая скопилась у меня за лето под влиянием слышанного о подвигах Яковлева до продажи дома с участком земли включительно. Но, находясь в нормальных условиях, я изложил бы свои мысли, вероятно, иначе. Факт, что я отказался перевести свой фельетон на чувашский язык и пустить в «Хыпаре», ручается за это в достаточной степени. Примите все это во внимание и судите, насколько я в этом случае виновен и насколько «грязна» эта каша.

Вторым моментом является съезд^{*}. Мое участие в этом съезде было ничтожно и в значительной мере пассивное. В первом заседании я даже не присутствовал, так как запоздал с приездом. Второе заседание продолжалось не более 3-х часов, и за это время было решено большое количество вопросов. В числе этих вопросов самым серьезным и почти роковым для организовавшегося «Кружка» был, конечно, вопрос о порицании действий Яковлева. Я сознаю, что это было сделано слишком поспешно, но в то же время должен сказать Вам следующее. Когда вчерашние рабы (да простится мне эта вульгарность!) впервые собрались, как свободные граждане, они психологически не могли не дать оценку действий человека, который давил их в продолжение многих лет. Так было всегда, так, вероятно, будет и впредь. Если бы Яковлев имел способность понимания момента, то, конечно, не встретил бы депутатов под охраной полицейского^{**}. Но этой способности у него не оказалось, и началась обычная для него вакханалия. «Кружок», устав которого был напечатан с разрешения

^{*} Съезд чувашских учителей, состоявшийся нелегально 1—2 августа 1906 г. в Симбирске.

^{**} Д.П.Петров в своей книге «1905 год среди чувашей» об этом факте рассказал так. Съезд чувашских учителей решил послать депутацию к И.Я.Яковлеву и просить его перейти на сторону революции или оставаться в этом вопросе нейтральным. Депутация во главе с Т.Н.Николаевым (Хури) ходила к Яковлеву домой. Узнав, зачем явилась депутация, Яковлев сказал: «Замолчите, хватит, убирайтесь немедленно!» Николаев стал пререкаться с ним, и Яковлев пригрозил, что сейчас же вызовет полицию. Депутация, не желая иметь свидетелей своего визита,

цензуры, был объявлен революционным, Яковлев дал Аннибалову клятву, что не он будет, если не уничтожит его в корне. (Так передавали источники, не верить которым я не мог) и т.д. А между тем это была безусловно ложь. В бытность оного в Казани мне не раз предлагали вступить в партию, так как «В.В.» по какому-то недоразумению считался партийным органом. Но я отклонял это предложение, каждый раз ссылаясь на то, что я состою председателем комитета беспартийной организации. Но до всего этого Яковлеву не было, по-видимому, никакого дела, так как он унизился до провокаторского доноса на меня Казанскому губернатору. Вам это кажется чудовищным? Слушайте. Спустя приблизительно неделю после меня в губернскую тюрьму привезли Игнатьева, редактора «Хыпара»^{*}. Он оказался арестованным при крайне загадочных обстоятельствах. Когда он возвращался ночью из театра, его внезапно окружила полиция. «Ваша фамилия Федоров?» — обратился к нему начальник наряда. Он назвал свою фамилию и в удостоверение предъявил паспорт. Произошло замешательство. Но это продолжалось недолго. «Ну, все равно: там разберут» — произнес начальник, и Игнатьева повели в участок. Вскоре дело разъяснилось. Из канцелярии губернатора сообщили в тюрьму, что на меня, уже после ареста, был получен донос из Симбирска от одного высокопоставленного чувашина. Этим лицом мог быть, конечно, только Яковлев.

Если я раньше Яковлева ненавидел за все его подвиги, то с этих пор я стал его презирать. Вы подумайте: разве мыслимо питать иное чувство к человеку, который способен на такой подлый донос? При этом имейте в виду, что в ссылку я попал исключительно благодаря его доносу. За меня ходатайствовал совет профессоров перед Министерством (народного просвещения. — Г.А.) и губернатором, причем, по словам товарища прокурора, видевшего собственными глазами ходатайство на имя губернатора, Совет дал мне редкую характеристику. Казанская жандармерия не могла найти про-

скрылась в саду пиколы и перелезла через забор.

^{*} Это было 31 октября 1906 г.

тив меня ничего по той простой причине, что я не участвовал ни в одном нелегальном собрании и действии. И, несмотря на это, был сослан, так как доказательств не требовалось. И после всего этого Яковлев публично заявляет, что я сослан «за революционную деятельность», наивно полагая, что его донос остался неизвестным. В свое время я постараюсь извлечь этот документ на свет божий и показать, каковы бывают люди, ратующие за «честность и благородство...»

Перехожу к третьему моменту. Мое письмо в редакцию «Народных Вестей» увидело свет только по недоразумению, а приложение к нему — исключительно по недосмотру редакции и без моего на то согласия. Произошло это следующим образом. Когда я узнал о том, что на 18 марта назначены ко второму разбирательству дела Яковлева с симбирскими редакторами, я, как автор двух инкриминируемых вещей и, следовательно, нравственно обязанный помочь людям, оказавшим мне доверие, сообщил то, что уже опубликовано. Но, сообщая разъяснения к фельетону и статье «Сплошная драма», я разрешил им напечатать только письмо, но ни в коем случае не приложение к нему, — причем в том лишь случае, если они найдут это нужным и полезным. Из отчета о заседаниях суда я вижу, что такой надобности не было, так как и редактор и издатель отрицали сознательное отношение к фельетону. Произошло, значит, явное недоразумение. А каким образом редакция могла опубликовать приложение — для меня неразрешимая загадка. Дело в том, что, по установившемуся обычаю, всякая ответственная вещь, представленная для напечатания, сопровождается указанием на источники и комментариями, причем эти источники и комментарии составляют безусловную редакционную тайну и ни в коем разе не могут быть опубликованы. Но в данном случае произошло нечто нелепое и, конечно, вся ответственность за это пала на меня. Понять смысл происшедшего может всякий, знающий толк в газетном деле. Но искать этого понимания в людях, задетых приложением, не приходится... По получении номера с письмом и приложением я был поражен, как ударом молнии, и тотчас послал в редакцию резкое письмо с просьбой напечатать соответствующее заявление. Но до сих пор никакого заявления я не вижу. Я послал также и «Мой ответ

И.Я.Яковлеву». Если и то, и другое не будут напечатаны, то я, конечно, прерву всякие сношения с этой редакцией, способной на оплошность, граничащую с подлостью.

Я должен сознаться, что кампания против Яковлева была в общем неудачна, по крайней мере по форме. Но я могу поклясться именем своей матери, что в этом случае личные соображения мне были чужды. Под влиянием слышанного и лично известного мне хотелось только засвидетельство — вать публично, что на нашей Шипке далеко не все обстоит благополучно, что человек, в котором многие видят воплощение национальной идеи, стоит не на высоте своего ответственного положения в самом прямом и даже примитивном смысле этого слова. Добился ли я чего-нибудь? Я этого не знаю, так как оторван от той среды, интересы которой я защищал.

Я сказал все, что хотел сказать. В заключение только попрошу Вас: пусть об этом письме знает только Ваша супруга — Д.Т-на, которой я шлю сердечный, почти сыновний привет. Сывă пулăр, ман пек усал-телейсĕр ан пулăр».

3 июня 1908 г. это письмо Г.Ф.Федорова было передано Ф.Д.Даниловым И.Я.Яковлеву¹⁷.

27 августа того же года Г.Ф.Федоров обратился с письмом к Л.Н.Толстому. В нем он просил великого писателя указать тех почитателей его таланта, которые могли бы дать деньги чувашским интеллигентам для издания произведений Толстого на чувашском языке¹⁸.

Через несколько дней, 31 августа, Г.Ф.Федоров написал А.В.Рекееву, священнику села Байглычево Тетюшского уезда Казанской губернии:

«Дорогой Алексей Васильевич!

На днях я был в Симбирске и читал ваше письмо к моему ученику и другу, А.С.Степанову. Письмо ваше произвело на меня сильное впечатление. Оно напомнило мне одно из посланий апостола Павла, в котором он, Павел, восклицает: «Все меня оставили!» Я не буду касаться всего содержания вашего письма, от которого веет глубокою скорбью и отчаянием, а скажу лишь несколько слов о своем отношении к вам.

Вы напрасно думаете, что я забыл вас. Нет, я вас не забыл. Как всякий человек, я имею, несомненно, много недо-

статков. Но не в моих привычках забывать людей, от которых я, кроме доброго, ничего не видел. Правда, до меня в разное время доходили известия, будто вы крайне неодобрительно и даже недоброжелательно отзывались обо мне, будто вы счи- таете меня за человека, задавшего целью «уничтожить» то, что создано великим Ильминским* и его выучеником Яков- левым, будто, на ваш взгляд, я порвал все связи с чувашами. Но, откровенно говоря, известия эти не внушали мне дове- рия, ибо не было причин и оснований для такого рода инси- нуаций по моему адресу... Ваше письмо на имя А.Ст-ча убе- дило меня, что я был прав в своем неверии...

Насколько мне помнится, мы беседовали с вами, в раз- ное время, по многим вопросам, так или иначе затрагиваю- щим интересы чуваш и далеко не во всем мы сходились. Но, ведь, это так естественно и понятно. Отцы и дети всегда спорили между собою и спорят, но это никогда не мешало и не мешает им уважать и даже любить друг друга. И я не вижу причин для того, чтобы мы составляли из общего пра- вила печальное исключение...

Вы просите меня непременно побывать у вас в случае, если я загляну в Темяши*. По-видимому, о моем положении вы имеете несколько ошибочное представление. Раньше де- кабря 1909 года я не могу бывать на родине без риска, что меня арестуют и отправят в Березовский уезд Тобольской губернии. Комментировать это обстоятельство, думаю, излиш-не, тем более, что А.Ст-ч, вероятно, побывал у вас и рассказал вам о моих обстоятельствах.

Вы пишете, что не прочь оказать мне посильную под- держку, если я нуждаюсь в средствах. Я выражаю вам искреннюю признательность за такое сочувствие. Нуждаюсь ли я в средствах? Откровенно говоря: да. Если бы не эта нужда, я бы не вернулся в Россию из-за границы. Пользуясь «невольным» случаем, я бы пожил в Германии, Швейцарии, Франции и других странах, и по истечении 3-х лет явился в лицей с надлежащей подготовкой для того, чтобы остаться при нем профессорским стипендиатом (т.е. в аспирантуре. — Г.А.). Последнее было бы для меня не только возможно, но

* Аслă Пăла Тимеш — родная деревня Г.Ф.Федорова.

и легко: мною сданы уже окончательные экзамены по 11 предметам и по всем на высший балл, мною были заинтересованы многие профессора, с директором во главе... Скажу и то, что, когда я был арестован в Казани и когда об этом стало известно в лицее, то совет профессоров ходатайствовал о моем освобождении одновременно: пред Казанским губернатором, пред министром народного просвещения и пред премьером, причем, по словам товарища прокурора, от которого я узнал об этом, совет дал мне редкую характеристику в отношении моих успехов в научных занятиях... Удастся ли мне осуществить мою мечту теперь? — Не знаю и, во всяком случае, сомневаюсь. Заботы о пропитании отнимают у меня слишком много времени и часто не дают необходимого покоя. Говорят, что бедность — не порок. Может быть это и так. Но в некоторых случаях она, бедность, служит великой помехой...

Если вы захотите написать мне писульку и выслать сколько-нибудь денег (цифры, по понятным причинам, я не называю), то устройте это, пожалуйста, так, чтобы никто этого не знал. С одной стороны, крайне необходимо сохранить мне в тайне свое пребывание в Самаре: почему — об этом я сказал выше; с другой стороны, я дорожу спокойствием отца, которому время от времени высылаю кученеч (угощение. — Г.А.). Если это условия для вас почему-либо окажется не приемлемым, то самое лучшее — останемся только друзьями. Если же вам кажется мое настоящее слово жестким, то, ради всего святого, извините меня великодушно. Ваттисем çамрăк-сене қасарни, ман шухăшпа, пит сáваплă япала въл...

О себе — будет: боюсь надоесть вам. Скажу еще несколько слов по поводу той части вашего письма, которая касается общих дел. Вы пишете, что казанский иерарх не благоволит к инородцам. Это так и должно быть. У этих людей так называемое «равенство» существует только в речах. И то сказать: заветы Ильминского забываются не только русскими иерархами — их плохо помнят и вчерашние пахари. Даже сама личность великого начальника инородцев, с ее заслугами, предается забвению. Стремление к карьере, чего бы это ни стоило, — вот что обурекает многих из так называемых верных последователей великого покойника. Как будто место красит человека, а не человек — место...

Впрочем, вы старше меня и больше меня наблюдали.

Ну, Алексей Васильевич, сыв пулӑр та пур пулӑр, ман пек телейсӑр ан пулӑр. Турӑ сире тӑрлӑ усал ҫынсенчен лайӑх сыхласа усратӑр. «Бог не захочет — свинья не съест» теҫе вырӑссем, ҫавна асра тытса тӑрӑр вара. Сердечный привет от меня матушке и учительнице.

Мой адрес: Самара, губернская земская управа, Сергею Васильевичу Терпугову, для Г.Ф. Это мой хороший знакомый и очень хороший человек. Письмо, адресованное на его имя, не должно пропасть»¹⁹.

Рекеев ответил Федорову. Гавриил Федорович послал ему второе письмо, но не дождался ответа в связи с нелегальным отъездом в Гельсингфорс (ныне Хельсинки). Отсюда в октябре 1909 г. он отправил третье письмо А.В.Рекееву. Это письмо сохранилось в Чувашском национальном музее, в нем написано так:

«Добрейший Алексей Васильевич!

На свое второе и последнее письмо из Самары я не получил от Вас ответа. Объясняю и это обстоятельство просто случайностью. Мне почему-то кажется, что то благожелательное отношение, которое я встречал в Вас со времени нашего знакомства, т.е. в течение многих лет, не могло сколько-нибудь измениться под влиянием содержания означенного письма. Если только мне не изменяет память, в нем я ограничился изложением когда-то доходивших до меня «слухов», связанных с моей временной неволей, и некоторых основанных на них выводов, в которых Вы не могли усмотреть чего-либо нового и непростительного для их автора. «Понять — значит простить», — говорит вековая мудрость. А я никогда не сомневался — и не сомневаюсь — в Вашей способности понимания увлечений и ошибок «молодого поколения», не могу сомневаться и в том, что Вы, по своей доброте и широкой терпимости к чужим мнениям, простите мои прегрешения, вольные или невольные. И эта уверенность дает мне смелость обратиться к Вам с настоящим письмом.

Дело в следующем. Приблизительно через месяц мне необходимо уехать за границу с тем, чтобы вернуться оттуда «свободным» гражданином. Предприятие это, помимо всего прочего, требует значительной суммы денег — 100 р. До сих

пор я надеялся, что такой суммой снабдит меня один доброжелатель с солидным служебным положением, но сегодня получил от него письмо, в котором он пишет, что, несмотря на данное обещание, не может выручить меня, так как со дня на день ждет «выставки». Известие это заставило меня крепко задуматься... И вот я вспомнил о Вас и о выраженной Вами не так давно готовности оказать мне поддержку в случае нужды, и обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: не можете ли Вы, Алексей Васильевич, выслать мне необходимую для меня на предмет легализации ту сумму, или хотя бы 75 рублей? Знаю, что беспокою Вас без всякого на то права, но в то же время смею надеяться, что моя просьба найдет место в вашем добром и отзывчивом сердце.

О своем житье-бытье на этот раз распространяться не буду: оно серо и протекает в тумане. Могу только сообщить следующее. Не очень давно я познакомился с одним из здешних профессоров[^]. Оказалось, что лет 8 тому назад он побывал во многих селах Симбирской и Самарской губерний. Весной он намерен предпринять новую экскурсию с целью ознакомления с мифологией чуваш и других инородцев Среднего Поволжья. Он спрашивал меня о чувашских деятелях, которые могут дать ему полезные указания и сведения, и я, в числе других, назвал Вас, как человека, известного своими очерками о чувашской мифологии^{**} и чуть ли не лучше всех других соратников на чувашской ниве знакомого с интересующею его областью. Оный профессор знает чувашский язык, хотя, только теоретически, издал на средства Венгерской академии наук словарь на четырех языках — чувашском, татарском, венгерском и финском^{***}, держится того мнения, что чувашаи ведут свой род от камских булгар, и при

[^] Имеется в виду Хейкки Паасонен (1865—1919) — финский ученый, профессор Гельсингфорского университета. Исследовал культуру, язык, фольклор финно-угорских народов. Совершал экспедиции в Поволжье в 1889—90 и 1898—1902 гг.

^{**} В «Известиях по Казанской епархии» в 1896—1896 гг. А.В.Рекеев напечатал цикл очерков «Из чувашских преданий и верований», в 1898 г. «Разные чувашские моления».

^{***} Под грифом Венгерской академии наук в 1908 г. Х.Паасонен издал чувашско-венгерско-немецкий словарь.

мне «смеялся» над своей женой, венгеркой*, что «она украдала свой язык у чувашей», но я немало был удивлен, когда узнал, что он не знаком даже с книгой Чичериной**...

Сердечный привет от меня матушке. Аттене курсан, чипер сӑмах каласа лӑплантарӑр.

От всей души желаю Вам здоровья, бодрости и сил на служение униженным и оскорбленным историей и людьми чувашам. Турӑ хушсан, раштавра курнаҫӑпӑр-ха.

Ваш Алюн-Хветер Кевӗрли»²⁰.

В Чувашском национальном музее хранится еще одно письмо Г.Ф.Федорова из Финляндии. Письмо написано по-чувашски. В нем говорится:

«Ырӑ, хисеплӗ пӗлӗш — атте Елес!»

Эпӗ санӑн (мана та ҫапла ҫырма ирӗк пултӑр!) • ҫыравна илтӗм, укҫа та ӗнер ҫитрӗ. Уншӑн сана ҫав тӗрлӗ тав: ырӑ кӑмӑлна кура, турӑ сана ырлӑх-сывлӑх патӑр, ҫӗр ҫула ҫитсе ырӑ кунсем курмалла пултӑр.

Эсӗ профессор ҫинчен ыйтатӑн. Унӑн хушамачӗ Паасонен. Вӑл Чӗмпӗрти шула пыман пуль. Эпӗ унта ҫулла, ҫӗртме уйӑхӗнче пытӑм тет. Иван Яковлевичпа курнаҫаймарӑм тет. Хусанта чухне Федор Никифоровичпа ҫеҫ каласрӑм тет. Вӑл ҫын ҫинчен эпӗ тӗппипе киле таврӑнсан каласа парӑп.

Эсӗ: «Елӗкхи живость пӗтрӗ», — тесе ҫыратӑн. Ватӑлса ҫитетӗн пуль ҫав ӗнтӗ. Эпӗ час-часах ҫӑвашсен пурнаҫӗ ҫинчен шухӑшлатӑп та йӑлт хуйха ӱкетӗп. Ваттисем ватӑлса килеҫҫӗ ӗнтӗ, ҫамрӑксем те ӱссе ҫитеҫҫӗ пуль. Вӗрентекенсем, пачӑш-кӑсем, тӗрлӗ ӑслӑ вӗреннӗ ҫынсем те пур ӗнтӗ пирӗн. Анчах ытти халӑхсемпе пӗр йӗркепе хурса пӑхсан, эфир ҫапах та пит юрлӑ халӑх пуль. Хаҫат та, ушкӑн тавраш те — ним ҫук пирӗн. Малашне те апла пулсан пире кӱршӗ халӑхсем йӑлтах пусарса пӑрахӗҫ. Ку чухнехи саманара авалхи йӗркепе пурӑнма юрамасть ӗнтӗ: тӗнчере мӗн пулассине, хӑш енче ыр, хӑш енче усаллине пит лайӑх пӗлсе тӑрас пулат. Эс ҫамрӑк чухне пурӑннӑ ҫынсем виҫ сӑмаха пит астуса тӑнӑ, вӑл сӑмах-

* Х.Паасонен долгое время жил в Венгрии в качестве дипломата. Был женат на венгерке.

** Чичерина С.В. У приволжских инородцев. Путевые заметки. СПб., 1905.

сем: «долг перед народом». Ман шухашпа, эфир, чавашсем, çав сĕмахсене маннă пек туйăнать. Эсĕ сыратăн: «Хăш-пĕр хайшĕн çеç йĕрет, ытти вилсен те шухашламасть», — тетĕн. Вăл сĕмах пит тĕрĕсе килет ёнтĕ.

Турă мана сын «этем» пулма хушсан, эпĕ чавашсене епле те пулсан килештерсе, пĕр шухашпа шухашлаттарса ёçлеме пит тăрăшасшăн. Тен, пирĕн сынсем те пур пуль, анчах пĕр-пĕринпе курнăçса канаш туманни хуплать пире.

Тёнче курса сўренĕ чухне эпĕ тĕрлĕ халăх сыннисене куратăп*. Чаваш иккенне пĕлсен пурте ыйтма тытăнаççĕ вара: «Мёнле халăх вăл? Вĕреннĕ сынсем нумай-и сирĕн? Хаçат пур-и? Мёнле кёнекесем пур сирĕн?» — теççĕ. Мён каласа мухтанма май пур пирĕн? Чавашла алфавит кăларнă чухне пĕр чаваш: «Пирĕн вăл та пур, ку та пур», — тесе мухтанма тытăннă тет. Ильминский итлерĕ-итлерĕ тет те тўрех каласа хучĕ тет: «Çукпа ан сўпле! Сирĕн салмаран пуçне нимёскер те çук», — терĕ тет.

Сыв пул ёнтĕ тепĕр сыруччен е курнăсиччен. Арăмна манран питĕ пысăк салам кала. Эпĕ сирĕн çăкăра нумай синĕ, тен, тата та çиме Турă хушĕ халь.

Унта еплине пĕлместĕп, кунта сасартăк хĕлле пулса кайрĕ, «насморк» тенипе аптраса ларатăп халь: çавăн пирки паян Паасонен патне те каяймарăм.

Тепĕр эрнерен кунтан каяшăн эпĕ. Алюн-Хёветĕр Кевĕрли».

В декабре 1909 г. в связи с истечением трехлетнего срока высылки в Германию Г.Ф.Федоров выехал из Гельсингфорса в Берлин, а оттуда в Ярославль. Здесь ему выдали паспорт на фамилию Алюнова. 21 декабря он написал письмо А.В.Рекееву, в котором сообщил:

«Çав тĕрлĕ хисеплĕ папай Элексей!

Турă хушнине эпĕ сывă халь; тен, малашне те Атте турă пăрахмĕ тесе пит ёмётленсе тăратăп.

Эпĕ раштавра (яла. — Г.А. • таврăнăп тесе сырсаччĕ.

* Осенью 1908 г. Г.Ф.Федоров из Самары выехал в Германию, оттуда съездил в Австрию, Францию и Италию. Летом 1909 г. побывал в немецких деревнях на берегу реки Эльбы. Обо всем этом он упомянул в очерке «Нимес ялĕ» (Немецкая деревня), который хранится в НА ЧГИГН: отд. I, ед. хр. 162, л. 198—212. Очерк опубликован в газете «Хыпар» 19, 20 июля 2001 г.

Анчах вӑл шухӑша хӑвармалла пулчӑ. Мӑн кирлине пурне те туса пӑтереймерӑм халь: полицмейстер патне те, тен, пӑрре сӑс каймалла пулмӑ, кӑпернаттӑр патне те ситетӑп.

Анчах хӑрамалли нимӑн те сук вара. Лицейра та, урӑх тӑлта те хисеплесе йышӑнасчӑ.

Лерен каяс умӑн эпӑ профессор патӑнче пӑр кун шӑп ирттертӑм. Нумай каласрӑмӑр. Пирӑн мӑн пуррине-суккине йӑлт ыйтса пӑтерчӑ.

Энтип ӑсӑ (ялпа сыхӑнӑ пулмалла. — Г.А. • сичен эпӑ пӑртаксӑ пӑлетӑп. Вӑл майпа, тен, санӑн пирӑн яла та пымалла пул. Аттене курсан лӑплантарса калас вара, эсӑ каласма ӑста иккенне эпӑ пӑлетӑп. Манӑн анне сук ӑнтӑ, епле те пулсан аттене пӑртаксӑ усрасчӑ.

Ку сыруран эпӑ сывӑ юлатӑп. Сана та Турӑ ырлӑх-сывлӑх патӑр. Матӑшкӑна та эпӑ пит пысӑк салам яратӑп.

Ай, таврӑнма (яла пыма. — Г.А. • май сук: ывӑничен ка — ласӑттӑмӑр... Сывӑ пул ӑнтӑ, папай. Пушӑ чухне сырса яр пӑрик сӑмах. Манӑн адрес: Ярославль, Срубная ул., д. № 21, кв. 1.

Сана сав тӑрлӑ хисеплесе юлатӑп. Алюн-Хӑветӑр Ке-вӑрли»²¹.

Гавриил Федорович продолжает учебу в Демидовском лицее и в 1910 г. заканчивает его со званием кандидата. Однако, так как он все еще находится под надзором полиции (амнистия наступит лишь в 1913 г. в связи с 300-летием династии Романовых), преподавание в вузе ему было запрещено. Алюнов стал служить в Ярославле же помощником присяжного поверенного, а затем — присяжным поверенным (адвокатом).

В 1911 г. в Казани под псевдонимом «Смирнов К.» он издал брошюру «Легендарный чувашский юбиляр». В ней И.Я.Яковлеву приписывалось подражание Н.И.Ильминскому.

В марте 1916 г. сорокалетнего Г.Ф.Алюнова призвали в армию. Как человека с высшим образованием, его определили на ускоренные курсы прапорщиков при Александровском военном училище в Москве. После производства в офицеры направили в Ярославль в 209-й пехотный запасный полк. Здесь новоиспеченный офицер пользуется большим авторитетом. После Февральской революции 1917 г. солдаты избрали его в Ярославский совет рабочих и солдатских депутатов, а уже в марте он стал его пред-

седателем.

Г.Ф.Алюнов активно участвует в национальноосвободительном движении чувашей. В середине мая он приехал в Казань для участия в работе I съезда Общества малых народностей Поволжья, на котором выступил с речами о будущем государственном устройстве Российской республики и о создании специального организованного бюро для созыва в июне 1917 г. в Симбирске Общечувашского национального съезда и т.д.

В июне, по пути в Симбирск на чувашский съезд, Алюнов остановился в Казани и создал организацию чувашских эсеров. На собрании его утвердили председателем комитета. Национальный съезд в Симбирске (20—28 июня) тоже оказал ему доверие и выдвинул кандидатом в депутаты Учредительного собрания.

Гавриил Федорович стал делегатом и II съезда Общества малых народностей Поволжья (проходил 3 августа 1917 г.). Этот съезд избрал его делегатом Всероссийского государственного совещания*, а затем — и членом Совета Российской Республики. 4 августа с участием Алюнова состоялось заседание правления Чувашского национального общества (ЧНО), созданного в июне на съезде в Симбирске. На нем был переизбран весь состав правления ЧНО. Алюнова избрали членом вновь избранного правления, но не его председателем, поскольку находился на военной службе.

28 сентября общечувашский национальный съезд в Казани утвердил национальный список кандидатов в депутаты Учредительного собрания от Казанской губернии из шести человек, в котором первым номером значился Алюнов. В ноябре он был избран депутатом Учредительного собрания и в связи с этим был уволен из армии.

В декабре 1917 г. Гавриил Федорович председательствовал на чувашском съезде представителей Казанского военного округа, выступал на собраниях и митингах солдат-чувашей Казанского гарнизона и чувашской учащейся молодежи.

После разгона Учредительного собрания Г.Ф.Алюнов вернулся в Казань. В январе 1918 г. он участвовал в работе

* Состоялось 12—15 августа 1917 г. в Москве.

Всероссийского чувашского военного съезда, был избран в состав Центрального чувашского военного совета.

Г.Ф.Алюнов активно участвовал во всех важнейших событиях чувашского национально-освободительного движения, оказывал влияние на чувашских интеллигентов, молодежь, солдат, был самым авторитетным чувашским лидером того времени.

В связи с расколом партии чувашских эсеров на правых и левых председатель ЧНО А.В.Васильев перешел на сторону левых эсеров, его заменил сам Г.Ф.Алюнов.

В мае 1918 г. Алюнов принимал участие в работе состоявшегося в Казани съезда чувашских учителей. Здесь он встретился с И.Я.Яковлевым и узнал от него, что тот имеет его секретное письмо к Ф.Д.Данилову. По словам Яковлева, Алюнов возмущался таким поступком своего старого приятеля²².

Между тем, в стране происходили большие перемены. 6 августа Казань неожиданно захватили белочехи. Алюнов получил пост помощника особоуполномоченного Комуча* по Казанской губернии. В печати той поры он отмечен как оратор на митингах, призывавший население бороться против большевизма и «положить жизнь на алтарь свободы».

В начале сентября 1918 г. все депутаты Учредительного собрания, находившиеся в Казани, выехали в Уфу на государственное совещание. На пути туда (то ли в Мамадыше, то ли в Лаишеве) Алюнов справил свадьбу с артисткой молодого Чувашского советского театра Еленой Константиновной Константиновой (1895—1974). Было ему тогда 42 года.

Дальнейшие события развивались стремительно. 10 сентября Красная армия освободила Казань, белые бежали. Вместе с ними отступал и Алюнов. Оказавшись в Тобольске, он устроился на работу в контору Сибирских потребительских обществ. Красные продолжали наступление. Неизвестно почему, то ли Гавриилу Федоровичу не хотелось отступать из Тобольска с белыми, то ли из-за беременности жены (дочь родится 16 октября 1920 г.), но город он не покинул. В июле 1920 г. его арестовала ЧК и этапировала в Уфу.

* Комуч — Комитет Учредительного собрания в Самаре.

9 октября 1920 г., после трехмесячного сидения в Уфимской тюрьме, Алюнов отправил телеграмму в Чебоксары в адрес Ревкома: «Происшедшее (арест. — Г.А.) считаю недо-разумением. Мое революционное прошлое общеизвестно. Мое лояльное отношение к Советской власти доказано чувашскими съездами 1918 года, на которых выступил докладчи-ком. Мое поведение в качестве помощника казанского уполномоченного (Комуча) характеризуется тем, что никто (из) чувашских советских деятелей не пострадал при бе-лых^{*}. Именем национальной чести прошу ликвидировать дело, соответственно заявив Уфгубчека телеграфом».

Чувашский ревком отослал в Уфу телеграмму с прось-бой направить Г.Ф.Алюнова в Чебоксары. На нее 20 октября последовал ответ: «На ваш № 274 сообщаем: Алюнов вместе с делом направлен в Казань (14 октября. — Г.А.) в губчека». В ответ из Чебоксар уходит телеграмма в казанскую ЧК: «Ревком Чувашобласти просит препроводить бывшего по-мощника особоуполномоченного Учредительного собрания Алюнова Гавриила Федоровича в Чебоксары в распоряжение чека Чувашобласти, где имеется обвинительный материал для предания его суду. Алюнов был задержан в Сибири по указанию Чувашского отдела (при Народном Комиссариате по делам национальностей. — Г.А.), содержался под арестом в Уфгубчека. По предложению Ревкома Чувашобласти Уф-губчека препроводила Алюнова в Казань для отправки в Че-боксары, о чем Уфгубчека телеграфировала Ревкому Чув-автобласти 20 октября. Ревком Чувавтобласти просит по-спешить с отправкой Алюнова в Чебоксары. О дне высылки телеграфируйте. Предчувревкома Эльмень».

Следует заметить, что ходатайство Чувашского Ревкома можно понять двояко: то ли Алюнова здесь действительно хотели судить, то ли это было прикрытием для доставки его в Чебоксары.

^{*} Ради объективности не можем не назвать статью И.С.Макси-мова-Копкинского, опубликованную в газете «Советская Чувашия» 22 ноября 1957 г. В ней он писал, что, когда белочехи вошли в Казань, Алюнов рас-стрелял заместителя губернского комиссара по чувашским делам П.А.Фе-дорова (см. о нем подробнее: Они боролись за счастье народное. Вып. 3. Чебоксары, 1985. С. 32—36). Проверить достоверность этого сооб-щения сейчас уже невозможно.

Казанские чекисты Алюнова из своих рук не выпустили, мотивируя это тем, что свои преступления против Советской власти он совершил именно в Казани, а значит тут ему и сидеть.

Руководство Чувашской автономной области на этом не прекратило свои хлопоты по освобождению Г.Ф.Алюнова. Зимой 1921 г. в Казань был направлен член облисполкома А.Д.Краснов, близко знавший Алюнова по совместной работе в Казани в 1917—1918 годы. Гавриилу Федоровичу разрешили свидание с ним. По воспоминаниям Краснова (в 1931 г. он издал на чувашском языке брошюру «Февраль—Октябрь»), при свидании с ним Алюнов каялся в прошлых ошибках, хотел сотрудничать с Советской властью, и, якобы, сказал: «Вы были правы во всем, а мы жестоко ошиблись». Правда не ясно, о каких ошибках здесь идет речь.

В тюрьме Алюнова часто навещали Н.В.Никольский с женой и чувашские студенты. Они приносили узнику продукты, одежду. Через них заключенный передал на волю 9 записок²³. В одной из них он писал: «Мы вместо царского самодержавия имеем нечто худшее, чем восточная деспотия со всеми ее отвратительными аксессуарами. И если я увижу свободу, то совместно со всеми единомышленниками организую союз, на знамени которого будут начертаны не насилие и обман, а культура и цивилизация, не комиссародержавие, а организованная общественность. Забытые заветы народовольцев должны быть восстановлены, и никто еще не доказал, что чуваша на это не способны». Что-то это не очень похоже на покаяние раскаявшегося грешника... 6 января 1921 г. Гавриил Федорович передал Никольскому записку на чувашском языке. Вот ее перевод: «Я вам слезно говорю: напишите обо мне поскорее И.Я.Яковлеву, он, возможно, напишет к Л. (Ленину. — Г.А.). Если и сами захотите написать к Л. — напишите»²⁴. О просьбе Алюнова Никольские сообщили в Симбирск В.Н.Орлову, преподавателю Чувашской учительской школы, женатому на сестре жены Никольского.

В апреле 1922 г. И.Я.Яковлев при пересмотре своих воспоминаний сообщил А.В.Жиркевичу: «Около года тому назад В.Н.Орлов сообщил мне, что Федоров в Сибири пойман большевиками и заключен в острог в Казани, прося меня

вмешаться в его судьбу. Я, забыв прошлое, согласился возбудить ходатайство в защиту Федорова, но потребовал, чтобы мне были предварительно сообщены данные, его оправдывающие. Данных этих мне не дали, а потому я и не был в состоянии помочь Федорову. Знаю, что он, будучи в сумасшедшем доме, обращенном в острог, там и скончался»²⁵.

В апреле 1921 г. в камеру, в которой сидел Алюнов, был поселен чуваш А.С.Тепеев, уроженец деревни Юнгапоси нынешнего Моргаушского района. В письме от 15 июля 1921 г. из тюрьмы он сообщил Никольскому, что знал Алюнова с 1917 года, и указал: «Когда поместили нас вместе в одиннадцатую камеру, то со мной умерший (Алюнов. — Г.А.) часто разговаривал о своем душевном состоянии. Оно было мрачное. Особенно он страдал от черной неблагодарности революционной власти, которая, по его мнению, должна была относиться к нему, как бывшему революционеру, страдавшему при царизме в тюрьмах, ссылках и за границей, если не снисходительно, то по крайней мере справедливо. Говорил, что власти скоро опомнятся и освободят, но его надежды, несмотря на всевозможные слухи, поддерживавшие ее, не оправдывались, что его сильно волновало и трепало его нервы, что привело его явно в болезненное состояние: меньше стал заниматься в канцелярии, предпочитал лежать, нервничал»²⁶.

Скудное питание и отсутствие медицинской помощи привели к тому, что Г.Ф.Алюнов в начале июня окончательно слег в постель. Тепееву пришлось взять на себя труд по уходу за ним. По его словам, больной вставал обыкновенно в 7—8 часов утра, везде и всюду ходил в сопровождении Тепеева, так как самостоятельно передвигаться уже не мог.

Незадолго до смерти у Алюнова обнаружили чахотку. Врач прописал ему клиническое лечение. Но чекисты не переводили больного заключенного в городскую больницу. 12 июля он проснулся около 7 часов, не захотел будить Тепеева и без посторонней помощи один пошел в туалет. Там у него неожиданно горлом и носом хлынула кровь. Кое-как Алюнов перебрался в умывальную, там упал возле рукомойника, где и умер. Санитар не стал сам поднимать тело и не разрешил другим, уверяя, что в таком положении его должно застать следствие. Только через час прибыли фельдшер и врач.

В сентябре 1921 г. заштатный священник из Ибреси Мирон Семенов написал в Симбирск Яковлеву о смерти Алюнова. «Он похоронен и отпет, — писал он, — по церковному обряду 18 июля». По словам священника, в отношении Алюнова подозревали отравление и потому было вскрытие его тела в клинике. Отравы не оказалось. Признали, что Алюнов умер от разрыва верхней правой аорты, что произошло от сильного волнения покойного.

И.Я.Яковлев, узнав о кончине своего ученика, сказал: «Талантливый человек был, хотел я его видеть ученым, а пошел вон куда!»²⁷

Источники и литература

¹ ЦГА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 140. Л. 86.

² ЦГА ЧР. Ф. 501. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

³ Этот факт описан в письме С.Н.Николаева к Г.А.Александрову от 9 июня 1972 г. См.: НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 1747.

⁴ Василий Гаврилович Архангельский родился 1 марта 1868 г. в селе Микушкино Бугурусланского уезда Самарской губернии в семье диакона. Окончив Самарскую духовную семинарию, поступил в Казанскую духовную академию. После 1 курса перевелся в Московскую духовную академию, которую закончил в 1892 г. С января следующего года преподавал в Тобольской духовной семинарии, с августа 1896 г. — в Симбирской, в которой работал до весны 1902 г. См.: Государственный архив Самарской области. Ф. 360. Оп. 53. Д. 17. Л. 2; Александров Г. Василий Гаврилович Архангельский: штрихи биографии // Эхо веков. 2001. № 3—4. С. 130—132; Вопросы истории. 2002. №6. С. 173—175.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 231. Л. 223—226.

⁶ Петров Д.П. 1905 год среди чувашей (на чуваш. яз.). Чебоксары, 1925. С. 58.

⁷ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 199. Оп. 1. Д. 363. Л. 145.

⁸ Ярославль в первой русской революции. Ярославль, 1925. С. 109.

⁹ В мае 1902 г. он уволился из Симбирской духовной семинарии и занял должность инспектора народных училищ Ставропольского уезда Самарской губернии. Через два года его переместили на должность инспектора школ Новоузенского уезда той же губернии. 18 июля 1906 г. Архангельский был смещен с должности попечителем Казанского учебного округа за «вредное влияние на подведомственных ему учителей». Он уехал в Казань.

¹⁰ Яковлев И.Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 566.

¹¹ Петров Д.П. Указ. соч. С. 86—87, 104.

¹² НА РТ. Ф. 199. Оп. 1. Д. 363. Л. 54.

¹³ Там же. Л. 26, 40, 82.

¹⁴ Там же. Л. 55.

¹⁵ Там же. А. 75.

¹⁶ *Петров Д.П.* Указ. соч. С. 87.

¹⁷ В настоящее время это письмо хранится в отделе рукописей РГБ: Ф. 361. Карт. 31. Д. 18.

¹⁸ Письмо хранится в отделе рукописей музея А.Н.Толстого в Москве: инв. № 52213. Опубликовано: *Александров Г.* Чуваши у А.Н.Толстого // *Чăваш ен.* 2001. 3 марта; *он же.* О чем писали чуваши Льву Толстому // *Советская Чувашия.* 2001. 12 марта; *он же.* Чувашиикие корреспонденты Льва Толстого // *Чувашия сегодня.* 2001. 4 июня.

¹⁹ Письмо хранится в отделе фондов Чувашиикого национального музея.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² *Яковлев Н.Я.* С. 312.

²³ Опубликовано в газете «Хресчен сасси», 2001, 20, 27 марта.

²⁴ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 319. С. 623.

²⁵ *Яковлев Н.Я.* Моя жизнь. С. 312.

²⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 319. Л. 477.

²⁷ *Краснов Н.Г.* Иван Яковлев и его потомки. Чебоксары, 1998. С.

26 сентября 1877 г. Иван Яковлевич Яковлев — исполняющий обязанности инспектора чувашских школ Казанского учебного округа — вступил в брак с Екатериной Алексеевной Бобровниковой, приемной дочерью директора Казанской инородческой учительской семинарии Н.И.Ильминского. 18 декабря 1878 г. в молодой семье появился первый ребенок. Это случилось в доме при церкви Иоанна Предтечи на Московской улице, где Яковлевы жили два года до переезда в одноэтажный флигель Симбирской чувашской школы. Крестили младенца 27 декабря в церкви Иоанна Предтечи и назвали Алексеем в память деда А.А.Бобровникова. Восприемниками были инспектор Симбирской классической гимназии И.Я.Христофоров и Е.С.Ильминская — жена Н.И.Ильминского.

Алексей в раннем детстве плохо выговаривал «ш» и свое имя произносил как «Лёля». В домашнем кругу его всегда так и называли.

И.Я.Яковлев, наблюдая за Алексеем, изучая его склонности и характер, решил дать ему хорошее образование. В 1890 г. Алексей поступил сразу в третий класс Симбирской гимназии. Здесь он основательно изучил латинский и греческий языки. Первоначально латинский язык ему преподавал отец. А.И.Яковлев вспоминал: «Во мне он хотел видеть

образованного на классиках человека и находил учителей, выучивших меня латинскому и греческому значительно шире и глубже гимназической программы»¹. В 1894 г. для Алексея на лето был приглашен студент Петербургского университета Н.Г.Маллицкий (впоследствии профессор в Ташкенте). Из Парижа И.Я.Яковлев выписывал для сына выходящую на латинском языке литературу. Он не жалел для детей средств, когда дело касалось их образования и воспитания. Алексей прочел Корнелия Непота, «Гражданскую войну», «Галльскую войну» Юлия Цезаря и другие классические произведения на языке оригинала.

Наряду с древнеклассическими языками Алексей хорошо владел новейшими — французским, немецким, английским². Заниматься ими ему помогали немка, француз и англичанин. В 1894 г., например, его домашним учителем по французскому языку был Греманд Лопис — швейцарец³. А.И.Яковлев писал: «Он (отец. — Г.А.) знал цену иностранных языков, особенно в русских условиях, когда это вместе и социальное качество. Поэтому с раннего детства при наших всегда очень ограниченных средствах делалось все, чтобы выучить нас 3 языкам»⁴. Хорошо зная немецкий язык, Алексей еще гимназистом прочел по-немецки некоторые сочинения И.Канта.

Любовь к истории в Алексее проявилась в детстве. Из преподавателей гимназии на него благотворное влияние оказал Н.С.Яснитский, которого он считал талантливым преподавателем истории. В своих воспоминаниях А.И.Яковлев говорил о нем: «Когда на заданную им тему «Влияние христианства на Киевскую Русь» я написал рассуждение, в котором доказывал, что никакого влияния не могло быть, потому что и христианства не было, он отозвал меня в конец коридора и с доброй сочувственной улыбкой шепнул мне: «Возьмите назад и никому не показывайте»⁵.

В настольном календаре Алексея сохранились записи за июль—декабрь 1895 г. Из него можно узнать названия книг, которые он читал в последнем классе гимназии. Так, например, 20 декабря Алексей стал читать работу А.П.Щапова «Социально-педагогические условия умственного развития русского народа» (СПб., 1869—1870) и записал: «Страшно увлекся. Вот книга, которая буквально встряхнула меня, дав-

но, а может быть никогда, я ничего подобного не видал. Нра — вится и своеобразный язык и логичность. Есть недостатки...» 23—25 декабря Алексей знакомится с работой Г.В.Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (СПб., 1895). 25 декабря он отметил: «С утра читал Бельтова (псевдоним Плеханова. — Г.А.). Какую величественную картину развернул он в изложении теории Маркса. Навсегда, навсегда я буду благодарен за это Бельтову. Еще одним великим именем больше в моем Пантеоне, и имя это: Маркс»⁶.

Живя в одном из зданий Симбирской чувашской школы, Алексей, как и другие дети И.Я.Яковлева, принимал участие в играх с воспитанниками школы, с некоторыми из которых сходил. 1 июля 1895 г. он записал в календаре: «Утром походил по школе. Был, между прочим, у кандидата этого года Гавриила Федорова*. Говорят, очень способный, но какой-то вялый. Я его пригласил на ферму и около 12 ч. мы с ним пошли пешком. Дошли к 3 или 4 ч. Дорогой рвали около Свяги ягоды, и я его учил немецким словам. Перед отходом я пообедал с его товарищами, которые еще не уехали...» А на листке календаря от 28 сентября того же года читаем: «Приготовил математику и показал азбуку латинскую Гавриилу Федорову. Не знаю, как он пойдет»⁷.

В 1896 г. Алексей окончил гимназию и в конце августа уехал на учебу в Москву. 26 сентября отец отправил ему письмо. «Любезный друг, — писал он, — университетом не пренебрегай, ты еще слишком неопытен и не знаешь его настолько, чтобы сразу составить верное понятие, погоди, подожди, а делом занимайся. Ты очень нужен для семьи, я боюсь за свое здоровье, мне все кажется, что я недолго проживу. Жалко будет, если у тебя пропадет год в университете. Занимайся своим обязательным трудом и выполняй все требования университета». Через несколько дней отец вновь напутствовал сына: «Большое спасибо за твои письма, а еще более — за их содержание. К радости душевной и спокойствию моему, я из последнего письма вижу, что ты серьезно приступил к занятиям и усердно работаешь, только свое здоровье побереги»⁸.

* Речь идет о Г.Ф.Федорове (Алюнове).

В воспоминаниях А.И.Яковлев приводит слова напутствия отца: «В нитку вытянусь, только бы ты шел по ученой дороге. Вне ее кругом такая приниженность и такая заботость!»⁹

Во время учебы на I курсе Алексей часто посещал семью Ульяновых: он дружил с Дмитрием, студентом медицинского факультета университета. В его календаре за 1897 г. есть такие записи: «19 января, воскресенье. Когда стемнело, пошел к Ульянову, но на старой квартире его не было, разыскал новую и там с радостью встретил Марию Александровну и Анну Ильиничну, столько лет не виданных. Сидел до 7 ч. Говорили, играли на рояле, потом пошли на концерт Шуберта (юбилейный): Маня, Анна Ильинична и я. Я зашел, переоделся. Концерт мне очень понравился. Вернулся к 12 ч. Анна Ильинична, а еще более Мария Александровна мне очень понравились, да так, как будто я их недавно видел и ненадолго расставался.

20 января, понедельник. Вечером пошел гулять, встретил Митю, пошел с ним по Тверскому бульвару, потом он посидел у меня в гостях.

22 января, среда. Ушел к Ульяновым. Мити не застал, сидел говорил с Марией Александровной. Какая, право, она милая женщина. Домой вернулся в 9-м часу.

19 февраля, среда. Вечером был у Мити: видел Володю*. По виду он очень умен и симпатичен. Сидел я, однако, лишь до 9 и отправился домой»¹⁰.

Первокурснику Яковлеву очень хотелось услышать знаменитого историка В.О.Ключевского. Оказалось, что Ключевский читал лекции не на первом, а на втором и третьем курсах. Алексей стал ходить на его лекции вместе со студентами II курса. Свои впечатления от лекций выдающегося ученого он описал так: «22 января. Не успел к началу Ключевского. Вот этот хорошо читает, ах как хорошо!

1 марта. Пошел к Ключевскому на лекцию: слушал два часа великолепный рассказ о впечатлении, произведенном на народ Петром.

12 марта. С 12 до 2 ч. у Ключевского, он рассказывал биографию Екатерины.

19 марта. Сидел у Ключевского: он читал о влиянии крепостного права на хозяйство России.

* В.И.Ульянов был в Москве проездом в сибирскую ссылку.

2 апреля. Был на лекции Ключевского: он блестяще говорил о Сперанском.

5 апреля. От 1 ч. до 3 ч. был у Ключевского, он очень хорошо читал о декабристах. Проводили его аплодисментами»¹¹.

Вспоминая лекции В.О.Ключевского, А.И.Яковлев писал в 1930 г.: «Нарушая порядки расписания, вопреки строгому надзору органов тогдашней университетской инспекции, мы, первокурсники, влились вместе со студентами 2-го курса в малоуютную аудиторию, в которой должен был читать Василий Осипович, и с волнением ждали его прихода... Многие из моих товарищей, да и я сам, слушали один и тот же курс Василия Осиповича по нескольку раз; прослушав на первом курсе, вторично слушали его уже в законном порядке на втором, а потом и на третьем»¹².

В 1896—1897 учебном году В.О.Ключевский объявил конкурс студенческих сочинений на тему «Вопрос о крепостных крестьянах в Екатерининской комиссии для сочинения проекта нового «Уложения». Работу надо было сдать не позднее 1 октября 1897 г. Алексей решил участвовать в конкурсе. Над темой он начал работать зимой 1896 г., а закончил ее летом следующего года на даче в Поливне под Симбирском.

12 января 1898 г. совет Московского университета присудил Алексею за конкурсную работу серебряную медаль. В это время он находился на каникулах дома. О своем награждении ему стало известно из газеты «Русские ведомости», которую выписывали его родители. «Отдаю номер отцу, — писал А.И.Яковлев, — он, сияющий и довольный, едет по своим делам в город, а я спешу к матери, чтобы обрадовать ее»¹³.

В феврале 1899 г. по всей России прокатилась волна студенческих волнений. Первая сходка студентов Московского университета состоялась 13 февраля, с 15 февраля начались систематические сходки. 17 февраля постановлением правления Московского университета А.Яковлев, за нанесение оскорбления действием (ударил) студенту Дурново, порицавшему забастовку, был исключен из университета на основании правил для студентов и выслан в Симбирск к родителям. Были исключены и другие студенты — всего 165 человек.

В.О.Ключевский записал в дневнике: «18-го студенты просили за Яковлева»¹⁴.

21 февраля В.О.Ключевский обратился с письмом к ректору университета Д.Н.Зернову. Он писал: «Решаюсь беспокоить Вас ходатайством об исключенном из Московского университета студенте 3-го курса историко-филологического факультета Яковлеве.

Он написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на 1-м курсе: редкий случай в истории университетов. Это дало мне возможность узнать его ближе, чем его товарищей. По неоднократным беседам с ним я составил себе понятие о нем как о благовоспитанном и образованном молодом человеке, даровитом и вдумчивом, с живой научной любознательностью. Он не раз обращался ко мне за советами и указаниями по начатым им занятиям предметами исторического отделения факультета, и чем ближе узнавал я его, тем более укреплялся в составленном о нем мнении, возлагая на него добрые надежды. Думаю, что поступок, навлекший на него такую беду и поразивший меня своей неожиданностью, вызван был крайне возбужденным состоянием и не имел неисправимо дурных побуждений. Безвозвратное удаление его из Москвы прервет столь успешно начатые им научные занятия, лишив его привычного преподавательского руководства и научных средств, какие он находит в Московском университете. Если Вы поможете смягчению его вины и возможному облегчению постигшей его кары, Вы, может быть, спасете прекрасного работника для русской науки и школы. Я со своей стороны готов вполне поручиться за его благонадежное поведение по возвращении в Московский университет. Еще раз усерднейше умоляю Вас, глубокоуважаемый Д.Н. (Дмитрий Николаевич. — Г.А.), оказать отечески благожелательное и сострадательное внимание к прискорбному положению молодого человека»¹⁵.

Друг А.Яковлева студент-химик П.Гречкин 21 февраля сообщил И.Я.Яковлеву: «За него, Лелю, хлопочут три профессора: Герье, Цветаев и Ключевский, особенно последний, его просьбы, как говорил мне его сын, всегда уважаются».

Друг семьи Яковлевых А.А.Громеко, проживавшая в Москве, писала 22 февраля А.Яковлеву: «Спешу известить

Вас, что по ходатайству профессора Корсакова Вы будете опять приняты в Московский университет, когда все успокоится и придет в обычный порядок, о чем Вас официально известят. Всех нас ужасно поразила весть, что Вы исключены и высланы из Москвы».

В начале марта А.Яковлев, с разрешения министра народного просвещения, был вновь принят в университет. 19 и 21 марта он имел разговор с В.О.Ключевским о студенческих волнениях. Вечером 21 марта А.Яковлев послал Ключевскому записку о том, что из университета уволено и выслано более 450 человек, и что ему, «по-видимому, недолго придется ждать очереди»¹⁶. 31 марта Ключевский записал в дневнике: «31-го был Яковлев и хотел уехать домой».

В ночь с 10 на 11 апреля за участие в панихидах по жертвам царизма А.Яковлев был подвергнут обыску и аресту, у него были обнаружены гектографированный бюллетень исполнительного комитета студентов от 22 марта 1899 г., фотографическая карточка Ф.Лассаля и рукопись сделанного А.Яковлевым перевода книги В.Замбарта «Социализм и социальное движение в XIX веке». Кроме того, у него была отобрана значительная переписка, среди которой обращали на себя внимание письма, относившиеся к студенческим беспорядкам вообще и, в частности, к инциденту исключения Яковлева из университета. В открытке, датированной 11 апреля, Яковлев сообщил Ключевскому, что его «берут в охранное отделение»¹⁷. Через несколько дней он был освобожден.

На IV курсе А.Яковлев написал курсовую работу по истории западной литературы. Сочинение называлось «Пьер Бейль, как представитель Века просвещения». За эту работу А.Яковлева наградили серебряной медалью.

Будучи в университете, А.Яковлев с 1898 г. три года подряд делал с товарищами во время каникул поездки по Волге до Саратова или Самары. В одну из таких поездок его сопровождал студент Московской духовной академии П.В.Семенов, впоследствии известный как старообрядческий епископ Михаил, с которым Алексей был дружен. Обычно подобные экскурсии продолжались недели две-три. Молодые путешественники покупали себе лодку и плыли на ней вниз по течению Волги. По окончании же путешествия лодка ими

продавалась при конечной остановке. Хотя такие странствия сопряжены были с риском и опасностями, но И.Я.Яковлев, не поощряя их, в то же время и не запрещал, находя их полезными во многих отношениях, особенно же в смысле развития характера, находчивости, самостоятельности.

В 1900 г. по окончании университета с дипломом 1-й степени А.И.Яковлев был оставлен В.О.Ключевским при университете «для подготовки к профессорскому званию» (тогдашняя аспирантура). Оставление при университете налагало обязанность подвергнуться магистерскому экзамену, открывавшему путь к профессуре. Обычным сроком для подготовки считались три года. После сдачи экзамена давалось право на прочтение пробных лекций, после чего факультет допускал к чтению лекций на положении приват-доцента. Приват-доцентура давала право на чтение необязательных для студентов курсов, но от факультета зависело ввести некоторые из них в обязательную университетскую программу.

Решение об оставлении А.И.Яковлева на кафедре было принято 16 января 1900 г., но до весны следующего года не было утверждено полицией, так как А.И.Яковлев считался участником студенческих революционных беспорядков. Время ожидания А.И.Яковлев попусту не терял: писал небольшие заметки и рецензии на выходившую литературу и печатал их в московских журналах, главным образом, в «Русской мысли»¹⁸.

В апреле 1901 г. полиция разрешила ему жить в Москве. 29 апреля он записал: «В 1-м поехал к Ключевскому, долго ждал его. Потом с 2 до 4^{1/2} говорили о теме для диссертации... Много говорили вообще о русской истории». 7 мая: «В 12 пошел в университет, долго ждал Ключевского, вел с ним решительный разговор о теме»¹⁹.

1 июня А.И.Яковлев выехал на отдых во Францию — в Бретань, 6 июня прибыл в Париж. А 17-18 июня ловил в Атлантическом океане сардинок.

В 1903—1904 гг. А.И.Яковлев сдал магистерские экзамены по русской и всеобщей истории и политэкономии и с 1903 по 1906 г. занимался преподаванием русской и всеобщей истории в разных учебных заведениях (в том числе и на Высших женских курсах). В июне 1905 г. побывал в Женеве

и навестил В.И.Ленина. Последний расспросил его о положении в Москве и о вестях из Маньчжурии²⁰.

В октябре того же года А.И.Яковлев женился на художнице Ольге Петровне Приклонской, имение родителей которой располагалось в селе Болховское Курмышского уезда Симбирской губернии. Она получила образование в Казанской художественной школе. Свадьба состоялась в Москве. В ней приняли участие отец и мать А.И.Яковлева.

В мае 1906 г. А.И.Яковлев прочел в Московском университете пробную лекцию на тему «Причины Смуты по взглядам русских современников ее»*. Лекция была оценена положительно, и А.Яковлева приняли на должность приват-доцента с 18 июля 1906 г. Как лектор он преимущественно читал на историко-филологическом факультете специальные курсы по русской истории, но наряду с этим ему приходилось брать на себя также чтение курсов по методологии и философии истории. По таким спецкурсам надо было предварительно разработать программы, которые в университете в большинстве случаев печатались. Так, в 1914 г. напечатана была программа курса методологии истории, читанного А.И.Яковлевым в Московском университете в весеннем полугодии 1912—13 учебного года.

Параллельно с педагогической работой А.И.Яковлев принимал активное участие вместе с другими московскими историками в чтении научно-популярных циклов публичных лекций в Нижнем Новгороде, Ярославле, Вязьме и других городах. Одновременно с 1 мая 1906 г. А.И.Яковлев стал помощником, а с 1 апреля 1908 г. старшим помощником библиотекаря Румянцевского музея (ныне Российская государственная библиотека). 21 марта 1908 г. у него в календаре появилась запись: «В музее Цветаев (директор. — Г.А.) поздравил с назначением на должность старшего помощника»²¹. В музее А.И.Яковлев проработал до 1925 г. Работа в музее являлась главным местом его службы.

Весной 1907 г. жена А.И.Яковлева Ольга Петровна написала портрет В.О.Ключевского. Ее работа получила

* Напечатана под названием «Безумное молчание» в «Сборникестатей, посвященных В.О.Ключевскому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете». М., 1909. С. 651—678.

отражение в календарных записях А.И.Яковлева: «27 марта, вторник. Яркий и жаркий день: почти +10 в тени. В музее до 1 ч. разбирал карточки — потом совет. Дома застал В.О., с которого Оличка сделала очень хороший набросок...

28 марта, среда. Горячий солнечный день. В музее — все время в подвалах*. Когда вернулся из музея, Оличка до-рисовывала портрет с В.О. Он просидел наш обед и оставался до 6 ч. Портрет его, сделанный в два сеанса, оказался превосходным»²².

В конце 1930 г. в своих воспоминаниях о любимом учителе А.И.Яковлев писал: «Интереснее, чем лекции, были те живые беседы, которые выпало мне на счастье вести с ним в частном быту, в кабинете или за чайным столом. Здесь все было новым и свежим и в то же время не теряло своей отточенности, законченности и определенности, как будто это происходило с кафедры, а не в домашней бытовой обстановке»²³.

С 1910 г. А.И.Яковлев систематически стал собирать архивные материалы для разработки научных тем. Первоначально его научно-исследовательские интересы были сосредоточены на философско-исторической проблематике, что нельзя не поставить в связь с его склонностями к изучению вопросов по философии истории еще на студенческой скамье. Тогда же им было начато обширное исследование по теории исторического знания «Эгерсис», над которым Алексей Иванович работал с некоторыми перерывами и позднее, закончив его уже в 1950 г. в объеме 50 печатных листов.

Однако влияние исторической «школы» В.О.Ключевского, из которой вышел А.И.Яковлев, довольно быстро взяло верх над интересами в области философии истории. Ведь основным стержнем всех работ самого В.О.Ключевского и старшего поколения его учеников было изучение вопросов социально-правовой проблематики в области русской истории, как более раннего, так и более позднего периода. Исследования ближайших учеников В.О.Ключевского показали А.И.Яковлеву и прекрасно подтвердили то положение, что

* А.И.Яковлев ведал в библиотеке музея подвальным этажом, в котором хранились журналы.

без глубокого и тщательного изучения социальных отношений нельзя понять ни законодательства, ни юридических институтов, ни системы государственных учреждений в истории России XVI—XVIII веков.

Уже пробная лекция А.И.Яковлева «Безумное молчание» явилась ценной научной работой. В ней он подверг тщательному критическому анализу «Повести» и «Сказания» начала XVII века и дал оригинальный очерк, характеризующий исторический кругозор русских людей конца XVI—начала XVII вв. Сопоставляя высказывания авторов и составителей этих ценнейших публицистических произведений, Алексей Иванович блестяще показал, как в сознании современников отразились вопросы, связанные с причинами, ходом и результатами бурных событий первой крестьянской войны и героической борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией.

В дальнейшем предметом научных интересов А.И.Яковлева стала социально-экономическая история России XVII века, история русского крестьянства и организация оборонительных сооружений русского централизованного государства.

В итоге упорной, многолетней работы в Московском архиве Министерства юстиции над фондами Разрядного Приказа в 1916—1917 годах были изданы два исследования А.И.Яковлева: 1) «Засечная черта Московского государства в XVII веке» (М., 1916 год), 2) «Приказ сбора ратных людей 1637—1653 гг.» (М., 1917 год) и 3) приложение к этому второму исследованию: «Счетное дело приказа сбора ратных людей 1640—1645 гг.» (М., 1916 год).

Оба эти исследования были представлены А.И.Яковлевым в Совет историко-филологического факультета Московского университета в качестве диссертации на соискание ученых степеней магистра и доктора русской истории. Самый факт представления двух объёмистых печатных диссертационных работ — первой в 312 страниц, с двумя картами (в виде приложений) и — второй в 562 страницы, с приложением в 114 страниц, почти одновременно на протяжении 4-5 месяцев — было явлением исключительным в научной практике Российских университетов досоветского времени. Обычно между такими диссертациями проходило

от 5 до 10 лет, тем более, что они, как правило, были исследованиями на разные темы. А.И.Яковлев, написавший также обе диссертации на разные темы, представил их через несколько месяцев одну после другой, дав в общем, вместе с приложениями, 988 страниц печатного текста.

По словам И.Я.Яковлева, Алексей Иванович разбил свой большой труд на два самостоятельных исследования (одно для получения звания магистра, другое — для докторской диссертации) по совету известного историка С.Ф.Платонова. А.И.Яковлев познакомился с ним через В.О.Ключевского. С.Ф.Платонов все время поддерживал А.И.Яковлева в его исторических исследованиях, помогал ему найти средства для издания его сочинений и т.п.²⁴

19 февраля 1917 г. А.И.Яковлев защитил в Московском университете магистерскую диссертацию на тему «Засечная черта Московского государства в XVII веке». В ней на обширном архивном материале он показал ту систему оборонительных сооружений Московского государства XVI—XVII веков, которая на официальном языке того времени носила название «Черты» и которую А.И.Яковлев называл «Засечной чертой». Это были, тянувшиеся почти на протяжении 1000 верст, лесные завалы со сторожами и специально построенными городами-крепостями вдоль южных границ Московского государства. На ломаной линии Шацк—Рязск—Рязань—Тула—Одоев—Белев—Козельск, а затем Белгород—Валуйки—Воронеж—Тамбов тянулись оборонительные сооружения, которые вырастали на плечах крестьянских масс, труд которых в обязательном порядке использовало Московское правительство в борьбе с крымскими вторжениями и другой степной опасностью.

В магистерской диссертации А.И.Яковлев вскрыл феодально-землевладельческую природу всех тех укреплений, которые входили в систему Засечной черты XVII века. «Заботы Московского правительства о защите того или иного района, — писал А.И.Яковлев, — становились особенно оживленными, по-видимому, в связи с успехами крупной владельческой колонизации. Когда устраивалась Козловская черта, в этом районе уже были налицо владения кн. Д.М.Пожарского, монастырей Чудова и Спасского, москвичей Ив.Бобринцева-Пушкина, Богд.Плещеева, Степана, Кузьмы, Семёна,

Ивана Вельяминовых и др.»²⁵ Укрепления в районе Ельца и Лебедяни связаны были с тем, что в их уездах в 30-х гг. XVII века появляются обширные владения родного дяди царя Михаила, боярина И.Н.Романова.

Свои наблюдения над процессом возникновения южных оборонительных сооружений Московского государства во второй половине XVI века и их поддержания в XVII веке А.И.Яковлев в заключительном разделе своей книги резюмирует так: «Черта, как учреждение, выражала тот момент в развитии московского строя, когда главное внимание влиятельных слоёв населения и правительственной власти было направлено на Москву и на Замосковский район. Всем своим расположением черта говорила о стремлении закрыть подступы к центру государства»²⁶.

Рассматривая военно-оборонительное значение засечных черт, А.И.Яковлев указывал и на то, что строительство черт было связано с дальнейшими захватами крестьянских земель и усилением феодально-крепостнического гнета.

На защите магистерской диссертации в качестве неофициального оппонента выступил профессор С.Ф.Платонов. 20 марта И.Я.Яковлев сообщил Алексею: «Дней 10 тому назад я получил письмо от С.Ф.Платонова о твоём диспуте (так называлась в то время защита диссертации. — Г.А.), оно помечено 21 февраля. Очень лестный отзыв. Это было для меня большою радостью»²⁷.

1 мая того же 1917 года А.И.Яковлев защитил докторскую диссертацию на тему «Приказ сбора ратных людей». В этом исследовании А.И.Яковлев рассмотрел действия приказа на протяжении 1637—1653 гг. и показал теснейшую связь этого приказа с общим ростом государственного бюрократического аппарата того времени.

Разрабатывая тему своей докторской диссертации, А.И.Яковлев ставил перед собой изучение следующих вопросов: 1) кризиса финансового строя Московского государства в XVII веке, 2) вскрытие развившихся при взимании сбора, порученных Приказу сбора ратных людей, взаимоотношений между властью и служилым обществом и 3) выяснение того, как велико было податное обложение в отдельных посадах и чёрных уездах.

В своем исследовании А.И.Яковлев показал, как финан-

совые порядки и податная практика XVII века теснейшим образом сплетались с окончательным оформлением крепостного права, с полным подчинением служилым людям проживавших в их поместьях и вотчинах непосредственных производителей — крестьян и бобылей.

Подворная перепись 1646 года и была прямым результатом тех податных мероприятий, которые проводились в жизнь Приказом сбора ратных людей. Эта перепись положила конец праву выхода крестьян, ликвидировала «урочные годы» сыска беглых и подготовила те юридические нормы, которые вошли в XI-ю главу Соборного Уложения 1649 года, завершив тем самым оформление крепостного права на крестьян.

На защите докторской диссертации выступили оппоненты: официальные — профессор Ю.В.Готье и приват-доцент С.В.Бахрушин, неофициальный — профессор А.А.Кизеветтер. Осенью 1917 г. совет Московского университета избрал А.И.Яковлева экстраординарным профессором, а в феврале 1918 г. — ординарным профессором по кафедре русской истории Московского университета до 1924 г.

20 апреля 1918 г. А.И.Яковлев был принят в Кремле В.И.Лениным. Он рассказал главе правительства, что И.Я.Яковлев 13 апреля не был избран председателем педагогического совета Симбирской чувашской учительской семинарии. В тот же день В.И.Ленин послал телеграмму в Симбирский Совет, в которой писал, что Яковлева не следует отрывать от дела его жизни. Прошло несколько дней, а ответа из Симбирска еще не было. А.И.Яковлев вторично посетил В.И.Ленина (это произошло не ранее 26 — не позднее 29 апреля) и ознакомил его с полученной им телеграммой от отца с просьбой ходатайствовать перед Симбирским Советом о предоставлении ему работы в учительской семинарии. Ленин написал записку управляющему делами Совнаркома В.Д.Бонч-Бруевичу: «Отправьте, пожалуйста, еще телеграмму в Симбирск председателю Совдепа с просьбой ответить на мою телеграмму»²⁶.

Спустя много лет А.И.Яковлев вспоминал: «В 1918 г. Ленин вызвал меня и предложил мне принять активное участие в политической работе. Не чувствуя себя подходящим

к таким заданиям, я выразил желание остаться и далее при скромном ремесле преподавателя истории. Мой отказ не повлек за собой неудовольствия Владимира Ильича, и он до конца своей жизни сохранил ко мне доверие»²⁹.

24 августа 1918 г. А.И.Яковлев обратился к В.И.Ленину с письмом, в котором просил прекратить дело философа И.А.Ильина, что и «существенно повлияло на ход процесса»³⁰. 27 августа того же года он просил Ленина принять меры к освобождению из-под ареста активного деятеля кадетской партии историка С.В.Бахрушина. Ленин, ознакомившись с письмом, на конверте сделал надпись: «В.Д.Бонч-Бруевичу».

Летом 1919 г. А.И.Яковлев был назначен заведующим отделом русской истории библиотеки Румянцевского музея.

В середине августа 1920 г. А.И.Яковлев с семьей переехал из Москвы в Симбирск. Здесь он читал лекции по русской истории в Чувашском институте народного образования, заведовал в нем учебной частью. Некоторое время проработал ректором Симбирского института народного образования, организовал губернский архив и был его заведующим.

В марте 1922 г. ректором Чувашского института народного образования был назначен заведующий Чувашским облоно И.Н.Яшгайкин. Сразу же после прибытия в Симбирск он уволил А.И.Яковлева из института за якобы «буржуазное» преподавание истории. После этого А.И.Яковлев возвратился в Москву. Дальнейшая его служба сложилась следующим образом:

с 1924 по 1930 г. преподавал в университете, не занимая должности профессора, только отдельные специальные курсы. Одновременно читал лекции по истории на Высших литературных курсах и заведовал их учебной частью;

в 1924—1930 гг. работал директором библиотеки ВСНХ; одновременно с 1922 по 1930 г. являлся действительным членом Института истории РАНИОНа (Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов), где сосредоточил всю свою научно-исследовательскую работу;

31 января 1929 г. избран членом-корреспондентом АН СССР.

Наряду с исследовательской работой Алексей Иванович с 1922 по 1930 гг. уделял много труда и времени подготовке молодых специалистов историков, которые состояли

аспирантами РАНИОНа. Его учениками в качестве аспирантов Института истории за эти годы являлись такие видные впоследствии историки, как академик Л.В.Черепнин, профессор А.А.Новосельский, В.И.Авдиев, Б.Б.Кафенгауз и др.

12 августа 1930 г. А.И.Яковлев неожиданно был арестован. Ему, а также академикам С.Ф.Платонову, Е.В.Тарле, Н.П.Лихачеву, М.К.Любавскому и другим инкриминировалось «участие» в «монархическом заговоре». Аресты начались в октябре 1929 г. К началу декабря 1930 г. число подсудимых превысило 100 человек. Всех их обвинили в создании контрреволюционной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России» с целью свержения советской власти и восстановления монархии³¹. А.И.Яковлев был отнесен к группе заключенных, которой отводилась «руководящая роль» в создании антисоветской организации. Приговор в отношении этой группы был вынесен коллегией ОГПУ 8 августа 1931 г. А.И.Яковлева осудили к ссылке сроком на 5 лет. Он был отправлен в ссылку в Минусинск, где преподавал английский и латинский языки и состоял помощником библиотекаря в Мартьяновском музее. 26 ноября 1931 г. А.И.Яковлев обратился с просьбой о помощи к заместителю наркома просвещения РСФСР М.Н.Покровскому (неизвестно, дождался ли он ответа). В 1933 г. А.И.Яковлев был реабилитирован и возвращен в Москву.

С 1934 по 1937 г. Алексей Иванович заведовал Бюро транскрипции географических названий при картографическом тресте. В 1938 г. был принят на работу в Институт истории АН СССР, где занимал до самой смерти должность старшего научного сотрудника в секторе феодализма и состоял членом Совета Института.

В 1941 г. А.И.Яковлев возобновил свою педагогическую работу, на этот раз в Московском государственном библиотечном институте, где работал профессором до 1949 г.

В 1942 г. в «Историческом журнале» (№ 1—2) А.И.Яковлев опубликовал свои воспоминания «Четыре встречи с Лениным».

Постановлением СНК СССР от 22 марта 1943 г. за труд «Холопство и холопы в Московском государстве XVII века» А.И.Яковлеву была присуждена Сталинская премия

второй степени за 1942 г. Премию — 100 тысяч рублей — он пожертвовал детским приютам Чувашии и Мордовии.

Названное исследование А.И.Яковлева, обильно снабженное чрезвычайно интересной архивной документацией, распадается на две части. Первая из этих частей является исследованием проблемы холопства в XVII веке; вторая же часть состоит из ряда прибавлений и приложений терминологического, демографического, топонимического и документального характера.

В той части своего труда, которая носит исследовательский характер, А.И.Яковлев останавливается на следующей проблематике: 1) Эволюция древнерусского холопства в X—XVI веках; 2) Статистика новгородских закабалений 1592—1609 годов; 3) Юридические вопросы холопского права; 4) Господа и холопы в XVII веке; 5) Борьба холопов в XVII веке за свою свободу.

Центральным вопросом своей работы А.И.Яковлев считал вскрытие реальной картины взаимоотношений между господами и холопами. Этому вопросу посвящены в его исследовании целых три главы: четвертая, пятая и шестая.

Опираясь на новые, открытые им в архивных фондах Московских приказов XVII века документальные материалы, А.И.Яковлев дал яркую картину классовых противоречий, которыми было пронизано все русское государство при первых Романовых и тех судебных порядков, с помощью которых правящей боярско-дворянской верхушке удавалось закабалить и охолопливать сотни и тысячи обездоленных и разоренных людей из широких масс трудового населения города и деревни.

В 1943 г. А.И.Яковлев написал рецензию на книгу «История Казахской ССР с древнейших времен и до наших дней», подготовленную авторским коллективом из 33 человек. Этот труд был издан АН Казахской ССР в 1943 г. в Алма-Ате под редакцией члена-корреспондента АН СССР, заместителя директора Института истории АН СССР А.М.Панкратовой и М.Абдыкалыкова*. Копию рецензии А.И.Яковлев направил в идеологический аппарат ЦК ВКП(б) — Управление

* Историю Казахстана начали писать в октябре 1941 г. В 1942 г., когда в Алма-Ату приехала А.М.Панкратова, основные части книги были уже написаны.

пропаганды и агитации (УПА). В отзыве А.И.Яковлева отмечалось, что авторы не смогли в полной мере оценить тенденцию продвижения России в Казахстан и Среднюю Азию как объективно обусловленную всем ходом общественного развития, исторически прогрессивную, преувеличили значение имевших место антирусских восстаний и других выступлений в складывающихся взаимоотношениях двух народов.

В аппарате УПА эта критика была «заострена», и устами его руководителя Г.Ф.Александрова за этой книгой утвердился ярлык «антирусской».

2 марта и 12 мая 1944 г. А.М.Панкратова обратилась в ЦК ВКП(б) с письмами. В этих письмах она назвала и подробно комментировала негативные, по ее мнению, явления в исторической науке, подвергла критике УПА и персонально Александрова за слабое руководство «историческим фронтом», просила ЦК помочь разобраться в спорных проблемах, а в письме от 12 мая выразила пожелание, чтобы ЦК ВКП(б) собрал совещание историков и обсудил сложившееся в исторической науке положение.

Совещание по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) открылось 29 мая 1944 г. выступлением Г.М.Маленкова. Последующие заседания, целиком посвященные выступлениям приглашенных историков, состоялись 1, 5, 10, 22 июня и 8 июля 1944 г. В работе совещания участвовали известные советские историки (как члены ВКП(б), так и беспартийные), в основном специализировавшиеся по истории СССР, секретарь ЦК ВКП(б) А.С.Щербаков, группа ответственных работников аппарата ЦК ВКП(б), ведавших идеологической, организационно-партийной и кадровой работой, — всего более 50 человек. Председательствовал на заседаниях Щербаков.

Содержание этого совещания может быть понято и оценено, с одной стороны, лишь в контексте положения в исторической науке, возникшего в 1930-х гг. в результате влияния сталинизма и личного вмешательства И.В.Сталина в решение общеметодологических и ряда конкретно-исторических проблем истории России и зарубежных стран, а с другой стороны, в контексте идеологической и политической ситуации, создавшейся в стране в годы Великой Отечественной войны. В 1944 г. исполнилось 10 лет с момента появления

ряда постановлений Советского правительства и ЦК ВКП(б) о преподавании гражданской истории в школах и вузах, замечаний И.В.Сталина, С.М.Кирова, А.А.Жданова на конспекты учебников по истории СССР и новой истории, письма Сталина в Политбюро ЦК с оценкой статьи Ф.Энгельса «Внешняя политика русского царизма» («Большевик», 1941, май), оказавших большое влияние на советскую историческую науку и преподавание исторических дисциплин. Эти документы, в том числе опубликованное 16 мая 1934 г. постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О преподавании гражданской истории в школах СССР», с одной стороны, освободили историческую науку от воздействия теретических и методологических взглядов М.Н.Покровского и его последователей, открывая дорогу научной критике взглядов Покровского, а с другой стороны, — сталинский режим, проводя реформирование исторической науки и образования, имел в виду задачу обоснования идей державности, которые сталинизм как идеологическая и политическая система все более интегрировал. Кроме того, сталинский режим с опозданием, но постепенно осознавал, что в идеологической подготовке войны, а тем более в ходе войны, нельзя сбрасывать со счета историческое сознание народа, его военно-патриотические традиции, в особенности русский патриотизм. Произошло своеобразное переплетение интересов науки (поскольку влияние Покровского сдерживало ее развитие, сужало проблематику и методологию исследований) и интересов тоталитарного режима, ставившего своей задачей направить внимание как старшего, так и нового поколений историков в нужное режиму идеологическое русло. Все эти проблемы с новой остротой встали перед исторической наукой в годы Великой Отечественной войны.

С началом Великой Отечественной войны, вызвавшей гигантский подъем национального, патриотического самосознания народа, обозначились определенные изменения в стиле и методах работы партийного и государственного аппарата: уменьшение репрессий, ослабление идейно-политического пресса в отношении творческой интеллигенции, религиозных организаций и т.д. Появилась надежда и на более существенные перемены либерального характера в общественном и государственном устройстве. Некоторые

представители научной, творческой интеллигенции почувствовали и использовали возможность более свободного выражения своих взглядов и мнений (в том числе и критических) по поводу советской действительности, партийной политики, по проблемам истории, философии, литературы и искусства.

На совещании историков критиковали всех, кто упоминался в упомянутых письмах Панкратовой и материалах УПА. Была высказана критика и в отношении А.И.Яковлева. А.М.Панкратова заявила, что книга А.И.Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII века» получила Сталинскую премию по явному недоразумению. Эта книга, по мнению Панкратовой, не только не является марксистской, но и не является патриотической книгой³².

Профессор Московского университета Б.И.Сыромятников заявил, что книга «Холопство и холопы...» «у всех нас, историков, вызывает полное недоумение: каким образом автор мог написать, что войско в древней Руси состояло из холопов и что на Куликовом поле победил не русский народ, не народное ополчение, а боярские холопы?» Сыромятников критиковал Яковлева за то, что он большинство названий городов Древней Руси производит от холопского строя Московского царства: «Возьмем город Вязьму, от какого слова произошел этот город? В древней Руси холопов «связывали», вот Вязьма и происходит от слова «вязать». Дальше — город Псков (Плесков), получивший свое название от озера Псковского (Плескова), у Яковлева происходит от глагола «плескать», что значит «бичевать», так как в древней Руси рабов «бичевали» Дальше, город Галич происходит от «птичьего гомона». Дело в том, что в Галиче существовал рынок, на котором продавали разноплеменных, разноязычных рабов, так вот этот шумный рынок напоминал собой «птичий гомон», галочий крик и поэтому его называли Галичем. Дальше — город Жидичи. Название его, якобы, происходит от рынка, где продавали рабов только евреям. Некоторые товарищи, я вижу, весело улыбаются, когда я сообщаю такие факты, но это весьма плачевные явления на фронте нашей исторической науки»³³.

Член-корреспондент АН СССР, руководитель сектора славяноведения Института истории АН СССР В.И.Пичета

отметил следующее: «В 1937 г. в Институте истории АН СССР А.И.Яковлев прочел доклад, в котором он передал содержание своей работы («Холопство и холопы...» — Г.А.). Тогда его доклад вызвал много возражений. В частности, я принимал горячее участие в обсуждении этого вопроса и должен констатировать, к своему величайшему сожалению, что то, что написано им в этих главах, — это то, что было прочтено в 1937 г. Те критические замечания, которые были сделаны, им не были приняты во внимание».

Пичета также заявил: «А.И.Яковлев, беря греческое слово «скляпы», что означает «славяне», старается доказать, что славяне поступали на западноевропейские и восточные рынки в качестве рабов. Благодаря этому слово «скляпы» появляется в некоторых языках — романском и других, созвучное со словом «склявой», что означает «раб». В глазах всей Западной Европы и Востока славяне были рабы. Это — первый замечательный вывод, к которому приходит член-корреспондент Академии наук Яковлев. Он пытается доказать, что слово «скляпы» при известной перестановке получает значение «холоп», «хлап», отсюда русское «холоп». Отсюда славяне — рабы, хотя такую точку зрения, что «славяне» происходит от слова раб, никто никогда в историографии не поддерживал, как это делает советский ученый Яковлев. Он старался доказать, что Киевское государство — это страна рабов, что эти рабы разбегаются в разные стороны... и получается колонизация русской равнины рабами. Это сногшибательное открытие, которое до сих пор еще никто из наших историков не делал. А.И.Яковлев хочет доказать, что целый ряд географических названий связан со словом «раб»... Работа А.И.Яковлева является вредной, а научно — неграмотной»³⁴.

10 июня на совещании слово было предоставлено А.И.Яковлеву. Он посвятил свое выступление недостаткам в преподавании истории в советской школе³⁵.

21 июня А.И.Яковлев обратился с докладной запиской «О некоторых вопросах истории СССР и преподавании ее в школе» на имя Г.М.Маленкова, А.А.Андреева и А.С.Щербакова, а 22 июня — с письмом Щербакову с приложением справки «Неточности, недоразумения и ошибки в статье «Михаил Кутузов» («Правда» от 31 июля 1942 г.) с просьбой присоединить ее к протоколу совещания от 10 июня 1944 г.»³⁶

22 июня на совещании было оглашено заявление А.М.Панкратовой, адресованное секретарю ЦК ВКП(б) А.С.Щербакову. В нем говорилось: «Авторы книги («Истории Казахской ССР...» — Г.А.), дважды обсудив рецензию Яковлева и изложенные в ней установки, не считают возможным принять их как не соответствующие основам марксизма-ленинизма в вопросах национально-колониальной политики, а политически имеющие тенденцию великодержавного шовинизма, способную лишь вызвать реакцию местного шовинизма, а не бороться с ним»³⁷.

8 июля, на последнем заседании совещания, выступил академик, вице-президент АН СССР В.П.Волгин. Он сказал: «Здесь очень многие выступали с критикой книги А.И.Яковлева. Ведь книгу по сути дела (судя и по выступлениям) единодушно порицали как с научной, так и с политической точки зрения. Ко мне пришли однажды с заявлением о том, что А.И.Яковлев развивает неправильные точки зрения в своей книге по истории холопства. Я предложил поставить доклад А.И.Яковлева, подвергнуть его критике, и тогда дело будет совершенно ясно. Доклад был поставлен на тему, близкую к теме работы. Но обсуждение этого доклада, как мне передавали, превратилось в хор хвалебных речей»³⁸.

Эти и другие выступления участников совещания показывают, сколь трудным, противоречивым, искаженным идеологическими стереотипами оказался в тот период путь ученого к исторической истине, сколь многоопытными за годы сталинских репрессий и прямого вмешательства Сталина в науку стали многие ученые в их следовании предписанным партийным руководством «правилам игры», как откровенное политиканство и политическое доносительство переплеталось с попытками ученых отстаивать свое право на научное творчество, защищать от искажений объективные исторические факты и методологические выводы, добытые путем не прекращавшихся в трудных условиях научных изысканий.

Совещание историков длительное время входило в категорию закрытых мероприятий ЦК. Никакой информации о нем в периодической печати не публиковалось, но, как видно из материалов журнала «Большевик», критический заряд против инакомыслящих историков было решено выпустить

не в концентрированном виде официальных директив ЦК, а распределить по отдельным работам, оказавшимся в центре критического внимания совещания. Причем сделано это было в более корректной, чем в выступлениях на совещании, форме развернутых научных рецензий. В «Большевике» выступили С.В.Бахрушин по книгам Б.И.Сыромятникова «Регулярное государство Петра I» и А.И.Яковлева «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.», Н.Н.Яковлев о книге Е.В.Тарле «Крымская война» и М.А.Морозов — об «Истории Казахской ССР...»³⁹

Работа «Холопство и холопы в Московском государстве XVII в.» подверглась критике в 1944 г. в «Историческом журнале» (№ 10—11) (рецензии С.Б.Веселовского, В.В.Виноградова и С.В.Покровского). Обстоятельная критика взглядов А.И.Яковлева была проделана в статье Е.Н.Кушевой («Исторические записки», т. 15, 1945 г.).

По-видимому, критические выступления на совещании историков в ЦК ВКП(б) и в журналах привели к тому, что А.И.Яковлев прекратил работу над темой о холопстве.

В 70-е гг. критические взгляды об этой книге А.И.Яковлева были высказаны в монографиях В.И.Корецкого и Е.И.Колычевой⁴⁰. В.М.Панеях, занимающийся изучением холопства в XVII веке, считает, что труд А.И.Яковлева о холопстве остался незавершенным (вышел лишь его первый том). Панеях пишет: «А.И.Яковлев прошел мимо основного для первой половины XVII в. источника — кабальных книг второго-пятого десятилетий (точнее, 1614—1650 гг.). Это обстоятельство наложило отпечаток на всю его работу: она получилась по преимуществу историко-правовой. Однако и применительно к данному аспекту книга еще в момент выхода вызвала существенные возражения, поскольку автор, отказавшись от использования такого массового источника, каким являются кабальные книги, лишился возможности сопоставить юридические нормы с повседневной практикой функционирования холопства. Следовательно, в настоящее время книга А.И.Яковлева должна быть оценена как устаревшая»⁴¹.

В 1943 и 1944 гг. А.И.Яковлев опубликовал брошюры о Суворове и Александре Невском.

В 1945 г. советское правительство наградило А.И.Яков-

лева медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной вой-не 1941—1945 гг.» и орденом Трудового Красного Знамени в честь 220-летия со дня основания Академии наук.

В 1946 г. к 35-летию со дня смерти В.О.Ключевского А.И.Яковлев напечатал о нем большую статью⁴². Через три года В.Т.Пашуто подверг эту статью резкой критике, охарактеризовав ее как «панегирик Ключевскому», игнорирующий все выводы марксистской науки, как «восторженную популяризацию основных трудов Ключевского»⁴³. Академик М.В.Нечкина отметила, что А.И.Яковлев насытил эту работу большим и живым фактическим материалом. Но «Ключевский рисуется автором в ореоле полностью свободного и ни от кого в своих выводах не зависимого ученого»⁴⁴.

В 1948 г. в Чебоксарах к 100-летию со дня рождения отца А.И.Яковлев издал книгу «Иван Яковлевич Яковлев» (переиздана в 1958 г.).

Весомый вклад внес А.И.Яковлев в издание письменных исторических источников.

Вместе с профессорами и преподавателями Московского университета и Московских Высших женских курсов Алексей Иванович в 1906—1908 гг. принимал участие в подготовке к публикации и в редактировании таких учебных изданий, как «Соборное Уложение 1649 г.», «Памятники по истории крестьян XVI—XVII веков» и «Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости 19-го февраля 1861 года».

В 1909 г. вышли под редакцией А.И.Яковлева «Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства» и «Памятники истории Смутного времени». Оба эти сборника дали в руки студентов и молодых начинающих исследователей прекрасно подобранный материал с обстоятельными вводными статьями: с одной стороны — по истории местного управления в централизованном русском государстве XV—XVI веков, а с другой — по истории крестьянской войны и героической борьбы русского народа с польско-шведской интервенцией начала XVII века.

В 1914 г. А.И.Яковлев выпустил по трем основным спискам «Русскую Правду» (учебное пособие), чем облегчил работу студентов-историков над этим ценнейшим древне-

русским юридическим памятником.

В следующем 1915 г. под редакцией А.И.Яковлева вышло «Положение о Губернских и Уездных земских учреждениях 1-го января 1864 года» с последующими изменениями и дополнениями по изданию 1886 года. Этот памятник дал возможность изучать систему местного управления в пореформенной России второй половины XIX века в студенческих семинарах на историко-филологических факультетах в университетах и на историко-философских факультетах Высших женских курсов.

В книге «Декабристы» (сборник материалов, издание «Прибой», Л., 1926 г.) А.И.Яковлевым совместно с Ю.В.Готье напечатана была «Конституция» Н.Муравьева и документы с его предисловием по восстанию в Семеновском гвардейском полку в 1820 г. В непосредственной связи с этой последней работой стоит изучение А.И.Яковлевым материалов по восстанию военных поселян в Новгородской губернии в 1831 г. Обширный фонд по этому восстанию он обнаружил в Военно-историческом архиве в Москве, просистематизировал и обработал его. В результате кропотливой работы получилось исследование «Восстание военных поселян в 1831 году», которое осталось в рукописи среди литературного наследия А.И.Яковлева.

В годы своей работы в Институте истории РАНИОНа А.И.Яковлев при участии А.А.Новосельского подобрал в Московских архивах и выпустил несколькими сборниками в машинописном виде такие издания, как «Памятники истории крестьян и холопов в Московском государстве XVII века», в 1925 г. тома 3—5, а также совместно с С.Б.Веселовским — «Памятники хозяйственной истории Троице-Сергиевской лавры» — в 1926 г. В 1928 г. совместно с Л.В.Черепниным А.И.Яковлев выпустил новым изданием «Русскую Правду» по спискам Академическому, Троицкому и Карамзинскому. В 1929 г. им совместно с С.Б.Веселовским при участии Л.В.Черепнина были изданы «Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV—XVII веков», том 1.

В 1938 г. под редакцией А.И.Яковлева в издании Академии наук СССР вышли «Новгородские записные кабальные книги 1591—1596 и 1602—1603 гг.», части 1—2. Эти книги

впервые пустили в научный оборот ценнейший документальный материал по истории русского холопства конца XVI и начала XVII веков, т.е. как раз того времени, которое предшествовало первой крестьянской войне под руководством И.Болотникова.

В 1940 г. совместно с Л.В.Черепниным в «Исторических записках» (т. 6) Института истории АН СССР А.И.Яковлевым был напечатан перевод Псковской Судной Грамоты со вступительной статьей и с приложением списка литературы — к ней.

В 1940 и 1945 годах с археографическими введениями А.И.Яковлева изданы были I и II тома «Актов хозяйства боярина Б.И.Морозова», III том этих актов, подготовленный к печати, остался в рукописи в архиве А.И.Яковлева. «Акты» проливают яркий свет на хозяйственный строй обширных владений одного из самых крупных феодалов-крепостников XVII века. Изданием этих Актов А.И.Яковлев ввел в оборот исторической науки ценнейший документальный комплекс, характеризующий вотчинное хозяйство периода окончательного оформления крепостного права на крестьян в русском централизованном государстве.

В 1950—51 гг. под редакцией А.И.Яковлева с его ценными археографическими введениями вышли «Таможенные книги Московского государства XVII века» в трех объемистых томах. Эти книги, охватывающие время с 30-х по 80-е годы XVII века, дают в руки исследователя богатый конкретный материал для изучения основной проблемы истории России XVII века — формирование единого внутреннего всероссийского рынка.

Но особенно много труда и внимания за последние 16 лет своей жизни А.И.Яковлев, как исследователь и педагог, уделил работе по изучению исторических судеб мордовского народа, публикации «Документов и материалов по истории Мордовской АССР» и по выращиванию молодых научных кадров в системе Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете Министров Мордовской АССР.

Под непосредственным руководством А.И.Яковлева защитили свои диссертации и получили ученую степень кандидата исторических наук мордвина Г.Я.Меркушкин,

В.И.Самаркин, Т.Е.Купряшкин, К.А.Котков. В специальных исторических журналах А.И.Яковлев отмечал достижения мордовских историков обстоятельными рецензиями на их книги по истории Мордовии¹⁵.

Особенно много сделал А.И.Яковлев по подбору и редактированию документов и материалов по истории Мордовии и по другим изданиям, связанным с историческим прошлым мордовского народа. Так на протяжении 1939—1951 гг. под его редакцией вышло пять томов «Документов и материалов по истории Мордовской АССР». Это ценное многотомное издание дает в руки специалистов по истории Мордовии прекрасно подобранный материал, почерпнутый из центральных и местных архивных фондов и изданный с соблюдением всех правил исторической археографии. Все тома этого издания снабжались предисловиями и вступительными статьями А.И.Яковлева, как главного его редактора.

В 1941 г. Мордовским НИИ были выпущены под редакцией А.И.Яковлева «Древности мордовского народа», обширный том в 32¹/₂ печ. листа.

В 1941 г. под редакцией А.И.Яковлева и с обширным предисловием вышли из печати «Материалы для библиографии по истории мордовского народа».

В 1951 г. под редакцией А.И.Яковлева была напечатана «Саранская таможенная книга за 1692 год». Это издание дает возможность осветить вопрос об участии Мордовии в процессе складывания и формирования единого всероссийского рынка в XVII веке.

30 октября 1947 г. Президиум Верховного Совета Мордовской АССР за многолетнюю и успешную работу наградил А.И.Яковлева Почетной грамотой. 28 декабря 1948 г. Ученый Совет НИИ при Совете Министров Мордовской АССР решил войти с ходатайством в Президиум Верховного Совета РСФСР о присвоении А.И.Яковлеву звания заслуженного деятеля науки РСФСР¹⁶.

Из документов личного фонда А.И.Яковлева, хранящегося в архиве РАН, можно узнать, что он рецензировал научные работы марийских историков. Большая помощь была оказана им чувашскому историку П.Г.Григорьеву в его работе над кандидатской диссертацией.

А.И.Яковлев и его жена О.П.Приклонская (1879—1966)

воспитали троих детей. Дочь Наталья (1906—1975) выучилась на врача, вышла замуж за француза и прожила жизнь в Париже. Дочь Ольга (1908—1995) окончила исторический факультет МГУ, стала кандидатом исторических наук, преподавала в московских вузах. Сын Иван (1912—2000) закончил физический факультет МГУ и всю жизнь проработал там же, из них 15 лет заведовал кафедрой физики кристаллов.

Скончался А.И.Яковлев 30 июля 1951 г. в Институте Склифосовского. Урны с прахом его, жены, дочери и сына установлены в земле на Новодевичьем кладбище, 2-й участок, 31-й ряд, могила № 19.

А.И.Яковлев был искренне верующим человеком. На его могиле стоит простой крест из черного мрамора. Это вызвало в свое время протест со стороны отдела науки ЦК КПСС («Человек с Лениным встречался, а на могиле — крест!»). Ольга Алексеевна была вынуждена показать письменное завещание, составленное отцом даже с рисунком креста.

Л.Н.Пушкарев, в 1948—1951 гг. работавший вместе с А.И.Яковлевым, пишет, что ум и знания А.И.Яковлева в полной мере не были востребованы. А.И.Яковлев рассказал ему такой случай. В свое время известный историк и социолог Н.И.Кареев издал книгу о теории исторического познания. А.И.Яковлев начал ее разбирать, критиковать, а потом так увлекся, что решил сам свою теорию исторического познания создать. Написал около 900 страниц. Из Института истории позвонили в отдел науки ЦК КПСС, после чего А.И.Яковлеву пришлось явиться туда. Там ему сказали, что все эти вопросы давным-давно уже разработаны Марксом, Энгельсом и Лениным: «Вы что, умнее классиков марксизма-ленинизма хотите стать?»¹⁷

По словам академика Л.В.Черепнина, после похорон А.И.Яковлева на заседании сектора истории феодализма Института истории АН СССР выступил А.А.Новосельский. Он произнес очень теплую речь, посвященную памяти своего учителя, в которой отдал ему дань благодарности¹⁸.

Источники и литература

¹ *Яковлев А.И.* Воспоминания об отце //История и культура Чувашской АССР. Чебоксары, 1972. Вып. 2. С. 384.

² 17 августа 1920 г. А.В.Жиркевич, друживший с И.Я.Яковлевым, отметил в дневнике, что А.И.Яковлев французским языком владеет хорошо. См.: Жиркевич А.В. Мои встречи с И.Я.Яковлевым. Чебоксары, 1998. С. 219.

А.Н.Пушкарев, работавший под руководством А.И.Яковлева в 1948—1951 гг. в Институте истории АН СССР, писал: «Он прекрасно владел тремя европейскими языками, свободно читал по-гречески, а латынь знал в совершенстве настолько, что писал стихи». См.: Советская Чувашия, 1997, 15 января.

³ Центральный государственный архив Чувашской Республики (ЦГА ЧР). Ф. 515. Оп. 1. Д. 388. Л. 26.

⁴ *Яковлев А.И.* Воспоминания об отце. С. 384.

⁵ ЦГА ЧР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 106. Л. 7, 8.

⁶ Там же. Оп. 1. Д. 388. Л. 21 об.—23.

⁷ Там же. Д. 387. Л. 25.

⁸ *Яковлев И.Я.* Письма. Чебоксары, 1985. С. 231—232.

⁹ *Яковлев А.И.* Воспоминания об отце. С. 383.

¹⁰ ЦГА ЧР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 120. Л. 4—5.

¹¹ Там же. Д. 121. Л. 1—2.

¹² Цит. по кн.: *Александров Г.А.* Иван Яковлевич Яковлев: фрагменты жизни. Чебоксары, 1997. С. 25.

¹³ ЦГА ЧР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 111. Л. 7.

¹⁴ *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 269.

¹⁵ Там же. С. 466.

¹⁶ Там же. С. 468.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ЦГА ЧР. Ф. 515. Оп. 2. Д. 112. Л. 16.

¹⁹ Там же. Л. 7—8.

²⁰ *Ленин В.И.* Биографическая хроника. М., 1971. Т. 2. С. 114.

²¹ ЦГА ЧР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 119. Л. 5 об.

²² Там же. Оп. 2. Д. 118. Л. 12 об., 14.

Этот портрет В.О.Ключевского, выполненный О.П.Яковлевой, помещен в книгах: Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключескому его учениками, друзьями и почитателями ко дню тридцатилетия его профессорской деятельности в Московском университете. М., 1909; В.О.Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. На портрете сделана надпись: «27-е марта 1907 г. О.Я.»

С 1974 г. портрет под номером Г—998 хранится в Чувашском государственном художественном музее.

²³ Там же. Д. 107. Л. 4.

²⁴ *Яковлев И.Я.* Моя жизнь. Воспоминания. М., 1997. С. 273.

²⁵ *Яковлев А.И.* Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916. С. 19.

²⁶ Там же. С. 885.

²⁷ *Яковлев И.Я.* Письма. С. 273.

- ²⁶ Ленин В.И. Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 409.
- ²⁷ Цит. по кн.: Александров Г.А. Указ. соч. С. 31.
- ²⁸ Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1993. С. 27.
- ²⁹ См. об этом: Академическое дело 1929—1931 гг. Вып. 1. Дело по обвинению академика С.Ф.Платонова. СПб., 1993.
- ³⁰ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. // Вопросы истории, 1996. № 2. С. 70.
- ³¹ Там же. № 3. С. 101—102.
- ³² Там же. № 4. С. 66—67.
- ³³ Там же. С. 78—82.
- ³⁴ Там же. С. 93.
- ³⁵ Там же. № 5—6. С. 104.
- ³⁶ Там же. № 7. С. 81.
- ³⁷ Большевик, № 33, ноябрь 1944 г.; № 3—4, февраль 1945 г.; № 6, март 1945 г.; № 13, июль 1945 г.
- ³⁸ Корецкий В.И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 195—199; Колычева Е.И. Холопство и крепостничество (конец XV—XVI в.). М., 1971. С. 7.
- ³⁹ Паняях В.М. Холопство в первой половине XVII в. Л., 1984. С. 4.
- ⁴⁰ Яковлев А.И. В.О.Ключевский // Записки НИИ при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. 6. Саранск, 1946. С. 94—131.
- ⁴¹ Папуто В.Т. Рецензия на работу А.И.Яковлева // Вопросы истории, 1949. № 8. С. 138—140.
- ⁴² Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский. М., 1974. С. 42.
- ⁴³ См. об этом подробнее: Бочкарев В.Н. Алексей Иванович Яковлев / «Записки» № 15 Мордовского НИИ языка, литературы и истории. Саранск, 1952. С. 118.
- ⁴⁴ ЦГА ЧР. Ф. 1515. Оп. 1. Д. 202. Л. 3.
- ⁴⁵ Советская Чувашия, 1997, 15 января.
- ⁴⁶ Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII—XX вв. М., 1984. С. 227.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЧУВАШСКОГО
ЯЗЫКА

В книге «Чувашская интеллигенция: истоки» (Чебоксары, 1997) среди окончивших Самарский учительский институт я назвал Алексея Ильича Васильева, указал место, дату его рождения и время завершения им обучения в институте. Других сведений о нем в то время у меня не было. Позже удалось обнаружить об А.И.Васильеве архивные материалы у его внука В.А.Ерусланова и в Чувашском государственном институте гуманитарных наук. Эти документы помогли составить биографию А.И.Васильева более полно.

Родился А.И.Васильев 2(14) марта 1886 г. в чувашской деревне Емелькино Бугульминского уезда Самарской губернии (ныне Шенталинского района Самарской области) в крестьянской семье. По окончании начальной школы с января 1900 г. он назначен учителем в Емелькинскую школу грамоты. В 1902 г. поступил учиться в Шенталинскую второклассную церковноприходскую школу. Через три года после ее окончания работает учителем в Четырлинской школе грамоты Бугульминского уезда. Из-за близорукости Васильев освобождается от службы в армии. Летом 1908 г. он оставил работу в школе. Заведующий школой священник села Гуарма Д.Ф.Филимонов выдал ему удостоверение, в котором указал: «Учитель Васильев исполнял свои обязанности, при отличном поведении, с усердием и старанием достигал весьма хороших успехов, что видно из заметок ревизовавших Четырлинскую

школу начальствующих лиц, так и из экзаменационных документов»¹.

Один год А.И.Васильев обучался в Томской церковно-учительской школе. Воспитанники школы находились тогда под влиянием революционно настроенных томских студентов. Заведующий школой, архимандрит и ярый черносотенец, видел это и боролся с явлением весьма старательно. Противостояние закончилось тем, что в конце концов двое учащихся убили этого черносотенца. В убийстве заподозрили всех учащихся школы, и она по распоряжению Св. Синода была закрыта. А.Васильев очутился на улице большого города без средств к существованию. Он поступил санитаром в Томскую психиатрическую лечебницу, где ухаживал за душевнобольными. Работа эта ему не нравилась, и он уехал в деревню: нанялся к богатому поляку убирать сено. Заработав на дорогу, вернулся на родину, в Емелькино.

Пробыв несколько дней дома, А.Васильев поехал в Казань устраиваться на учебу. «Мысль о продолжении образования никогда не покидала меня», — писал Алексей Ильич в автобиографии². Его приняли во 2-й класс церковно-учительской школы — из-за великовозрастности в качестве вольнослушателя. За право учиться и питание платил школе своим трудом: исполнял обязанности сторожа. По прошествии двух лет в 1911 г. его допустили к выпускным испытаниям, которые он выдержал весьма успешно и удостоился звания учителя церковноприходской школы. А.И.Васильева опять назначили в Четырлинскую школу грамоты, где он работал раньше. В отчете Самарского епархиального комитета за 1912 г. его фамилия была отмечена среди лучших учителей «за энергичную, одушевленную и умелую деятельность»³.

В 1913 г. А.И.Васильев поступил на учебу в Самарский учительский институт. Наблюдатель церковноприходских школ Бугульминского уезда священник А.С.Иванов сообщал Д.Ф.Филимонову: «Удивляюсь энергии, трудолюбию и способности учителя Алексея Васильева. Он поступил учиться в Самарский учительский институт. Из него выйдет хороший учитель, а может быть и инспектор народных училищ»⁴.

Первый год Алексей Ильич жил частными уроками, а на второй год ему дали стипендию. Одновременно с ин-

ститутскими занятиями он посещал народную консерваторию, где занимался по классу скрипки. В начале 1916 г. окончил институт со званием учителя высшего начального училища. В его аттестате было записано, что он обязан прослужить 3 года и 2 месяца в должности учителя высшего начального училища за полученное им на казенный счет воспитание или возратить 264 рубля. А.Васильев был направлен преподавателем в Самарское высшее начальное училище.

Учительскую службу А.И.Васильев сочетал с вечерним обучением на историко-филологическом факультете Самарского университета (1917 – 1920). Голод, дровяной кризис и эпидемия тифа заставили его бросить университет (с 3 курса) и учительскую работу в городе. Он переехал в семилетнюю школу села Борское Бузулукского уезда. Там преподавал математику, а летом проводил занятия по чувашскому языку на учительских курсах. Осенью того же года, по распоряжению губернского совета национальностей, был командирован в село Тимяшево для организации чувашской школы второй ступени. Выполнив задание, остался работать в Тимяшеве в должности заведующего школой.

В августе 1922 г. Самарский губоно командировал А.И.Васильева учиться в Симбирский чувашский практический институт народного образования. Здесь он слушал лекции по чувашскому языку профессора Н.И.Ашмарина. В 1923 г. по окончании чувашеведческого отделения был назначен заведующим и учителем Тимяшевской семилетней школы, а через год стал учительствовать в Туарминской школе. В 1925 г. А.И.Васильев по совместительству исполнял обязанности инспектора чувашских школ Бугурусланского уезда.

В 1928 г. он становится преподавателем чувашского языка и пения в чувашском педагогическом и сельскохозяйственном техникумах в Ульяновске. А. И.Васильев проделал большую работу по сбору чувашского фольклора: им было собрано 250 разных песен, 118 описаний быта чувашей, 20 авторских образцов разговорной речи (сказок, пословиц, заговоров, считалок, загадок, частушек, приметов погоды). К записи песен он привлекал многих учеников Туарминской семилетней школы и студентов Ульяновского чувашского педагогического техникума. Ныне эти песни хранятся в Чувашском государственном институте гуманитарных наук.

Некоторые из них опубликованы в книге «Песни низовых чувашей» (Чебоксары, 1981).

В 1931 г. А.И.Васильев поступил в аспирантуру. Первые два года проходил учебу при кафедре русского языка Самарского педагогического института, а последний год — в Московском центральном научно-исследовательском педагогическом институте национальностей. В 1931—1933 гг. преподавал в Самаре в Высшей коммунистической сельскохозяйственной школе (ВКСХШ).

После окончания аспирантуры с апреля по сентябрь 1934 г. А.И.Васильев проработал в Самарском педагогическом институте преподавателем чувашского языка. Затем был приглашен в Чебоксары. Здесь трудился преподавателем чувашского языка и литературы в ВКСХШ и на областных курсах марксизма-ленинизма. По совместительству исполнял обязанности литературного редактора партийного сектора Чувашкнигоиздата. В 1936 г. педагогическая деятельность А.И.Васильева прерывается из-за болезни горла, он становится инвалидом, но время от времени работает внештатным научным сотрудником Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ЧНИИ ЯЛИ).

В 40-е годы А.И.Васильев принимал участие в работе по составлению и рецензированию программ и учебников по чувашскому языку. Он являлся соавтором «Грамматики чувашского языка. Часть I. Фонетика и морфология» для 5-6 классов, изданной в 1940 г. Этот учебник переиздавался 13 раз и использовался в чувашских школах около 20 лет. В 1950 г. был издан его «Сборник упражнений по синтаксису и пунктуации чувашского языка» для учащихся 6 класса (переиздан в 1959 г.). Перу А.И.Васильева принадлежат также переводы 14 статей В.И.Ленина и одной работы И.В.Сталина, учебника по истории древнего мира, учебника геометрии А.П.Киселева, который не раз переиздавался.

За заслуги в области образования 16 марта 1946 г. Президиум Верховного Совета Чувашской АССР присвоил А.И.Васильеву звание заслуженного учителя Чувашской АССР. 23 марта в ЧНИИ ЯЛИ было проведено заседание Ученого Совета в честь 60-летия со дня рождения А.И.Васильева и 35-летия его научно-педагогической деятельности. С сооб-

щением о работе юбиляра по чувашскому языку выступил кандидат филологических наук, старший научный сотрудник института В.Г.Егоров. Он, в частности, сказал: «Работы Васильева представляют большую ценность в лингвистическом отношении. Все они написаны на актуальные темы, читаются с большим интересом. Автор хорошо разбирается в самых сложных лингвистических вопросах, аргументация его неотразима»⁶.

Заведующий сектором литературы и фольклора И.С.Тукташ отметил, что среди собирателей и исследователей устного творения чувашского народа А.И.Васильев по праву занимает виднейшее место.

В газете «Чăваш коммуни» 23 марта была напечатана статья И.Тукташа о Васильеве с его фотокарточкой.

ЧНИИ ЯЛИ ходатайствовал перед Высшей Аттестационной Комиссией о присвоении А.И.Васильеву ученого звания старшего научного сотрудника. В январе 1947 г. ВАК сообщила, что ходатайство института отклонено ввиду того, что Васильев не имеет ученой степени кандидата наук.

В 1949 г. в «Записках» ЧНИИ ЯЛИ А.И.Васильев опубликовал работу «Вопросы чувашской орфографии». Он участвовал в составлении «Русско-чувашского словаря», изданного в Москве в 1951 г.

Скончался А.И.Васильев 21 июня 1957 г. в Москве, похоронен на Пятницком кладбище столицы.

Биография А.И.Васильева была бы неполной без описания его семейной жизни.

В брак Алексей Ильич вступил в 1917 г. с Антониной Даниловной, дочерью священника села Туарма Бугульминского уезда Д.Ф.Филимонова.

Васильевы вырастили двух детей. Дочь Валентина Алексеевна (1919—1993) окончила Чувашский пединститут, долго трудилась на химико-биологическом факультете этого же института, а с 1967 г. — на химфаке Чувашского госуниверситета. Сын Борис Алексеевич, 1927 года рождения, закончил военную академию и стал строителем, в звании полковника вышел в отставку. Его сын Николай Борисович, 1953 года рождения, — доктор технических наук, полковник, работает в Москве.

Источники и литература:

¹ Это удостоверение хранится у В.А.Ерусланова (г. Чебоксары), внука А.И.Васильева.

² Из личного дела А.И.Васильева, хранящегося в архиве ЧГИГН.

³ Самарские епархиальные ведомости. 1913. №5. С. 67.

⁴ НА ЧГИГН. Отд. 2. Ед. хр. 246. Л. 163.

⁵ ЦГА ЧР. Ф. 225. Оп. 1. Д. 50. Л. 6.

⁶ Из личного дела А.И.Васильева.

**Список опубликованных работ Г.А.Александрова
(начало списка помещено в книге
«Чувашская интеллигенция: истоки»)**

85. Потомки просветителя // Советская Чувашия. 1997. 25 апреля.
86. Просветитель народностей России (о Н.И.Ильминском) // Советская Чувашия. 1997. 6 мая.
87. Воспитанники Симбирской чувашской учительской школы // Хӑлах шкулӗ (Народная школа). 1997. № 3. С. 124—127.
88. Чӗмпӗрти чӑваш шкулӗнче вӗреннӗ (Учились в Симбирской чувашской школе) // Хыпар. 1997. 2 июля.
89. У постели умирающего патриарха // Советская Чувашия. 1998. 4 апреля.
90. В солидную книгу вкрались досадные неточности // Советская Чувашия. 1998. 27 мая.
91. Н.В.Никольский алсыру фончӗ (О рукописном фонде Н.В.Никольского) // Хыпар. 1998. 19 мая.
92. Борьба за чувашскую епархию // Советская Чувашия. 1998. 2 июля.
93. Исследователь не любит читать труды своих коллег // Советская Чувашия. 1998. 15 июля.
94. Об ошибках и неточностях яковлеоведа // Товарищ. 1998. 17 июля.
95. Переводчики в рясах трудились усердно // Советская Чувашия. 1998. 22 июля.
96. «Душа моя постоянно волнуется...» (О Д.Ф.Филимонове) // Чӑваш ен. 1998. 15 августа.
97. Сын просветителя — историк А.И.Яковлев // Чӑваш ен. 1998. 19 сентября.
98. Доброта, сердечная забота (Об отношении Яковлевых к Е.С.Ильминской) // Чӑваш ен. 1998. 31 октября.
99. Залпы критики против инакомыслящих ученых (О критике книги А.И.Яковлева) // Чӑваш ен. 1999. 6 февраля.
100. Со скрипкой в руках, с молитвой на устах (О М.Д.Дмитриеве) // Советская Чувашия. 1999. 9 июня.
101. Идеи Н.И.Ильминского подхватила И.Я.Яковлев // Товарищ. 1999. 18 июня.

102. Как чувашские монашки за родной язык стояли / //Советская Чувашия. 1999. 2 июля.
103. Священник открыл «чертову» дюжину школ (О Д.Ф.Филимонове) //Советская Чувашия—Столица. 1999. 7 июля.
104. Просветитель в рясе (О Д.Ф.Филимонове) //Товарищ. 1999. 16 июля; Советская Чувашия. 1999. 24 сентября.
105. Во имя культурного развития своего рода-племени (О Д.Ф.Филимонове) //Республика. 1999. 23, 30 июля.
106. Сподвижник просветителя (О С.Н.Тимрясове) // Молодежный курьер. 1999. 29 июля.
107. Слово «чувашин» для меня самое дорогое, милое слово (О Д.Ф.Филимонове) //Республика. 1999. 17, 24 сентября.
108. О конфликте просветителя с издателем //Советская Чувашия. 1999. 1 декабря.
109. Формирование дореволюционной чувашской интеллигенции и ее идейные поиски //Проблемы национального в развитии чувашского народа. Сб. статей. Чебоксары, 1999. С. 220—234.
110. «Чуваши Богом не обижены» (О подготовке чувашских учителей в дореволюционной России) //Республика. 2000. 4 февраля.
111. С нашивкой «Идель—Урал» на фашистской форме //Советская Чувашия. 2000. 2, 3, 6 июня.
112. Просветитель из Бугульмы //Чăваш ен. 2000. 2 сентября.
113. Собиратель фольклора и автор учебников //Чăваш ен. 2000. 23 сентября.
114. Из секретных донесений НКВД времен войны... / //Чăваш ен. 2000. 30 сентября.
115. Первый чувашский священник //Чăваш ен. 2000. 21 октября.
116. «Мысль о продолжении образования никогда не покидала меня...» (О А.И.Васильеве) //Труд—7. 2000. 19 октября.
117. Восточные легионы //Бизнес Среда. 2000. 19, 26 октября, 2, 9, 16, 23 ноября, 7, 14 декабря.
118. Не все хотели на войну //Труд—7. 2000. 26 октября.

119. В тылу как на войне //Труд—7. 2000. 2 ноября.
120. Как Сарсков давал деньги на самолет //Труд—7. 2000. 16 ноября.
121. Гестаповцы из чувашской глубинки //Труд—7. 2001. 4 января.
122. «Пятая графа» в царской России (О борьбе за преподавание на чувашском языке в начальной школе в до—революционное время) //Чувашия сегодня. 2000. 30 октября—я.
123. Мордовские легионеры воевали за Гитлера //Сто—лица С. 2000. 7 декабря.
124. Крах: Мордовских легионеров разгромили во Фран—ции //Столица С. 2000. 14 декабря.
125. Формирование и развитие института в 1930—1970—е годы. — В кн.: Чувашский государственный институт гу—манитарных наук. 1930—2000. Чебоксары, 2000. С. 12—76.
126. Между молотом и наковальней (О легионерах из Поволжья) //Труд—7. 2001. 11, 18 января.
127. Защита родного языка //Чăваш ен. 2001. 20 января.
128. «Хыпар» тата пăлхавсăсем (О нападках на газету «Хыпар») //Хыпар. 2001. 26 января.
129. Просветитель самарских чувашей //Бизнес Среда. 2001. 8 февраля.
130. Размышления просветителя Никольского //Чăваш ен. 2001. 17 февраля.
131. Чуваши у Л.Н.Толстого //Чăваш ен. 2001. 3 марта.
132. О чем писали чувашки Льву Толстому //Советская Чувашия. 2001. 12 марта.
133. Тăван халахшăн хăйне шеллемен. Гавриил Алю—нов суралнăранпа 125 сул ситнĕ май (О Г.Ф.Федорове-Алю—нове) //Хыпар. 2001. 13—16 марта.
134. Исследователь чувашского языка //Бизнес Сре—да. 2001. 15 марта.
135. Гавриил Алюнов против Ивана Яковлева //Рес—публика. 2001. 21 марта.
136. «Он был талантливый человек», — произнес Иван Яковлев, узнав о трагической смерти Гавриила Алюнова //Труд—7. 2001. 29 марта.
137. На службе рейха //Чувашия сегодня. 2001. 31 марта.

138. Родной язык — это и есть дар Божий //Республика. 2001. 11 апреля.
139. Эмигрант из Бюрганы //Чувашия сегодня. 2001. 23 апреля.
140. Первый чувашский священник //Республика. 2001. 25 апреля.
141. Чувашский язык в дореволюционной школе //Халӑх шкулӗ (Народная школа). 2001. № 1. С. 85—90.
142. Чужой в своей стране (О С.Н.Николаеве) //Труд—7. 2001. 24 мая.
143. Исследователь чувашского языка //Халӑх шкулӗ (Народная школа). 2001. № 2. С. 109—111.
144. Чувашские корреспонденты Льва Толстого //Чувашия сегодня. 2001. 4 июня.
145. Легионеры //Вести Чувашии. 2001. 30 июня.
146. Не поддерживал революционеров, но помогал заблудшим //Чувашия сегодня. 2001. 2 июля.
147. Чӑвашран тухнӑ пӗрремӗш пуп (Первый священник из чувашей) //Хыпар. 2001. 12 июля.
148. Чувашские учителя в годы первой русской революции //Вести Чувашии. 2001. 28 июля.
149. «Неудобный» Яковлев (об историке А.И.Яковлеве) //Труд—7. 2001. 26 июля.
150. Погиб в застенках ЧК (о Г.Ф.Федорове-Алюнове) //Чувашия сегодня. 2001. 28 июля.
151. Доброе сердце учителя (О доброте, сердечной заботе Яковлевых в отношении Е.С.Ильминской) //Советская Чувашия. 2001. 31 июля.
152. Чуваш Паймук в Волго-татарском легионе //Столица Ч. 2001. 5, 12, 19, 26 сентября.
153. Чиркӳре чӑвашла служба ирттернӗ пӗрремӗш пуп (О священнике, проводившем церковную службу впервые на чувашском языке) //Хыпар. 2001. 11 сентября.
154. Узник одиннадцатой камеры (о Г.Ф.Федорове-Алюнове) //Столица Ч. 2001. 10, 17, 24 октября.
155. Чувашия в годы Великой Отечественной войны. — В кн.: История Чувашии новейшего времени в 2 кн. Кн. I: 1917—1945. Чебоксары, 2001г. С. 214—261.
156. Уроженцы Поволжья — легионеры //Столица Ч. 2002. 4, 10 января.

157. Василий Гаврилович Архангельский: штрихи биографии // Эхо веков (Казань). 2001. № 3/4. С. 130—132; Вопросы истории. 2002. №6. С. 173—175.

158. Епископ Герман // Вести Чувашии. 2002. 22 марта.

159. Подготовка кадров чувашской интеллигенции в до-революционной Казани // Эхо веков. 2002. №3/4.

160. Поэт Н. Сандров — мой брат // Ялав. 2002. № 1. С.67—69.

**Г.А.Александров — составитель текстов
и автор комментариев**

29. Жиркевич А.В. Мои встречи с И.Я.Яковлевым. Из дневника за 1916—1924 годы. Чебоксары, 1998.

30. И.Я.Яковлева хутӗлесе (Ывӑлӗн кун сырӗвӗнчен) (В защиту И.Я.Яковлева. Из записей А.И.Яковлева за 1907 год) // Хыпар. 1998. 4, 11 ноября.

31. Алюнов Г.Ф. Тӗрмерен янӑ сырусем (Письма из Казанской тюрьмы) // Хресчен сасси. 2001. 20, 27 марта.

32. Алюн Кевӗрли. Нимӗс ялӗ (Немецкая деревня) // Хыпар. 2001. 19, 20 июля.

33. Тимрясов Е.М. С.Н.Тимрясов — сподвижник И.Я.Яковлева. — В кн.: И.Я.Яковлев и проблемы яковлеведения. Чебоксары, 2001. С. 115—124.

34. Пушкирев Л.Н. Мои встречи с А.И.Яковлевым. — В кн.: Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 2. Чебоксары, 2001. С. 238—270.

Интервью Г.А.Александрова

Малтанхисем — чи сутӑ тӗслӗх (о книге «Чувашская интеллигенция: истоки») // Хыпар. 1997. 6 июня.

Издание мемуаров — дело архисложное (по поводу издания книг об И.Я.Яковлеве) // Чӑваш ен. 1998. 25 июля.

Творцом истории является народ // Труд—7. 2002. 17 января.

По следам бывших legionеров // Советская Чувашия. 2002. 6 сентября.

Отзывы об исследованиях Г.А.Александрова

Алексеев А. Ялан тѣпчев-шыравра //Тӑван Атӑл. 1994. № 7. С. 68.

Пушкарев Л. Дневник Жиркевича — источник непреходящего значения //Советская Чувашия. 1997. 13 марта.

Пушкарев Л. «Чуваши богом не обижены...» //Совет — ская Чувашия. 1997. 5 июня.

Пушкарев Л. Книга о жизни патриарха чувашской культуры //Чӑваш ен. 1997. 18 октября.

Пушкарев Л. Необходимо отдельное издание //Дружба народов. 1997. № 5. С. 169—170.

Пушкарев Л. Новая книга об И.Я.Яковлеве //Совет — ская Чувашия. 1997. 14 ноября.

И.Бойко, Г.Николаев. Историк и публицист //Халӑх шкулӑ (Народная школа). 2001. № 6. С. 97—98.

И.Бойко. Историк-исследователь //Столица Ч. 2002. 10 января.

Г.Тафаев. Историк, который не ищет проторенных путей //Вести Чувашии. 2002. 11 января.

Г.Тафаев. Халӑх историкӗ, тӣпчевӑси, ӑсчахӗ: Г.А.Александров историк 60 ӑул тултарчӗ //Тӑван Атӑл. 2002. № 1. С. 67—68.

В.Станьял. Истори тӣпчевӑси //Ял ӗҫченӗ. 2002. 11 января.

В.Станьял. Калем тытакан катӑк пулман //Хыпар. 2002. 12 января; Ялав. 2002. № 1. С. 78—79.

В.Васильев. Ученый предполагает, спонсор располагает //Советская Чувашия. 2002. 24 января.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	3
М.Д.Дмитриев — первый чувашский священник.....	5
Д.Ф.Филимонов — православный просветитель.....	11
На ниве просвещения.....	12
Священник-миссионер.....	27
Переводчик и автор поучений.....	64
Этнографические заметки.....	73
Общественная работа.....	77
Семейная жизнь.....	85
В годы революции и гражданской войны.....	93
В советское время.....	100
А.С.Иванов — наблюдатель церковных школ.....	114
О.Г.Романов — деятель народного просвещения.....	132
Г.Ф.Алюнов — лидер революционно-национального движения.....	138
Историк А.И.Яковлев.....	172
А.И.Васильев — исследователь чувашского языка.....	202
Список опубликованных работ Г.А.Александрова.....	208

Подписано к печати 20.04.2003г. Формат 60x84^{1/16}.
Бумага офсетная. Гарнитура Baltica. Печать оперативная.
Усл. печ. л.13,5. Тираж 500 экз. Заказ № 187—03
Отпечатано с готового оригинал — макета в типографии
Шафровой Г. К.
Качество печати соответствует качеству оригинал — макета.